Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

I.

Лицей 40-хъ годовъ.—Протоіерей Кочетовъ.—Профессоръ Ивановскій.—Занятія политическою экономіею и финансами.—Страсть лицеистовъ къ серьезному чтенію и увлеченіе сенъ-симонизмомъ.—Зачисленіе на службу въ Государственную канцелярію.—Переходъ въ первое отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.—Исторія возникновенія инспекторскаго департамента.

Въ началѣ 1840 года, изъ V класса С.-Петербургской 2-ой гимназіи я поступилъ въ Императорскій Лицей, который помѣщался тогда въ Царскомъ Селѣ, а четыре года спустя былъ переведенъ въ самую столицу, въ отведенную ему на Петербургской сторонѣ просторную усадьбу. Завершилось мое образованіе въ Лицеѣ къ исходу 1845 года. Нашъ выпускъ, или, по-лицейски, курсъ являлся XIV-мъ съ основанія этого учебнаго заведенія. Такимъ образомъ, я на шесть лѣтъ моложе М. Х. Рейтерна (X курса), окончившаго Лицей въ годъ моего туда вступленія и освободившаго предназначенную мнѣ казенную вакансію.

Въ лицейскую семью я вошелъ четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, но мое развитіе опередило возрастъ, сверстники мои оказались далеко позади меня въ этомъ отношеніи, ихъ интересы были большею частью мнѣ чужды, и потому первые годы я проводилъ свободное время преимущественно съ воспитанниками старшихъ курсовъ. При неутолимой жаждѣ къ знанію вообще, во мнѣ довольно рано пробудилось увлеченіе философіею и религіозными вопросами, къ которымъ я подходилъ, главнымъ образомъ, съ критической стороны. Въ занятіяхъ

этими предметами меня особенно вдохновлялъ нашъ священникъ протоіерей Кочетовъ, образованнѣйшій человѣкъ того времени, сотрудникъ знаменитаго московскаго митрополита Филарета, въ бытность послѣдняго ректоромъ Петербургской духовной академіи. Несмотря на подчасъ проявлявшійся во мнѣ духъ отрицанія, о. Кочетовъ очень меня любилъ, постоянно восторгался моими знаніями, а на выпускномъ экзаменѣ даже особо отрекомендовалъ меня посѣтившему тогда лицей митрополиту Антонію.

Отъ религіи и философіи я перешелъ къ политической экономіи и сдѣлался ревностнымъ поклонникомъ этой науки, курсъ которой намъ читалъ И. А. Ивановскій. Талантливый и увлекательный—профессоръ Ивановскій принадлежалъ къ плеядѣ молодыхъ ученыхъ, впервые посланныхъ въ 30-хъ годахъ министромъ народнаго просвѣщенія Уваровымъ за границу для усовершенствованія въ избранной каждымъ изъ нихъ отрасли знанія. Ознакомившись въ чужихъ краяхъ съ новыми открытіями европейской научной мысли и обогативъ себя обширнымъ запасомъ необходимыхъ свѣдѣній, подготовленные такимъ путемъ профессора внесли свѣжую струю въ господствовавшіе у насъ тогда пріемы преподаванія, возбудили и утвердили въ своихъ слушателяхъ пламенную любовь къ чистой наукѣ. Въ частности, для насъ, лицеистовъ, лекціи незабвеннаго Ивановскаго были даже не ученіемъ, а просто наслажденіемъ. Подъ вліяніемъ этихъ лекцій я еще на школьной скамьѣ пристрастился къ изученію и разработкѣ различныхъ вопросовъ изъ области политической экономіи и финансовъ. Совершенно случайно мои труды въ указанномъ направленіи получили благодатную для своего развитія почву. Около описываемаго времени скончался отецъ одного изъ моихъ товарищей, служившій во второмъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и трудившійся надъ систематизаціею законовъ. Послѣ его смерти осталась довольно обширная библіотека, заключавшая въ себѣ, между прочимъ, полное собраніе законовъ. Такъ какъ для малой квартиры, въ которую переселилась осиротѣвшая семья, библіотека эта представляла значительную тягость, то я предложилъ своему товарищу временно, впредь до продажи книгъ, поставить ихъ у себя или вѣрнѣе въ казенной квартирѣ моего отца, управлявшаго тогда кредитною канцеляріею министерства финансовъ. Получивъ въ свое распоряженіе полное собраніе законовъ, я принялся изучать исторически различныя экономическія явленія въ нашемъ оте-

чествѣ со временъ царя Алексѣя Михаиловича. Съ этою цѣлью мною были сдѣланы подробныя выписки изъ всѣхъ обнародованныхъ въ полномъ собраніи правительственныхъ актовъ, касающихся финансоваго управленія, денежной системы и банковаго дѣла. Надъ такого рода работою я просидѣлъ нѣсколько лѣтъ, при чемъ рвеніе мое было настолько сильно, что я могъ въ теченіе каникулъ почти безъ отдыха трудиться надъ поставленною себѣ задачею, не выходя ни разу даже въ садъ.

Среди лицеистовъ того времени была сильно развита страсть къ чтенію, но удовлетворять ее въ ту пору, когда большая часть интересовавшихъ молодыхъ людей книгъ была запрещена, приходилось обходными путями. Обыкновенно, у каждаго изъ насъ былъ свой букинистъ, который отлично зналъ всѣ запрещенныя книги, особенно серьезныя, и время отъ времени навѣдывался къ своимъ покупателямъ, снабжая ихъ запрещенною литературою по интересовавшимъ вопросамъ. Наиболѣе извѣстенъ былъ своею дѣятельностью въ этой области одинъ изъ братьевъ Исаковыхъ, выдававшійся среди прочихъ купцовъ своимъ развитіемъ и державшійся нашей молодежи. Доставляемыми намъ, такимъ образомъ, книгами мы зачитывались по ночамъ. Особенно увлекалась тогдашняя молодежь политическою экономіею и развивавшимися на западѣ соціальными ученіями сенсимонистовъ, съ жадностью поглощая произведенія братьевъ Перейръ, Мишеля Шевалье и др. Но моя логическая голова удерживала меня отъ чрезмѣрнаго восхищенія возвышенными, но оторванными отъ жизненной дѣйствительности теоріями. Въ своихъ взглядахъ я оставался на почвѣ строгой политической экономіи, основанной на признаніи свободной борьбы разныхъ потребностей и элементовъ, а не на насиліи, будь то насиліе единоличное или толпы.

Окончившимъ курсъ лицея предоставлено было въ то время зачисляться на государственную службу въ любое изъ правительственныхъ установленій по собственному желанію. Стремясь имѣть возможно большій досугъ для своихъ научныхъ занятій, я, по выходѣ изъ лицея, поступилъ въ Государственную канцелярію подъ начальство Андрея Аѳанасьевича Никитина, статсъ-секретаря департамента Государственной экономіи. Разсчетъ мой оказался правильнымъ: какой-либо серьезной работы по канцеляріи мнѣ исполнять не приходилось, большую часть времени я проводилъ дома, погруженный въ свои изслѣдованія. Пребываніе мое въ Государственной канцеляріи продлилось, однако, недолго: въ іюлѣ 1846 года я былъ перевe-

денъ въ первое отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Переходу моему предшествовали слѣдующія небезынтересныя для исторіи нашей гражданской службы обстоятельства.

Въ началѣ 40-хъ годовъ покойный Императоръ Николай Павловичъ приказалъ статсъ-секретарю А. С. Танѣеву, управлявшему первымъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, сообщить министрамъ, чтобы они доставляли въ Высочайшія руки Государя формулярные списки всѣхъ служащихъ въ Россіи по гражданскому вѣдомству. Во исполненіе этой Высочайшей воли стали стекаться изъ всѣхъ правительственныхъ мѣстъ, начиная съ министерствъ и кончая земскими судами въ губерніяхъ, списки чиновниковъ. Многіе изъ такихъ списковъ были просмотрѣны самимъ Государемъ, который особенное вниманіе обращалъ на случаи подсудности и нерѣдко собственноручно отмѣчалъ противъ фамиліи находящагося подъ судомъ чиновника: „спросить“, а иногда прямо назначалъ провинившимся соотвѣтствующее наказаніе. Такъ, напримѣръ, какого-то канцелярскаго чиновника, находящагося подъ судомъ за то, что стрѣлялъ голубей на Смоленскомъ полѣ, Государь приказалъ уволить отъ службы. Точно также Государь нерѣдко интересовался, какими способами составляли себѣ состояніе нѣкоторые чиновники. Увидѣвъ изъ списковъ статсъ-секретаря Позена и сенатора Лубяновскаго, что за первымъ числится 3.000 душъ, а за вторымъ 2.500 душъ— въ Пензенской губерніи, Государь приказалъ спросить, какимъ путемъ они пріобрѣли свои имѣнія. Лубяновскій отвѣтилъ, что скопилъ необходимую на это сумму переводомъ Фенелонова Телемака. Противъ представленныхъ Позеномъ объясненій Государь написалъ: „Какой умный и способный человѣкъ“. Однако, количество накопившагося такимъ образомъ матеріала достигло постепенно столь внушительныхъ размѣровъ, что непосредственное ознакомленіе съ формулярными списками, безъ предварительной ихъ разработки, встрѣчало серьезныя затрудненія. Поэтому, просматривая списки Государственной канцеляріи, Государь повелѣлъ перевести изъ состава послѣдней нѣсколько чиновъ въ первое отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи для разсмотрѣнія всѣхъ вообще формулярныхъ списковъ. Въ числѣ командированныхъ шести чиновниковъ Государственной канцеляріи оказался и я. Наша работа у Танѣева заключалась въ подробной обработкѣ послужныхъ списковъ и, между прочимъ, въ составленіи свода всѣхъ подсудныхъ чи-

новъ. Этимъ положено было начало вскорѣ затѣмъ образованному при первомъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи Императорскому департаменту, которому были переданы всѣ дѣла, подлежавшія ранѣе вѣдѣнію Герольдіи, какъ-то: производство въ чины, назначенія на должности, наблюденіе за сроками изданія всѣхъ списковъ и пр. Самые списки стали печататься въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, гдѣ помѣщались и начавшіе выходить, подобно принятому въ военномъ вѣдомствѣ порядку, Высочайшіе приказы по гражданскому вѣдомству. Въ концѣ 1846 года я окончательно водворился въ Инспекторскомъ Департаментѣ и пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ, пользуясь такою же свободою для своихъ научныхъ занятій, какъ и въ Государственной канцеляріи.

II.

Общественное движеніе конца 40-хъ годовъ.—Кружки Петрашевскаго, Дурова и др.—Арестъ участниковъ кружковъ въ апрѣлѣ 1849 года.—Обыскъ въ квартирѣ Ламанскихъ и арестъ Порфирія Ивановича Ламанскаго.—Составъ верховной слѣдственной комиссіи.—Освобожденіе Порфирія Ивановича и привлеченіе къ слѣдствію Е. И. Ламанскаго.—Допросъ въ слѣдственной комиссіи и прекращеніе дѣла.

Во время моей службы подъ начальствомъ А. С. Танѣева, я былъ привлеченъ къ слѣдствію по такъ называемому дѣлу Петрашевскаго.

Въ 1847 году въ Петербургѣ началось соціальное движеніе. Въ это время здѣсь образовались кружки молодежи, гдѣ собирались и толковали о разныхъ предметахъ: о музыкѣ, поэзіи и о политическомъ состояніи европейскихъ государствъ: въ такихъ собраніяхъ обмѣнивались также мыслями о болѣе свободномъ развитіи въ Россіи, объ освобожденіи крестьянъ, о свободѣ торговли, о новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Между этими кружками былъ извѣстенъ кружокъ Петрашевскаго, у котораго собирались разные учителя, военная и статская молодежь. Другой кружокъ былъ у пріятеля Петрашевскаго Дурова, который жилъ вмѣстѣ съ А. И. Пальмомъ и Щелкановымъ; это была партія литературная. У Петрашевскаго собранія происходили по пятницамъ, а у Дурова, кажется, по средамъ. Съ теченіемъ времени собранія у Петрашевскаго приняли болѣе политическую окраску и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе систематическій характеръ: онъ приглашалъ учителей гимназій и у него была цѣль проводить свободныя мысли между юношествомъ. Я лично

былъ ближе къ кружку Щелканова и Дурова, потому что меня привлекала больше изящная сторона движенія — литературная и музыкальная; къ Петрашевскому ходилъ мой покойный братъ Порфирій, я же былъ тамъ всего разъ или два, такъ какъ мнѣ не нравилась практическая сторона дѣятельности этого кружка.

Кромѣ названныхъ двухъ кружковъ, подъ вліяніемъ кружка Петрашевскаго, образовались и въ другихъ частяхъ города собранія иного характера и свойства. Слухи о томъ, что за кружками наблюдаютъ и что въ числѣ посѣтителей есть агенты III отдѣленія, уже блуждали среди молодежи. Въ 1849 году на одномъ изъ баловъ-маскарадовъ какая-то таинственная маска подошла къ Пальму или къ кому другому и сказала: „Берегитесь, васъ сегодня же ночью будутъ арестовывать“. И дѣйствительно, на слѣдующій день ночью послѣдовали аресты Петрашевскаго, Спѣшнева, Толя и многихъ другихъ.

Въ это время я занималъ вмѣстѣ съ моимъ братомъ Порфиріемъ комнату въ квартирѣ отца въ зданіи Главнаго Штаба. Вернувшись 23-го апрѣля въ шесть часовъ утра домой, черезъ черный ходъ, я сѣлъ заниматься и заварилъ себѣ кофе въ наполеоновскомъ кофейникѣ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего прихода, я услышалъ стукъ въ дверь и, отворивъ ее, увидалъ блѣднаго и растерянnаго денщика Пальма. Пальмъ, Дуровъ и Щелкановъ жили въ одной квартирѣ, гдѣ и происходили наши собранія. Денщикъ дрожащимъ голосомъ сказалъ мнѣ:

„Нашихъ господъ взяли и они послали сказать вамъ, чтобъ вы припрятали, если у васъ есть какія-нибудь вещи“.

Я немедленно разбудилъ брата и сообщилъ ему все переданное денщикомъ и, между прочимъ, о томъ, что къ брату должны придти поутру въ тотъ же день. Наскоро оправившись и переговоривши, мы стали обдумывать, что намъ прятать и скрывать. Особенно подозрительнаго у насъ не было ничего, но были болѣе или менѣе запрещенныя книги того времени. Принявъ необходимыя мѣры предосторожности, мы съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія полиціи. Часовъ въ 12 братъ ушелъ на службу въ департаментъ внѣшней торговли, а я, какъ человѣкъ свободный, остался дома. Дѣйствительно въ 2 часа за братомъ отправились въ департаментъ и привели домой для осмотра комнаты, въ которой онъ жилъ вмѣстѣ со мною. Какъ любопытное обстоятельство, я припоминаю, что братъ мой былъ тогда боленъ и принималъ какія-то капли, прописанныя докторомъ. Въ то время, какъ агенты тайной и явной полиціи съ

депутатами отъ департамента, въ которомъ служилъ братъ, снимали съ полокъ всѣ книги нашей библіотечки, вынимали бумаги, находившіяся въ шкапахъ и столахъ, и сваливали все въ одинъ узелъ, братъ мой захотѣлъ принять свои капли, но жандармъ съ осторожностью остановилъ его, говоря: „Нѣтъ, извините, я этого не могу вамъ позволить".

Не буду описывать отчаяніе матери и сдерживаемаго хладнокровія отца. Оказалось, что требовалось взять только одного брата Порфирія; меня же оставили свободнымъ. Какъ за тѣмъ обнаружилось, забирались сначала по списку агентовъ, сообщавшихъ о засѣданіяхъ у Петрашевскаго, а о собраніяхъ у Дурова еще ничего не знали. Въ числѣ посѣщавшихъ Петрашевскаго я не былъ намѣченъ, такъ какъ бывалъ у него очень рѣдко.

По заарестованіи моего брата ни я, ни родители мои не знали, что съ нимъ сдѣлалось и куда его дѣвали. Въ такомъ безпокойствѣ прошло нѣсколько дней, и только чрезъ недѣлю самыхъ назойливыхъ и безпрестанныхъ хлопотъ удалось узнать, что онъ содержится въ крѣпости впредь до разсмотрѣнія дѣла и что разрѣшается прислать ему бѣлье и другія необходимыя вещи, но ни свиданій, ни сообщеній съ нимъ не было дозволено никому ни подъ какимъ предлогомъ.

Что касается меня, то я былъ въ первое время вполнѣ покоенъ, и чрезъ нѣсколько недѣль у меня снова появились и прежнія и новыя запрещенныя книги и точно также приходили ко мнѣ тогда существовавшіе букинисты, спеціально торговавшіе книгами, на которыя имъ указывала русская цензура своими запрещеніями.

Мало-по-малу, слухи о томъ, въ чемъ подозрѣвались захваченные молодые люди и какое развитіе принимало слѣдствіе, проникли въ общество. Эпизоды заарестованія тѣхъ или другихъ изъ участвовавшихъ въ собраніяхъ лицъ сдѣлались общей басней въ городѣ. Затѣмъ понемногу стали разсказываться открытія, къ которымъ привело слѣдствіе, новые дополнительные аресты и болѣе или менѣе бѣглыя сообщенія изъ разныхъ кружковъ. Кромѣ того, родственники и близкіе друзья заарестованныхъ время отъ времени получали свѣдѣнія о ходѣ уголовнаго слѣдствія.

Послѣ доноса и первыхъ докладовъ Липранди все дѣло было поручено особой верховной слѣдственной комиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина, изъ коменданта крѣпости генерала Набокова и Я. И. Ростовцева.

Неожиданно для меня и для всего нашего семейства въ іюлѣ мѣсяцѣ явился къ намъ освобожденный изъ крѣпостного заключенія братъ мой Порфирій. Изъ разсказовъ его о печальномъ содержаніи въ крѣпости, о тѣхъ допросахъ, которые имъ дѣлали, и объ очныхъ ставкахъ съ другими посѣтителями кружковъ я узналъ, что раскрыты были всѣ развѣтвленія и что я неминуемо буду заарестованъ. Братъ мой объяснилъ мнѣ, что ни на немъ, ни на мнѣ не лежитъ особенныхъ обвиненій, но что тѣмъ не менѣе взятъ я буду для дополненія и окончанія слѣдствія. Въ ожиданіи этого момента я, разумѣется, снова прибралъ всѣ книги и бумаги и, живя тогда на Черной рѣчкѣ на дачѣ Бегрова, ожидалъ въ спокойномъ far niente появленія чиновъ тайной полиціи.

Въ одинъ прекрасный день, въ пять часовъ утра, пріѣхалъ къ намъ на дачу жандармскій полковникъ и вмѣстѣ съ нимъ вошло нѣсколько понятыхъ. Оказалось, что всѣ калитки и заборъ дачи, гдѣ мы жили, были тщательно оберегаемы нижними чинами полиціи. Я зналъ, что меня берутъ только для нѣкоторыхъ допросовъ и что въ скоромъ времени я буду освобожденъ, и потому не испытывалъ никакого волненія. Въ комнатѣ моей не нашли ничего кромѣ одного листа бумаги. Нельзя не упомянуть, что когда явились чины полиціи и мой отецъ спросилъ, по какому праву тревожатъ его покой, они предъявили ему бумагу, что имѣютъ приказъ пригласить сына его Валеріана къ начальнику III отдѣленія. Отецъ объяснилъ имъ, что у него въ семействѣ вовсе нѣтъ сына Валерьяна, а есть Евгеній и что вѣроятно это его приглашаютъ или можетъ быть брата Порфирія, который былъ незадолго предъ этимъ освобожденъ. Цѣль отца моего состояла въ томъ, чтобъ насъ взяли обоихъ и чтобъ братъ Порфирій, по освобожденіи, могъ сказать, что сдѣлалось со мною. Въ виду недоразумѣнія чины полиціи на это согласились, и я помню, какъ, одѣвшись, я сѣлъ на щегольскую эгоистку жандармскаго полковника, который, поддерживая за талію, доставилъ меня въ III отдѣленіе къ генералу Дуббельту.

Тотчасъ же по прибытіи Дуббельтъ пригласилъ меня въ кабинетъ вмѣстѣ съ братомъ и сказалъ, обращаясь къ нему:

„Вы, Порфирій Ивановичъ, можете ѣхать домой и сказать вашей матушкѣ, что намъ нужно будетъ оставить здѣсь брата вашего Евгенія Ивановича, но чтобъ матушка ваша не безпокоилась“.

Вслѣдъ за тѣмъ меня отвели въ большую залу, которую

предоставили въ полное мое распоряженіе, разумѣется, приставивъ съ наружной стороны дверей жандарма. Вскорѣ пришелъ жандармскій полковникъ и сказалъ, что все, что я желаю, будетъ въ моемъ распоряженіи, что, если я хочу завтракать или обѣдать, мнѣ все будетъ отпущено.

— А черезъ нѣсколько времени я вамъ принесу нѣкоторые вопросные пункты,—прибавилъ полковникъ.

Дѣйствительно, мнѣ подали перо, бумагу и чернила. Вопросные пункты были довольно многочисленны и многіе изъ нихъ весьма неопредѣленны. Въ числѣ вопросовъ я помню слѣдующіе: сколько лѣтъ? гдѣ воспитывался? посѣщалъ ли Петрашевскаго? бывалъ ли у Дурова? какія держалъ рѣчи? что понималъ подъ словомъ свобода торговли? велъ ли разговоры объ освобожденіи крестьянъ и объ уничтоженіи помѣщиковъ, о томъ, чтобъ освободить торговлю и т. п. Я написалъ отвѣты на всѣ вопросы и, кончивъ показаніе уже послѣ обѣда, передалъ ихъ полковнику, а самъ легъ спать.

На другое утро явился ко мнѣ тотъ же полковникъ и сказалъ, что генералъ Дуббельтъ проситъ меня поѣхать съ нимъ въ комиссію. Эта послѣдняя засѣдала въ Петропавловской крѣпости, куда я и прибылъ въ сопровожденіи полковника. Меня тотчасъ же позвали въ комиссію, и я увидалъ тамъ князя Гагарина, Набокова и Ростовцева, которые начали предлагать мнѣ разные вопросы, отвѣты на которые я уже зналъ впередъ, частію изъ объясненій моего брата, частію изъ тѣхъ вопросныхъ пунктовъ, которые были предложены мнѣ наканунѣ. Вопросы касались преимущественно освобожденія крестьянъ и свободы торговли. Это экономическое ученіе было извѣстно генераламъ въ смыслѣ избавленія купцовъ отъ какой-то зависимости отъ правительства и чуть ли не призыва къ бунту всего коммерческаго люда въ Россіи. Когда я объяснилъ, что ученіе о свободѣ торговли есть ученіе экономическое, что о немъ намъ читали съ каѳедръ профессора, что оно признается въ Европѣ, они заставили меня дать снова объясненіе и съ большой снисходительностью эти же самые члены комиссіи подсказывали мнѣ выраженія, служащія къ оправданію. Затѣмъ прочитавъ мнѣ нотацію о добротѣ Государя Императора, который такъ великъ и благодушенъ, что снисходитъ къ заблужденіямъ молодежи, члены комиссіи объяснили мнѣ, что хотя я, по своимъ поступкамъ и идеямъ, заслуживаю тяжкаго наказанія, но что во вниманіе къ моей молодости и общественному положенію, они вмѣняютъ мнѣ этотъ выговоръ въ нака-

заніе и освобождаютъ меня отъ заслуженной мною кары, но съ тѣмъ, чтобы я никогда о томъ, что происходило, никому не разсказывалъ. Вслѣдъ за симъ мнѣ сказали, что я свободенъ и могу ѣхать домой.

Все это дѣло тянулось еще нѣкоторое время, и въ концѣ года, въ декабрѣ, вышелъ подробный докладъ съ резолюціей Государя.

Безспорно, мой арестъ сдѣлался извѣстенъ, я отправился къ статсъ-секретарю Танѣеву и разсказалъ о случившемся. Онъ былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ и сказалъ, что соберетъ обо мнѣ справки. Затѣмъ, по совѣщаніи съ княземъ Гагаринымъ, Танѣевъ не встрѣтилъ препятствій оставить меня на службѣ, но тѣмъ не менѣе исторія эта на долгое время, по ея окончаніи и послѣ рѣшенія въ отношеніи всѣхъ другихъ подсудимыхъ, оставила за собою вліяніе на мою карьеру.

Какъ было замѣчено выше, верховная слѣдственная комиссія вмѣняла, между прочимъ, въ вину мнѣ и другимъ арестованнымъ лицамъ происходившіе между нами разговоры относительно освобожденія крестьянъ. Черезъ десять лѣтъ послѣ описаннаго событія я былъ назначенъ членомъ редакціонныхъ комиссій по выработкѣ положеній о крестьянахъ, освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости, а одинъ изъ участниковъ слѣдственной коллегіи 40 года Я. И. Ростовцевъ состоялъ предсѣдателемъ этихъ комиссій, предначертавшихъ то великое преобразованіе, за одни разсужденія о которомъ приходилось еще такъ недавно нести отвѣтственность чуть ли не въ государственной измѣнѣ.

III.

Переходъ на службу въ министерство финансовъ.—Характеристика министровъ финансовъ въ царствованіе Императора Николая I.—Канкринъ. Вронченко. Брокъ.—Исторія назначенія Брока товарищемъ министра финансовъ, а затѣмъ и министромъ финансовъ.—Порядокъ утвержденія государственныхъ бюджетовъ въ царствованіе Императора Николая I.

Непрерывныя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занятія мои по исторіи денежнаго обращенія и банковому дѣлу естественно предопредѣляли меня для дѣятельности въ министерствѣ финансовъ. Сюда я, наконецъ, и перешелъ въ началѣ 1853 года на должность чиновника особыхъ порученій.

Какъ извѣстно, царствованіе Императора Николая Павловича не было ознаменовано сколько-нибудь крупными преобразованіями по части финансовъ; но и тѣ немногія въ этой обла-

сти реформы, которыя осуществились въ указанный періодъ, относятся ко времени управленія министерствомъ финансовъ графа Канкрина; преемники же его Вронченко и Брокъ, можно сказать, ничего полезнаго не сдѣлали.

По сохранившимся въ моей памяти разсказамъ моего отца и другихъ лицъ, служившихъ при Канкринѣ и хорошо его знавшихъ, Канкринъ впервые обнаружилъ свои способности во время отечественной войны, когда, занимая должность генералъ-интенданта нашихъ армій, онъ производилъ всѣ разсчеты по военнымъ расходамъ какъ внутри Имперіи, такъ и по переходѣ нашими войсками границы. Успѣшность его дѣятельности въ этомъ отношеніи была удостовѣрена особою комиссіею, учрежденной министерствомъ финансовъ въ 1815—16 г.г. для повѣрки произведенныхъ на довольствіе армій расходовъ, причитавшихся намъ отъ Англіи платежей и т. п. Менѣе восторженные отзывы сложились о Канкринѣ—министрѣ финансовъ. Его слава какъ хорошаго хозяина и умѣлаго администратора въ министерствѣ можетъ быть и справедлива; но экономистъ онъ былъ очень плохой. Имъ даже не сознавались тѣ серьезные недостатки, которые были присущи кредитнымъ установленіямъ того времени и препятствовали постановкѣ у насъ на правильныя основанія банковаго дѣла. Денежное преобразованіе 1839—1843 г.г., хотя и связано съ именемъ Канкрина, однако едва-ли осуществлено по его почину. У меня есть данныя предполагать, что главную въ этомъ дѣлѣ роль игралъ членъ Государственнаго Совѣта князь Друцкой-Любецкій, при чемъ составленный имъ планъ реформы повидимому даже не нашелъ себѣ сочувствія со стороны министра финансовъ. Какъ человѣкъ, Канкринъ отличался несноснымъ характеромъ: былъ крайне упрямъ, воображалъ себя выше всѣхъ, любилъ въ сложныхъ вопросахъ отдѣлываться громкими фразами и былъ до грубости рѣзокъ не только съ подчиненными, но даже въ Государственномъ Совѣтѣ, особенно, когда ему приходилось отстаивать тамъ свои зачастую узкіе взгляды. Такъ, въ одномъ изъ засѣданій совѣта онъ началъ путать какое-то дѣло цифрами, пересыпая свою рѣчь разными техническими терминами, въ родѣ: бухгалтеръ, балансъ и т. п. Когда разбиравшійся вопросъ оказался погруженнымъ въ густой туманъ Канкриновской фразеологіи, графъ Строгановъ заявилъ, что онъ ничего не понимаетъ, вѣроятно потому, что онъ не былъ бухгалтеромъ. На это Канкринъ вдругъ возразилъ: „Я былъ бухгалтеромъ, но вотъ дуракомъ я никогда не былъ“. Усилившаяся съ теченіемъ вре-

мени склонность Канкрина къ экономіи и частые отказы его въ производствѣ новыхъ расходовъ стали раздражать Императора Николая Павловича, который, хотя и цѣнилъ Канкрина, но, не перенося вообще противорѣчій, очевидно тяготился проявляемою имъ неуступчивостью. Это обстоятельство въ связи съ ухудшеніемъ въ здоровьѣ Канкрина, требовавшимъ частыхъ поѣздокъ за границу, привело, наконецъ, къ увольненію его отъ должности министра финансовъ.

Мѣсто Канкрина занялъ мой крестный отецъ Ѳ. П. Вронченко, возведенный впослѣдствіи, по случаю пятидесятилѣтія своей государственной службы, въ графское достоинство. Малороссъ по происхожденію, Вронченко отличался на рѣдкость уродливою наружностью: ростомъ вышиною почти съ сажень, неуклюжій, съ длинными руками, словомъ, настоящій орангутангъ. Онъ былъ умнымъ и хитрымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ честнымъ человѣкомъ. Долгое время управляя кредитною канцеляріею, Вронченко постоянно бывалъ въ домѣ графа Канкрина, гдѣ онъ исполнялъ обязанности шута при хозяйкѣ дома—графинѣ Екатеринѣ Захарьевнѣ, рожденной Муравьевой. Во время лѣтнихъ прогулокъ дѣти Канкрина нерѣдко зарывали Вронченко въ сѣно, но онъ безропотно переносилъ всѣ подобнаго рода продѣлки. По природѣ своей скабрезный циникъ, Вронченко часто служилъ мишенью для остротъ князя А. С. Меншикова. О сладострастныхъ похожденіяхъ Вронченки ходило въ свое время много комичныхъ разсказовъ. Вотъ одинъ изъ нихъ. Прогуливаясь, однажды, по Петровскому острову, Вронченко замѣтилъ купавшуюся спиною къ нему соблазнительную фигуру съ густыми золотистаго цвѣта волосами. Воспламененный этимъ видѣніемъ, онъ приказалъ курьеру немедленно доставить къ нему эту, по его предположенію, женщину. Но каково же было удивленіе и досада похотливаго Вронченки, когда возвратившійся курьеръ доложилъ ему, что очаровавшія его тѣлеса принадлежатъ не женщинѣ, а купавшемуся діакону мѣстной церкви.

Начало управленія министерствомъ финансовъ Вронченкою совпало съ проведеніемъ реформы по замѣнѣ ассигнацій кредитными билетами; это дало поводъ Вронченкѣ впослѣдствіи говорить, что и самая реформа была задумана имъ. Въ дѣйствительности же никакихъ реформъ при немъ не задумывалось. Сдѣлавшись министромъ, Вронченко болѣе всего старался расположить къ себѣ вліятельныхъ лицъ, и въ этомъ отношеніи его угодливости не было, кажется, предѣловъ. Онъ постоянно

представлялъ Государю доклады о прощеніи долговъ и объ оказаніи разныхъ другихъ льготъ высокопоставленнымъ лицамъ за счетъ государственнаго казначейства. Каждый разъ, когда къ нему пріѣзжалъ съ какими-нибудь просьбами графъ Орловъ, Вронченко сбѣгалъ къ всесильному предсѣдателю комитета министровъ внизъ по лѣстницѣ и встрѣчалъ его въ швейцарской.

Но самымъ разительнымъ примѣромъ недостойнаго подслуживанія Вронченки является исторія назначенія товарищемъ министра финансовъ—Брока, человѣка совершенно незнакомаго съ первымъ словомъ финансовой науки. Въ канцеляріи комитета министровъ, гдѣ служилъ Брокъ до своего перехода въ министерство финансовъ, понадобилось продвинуть на его мѣсто другого, болѣе способнаго чиновника Буткова. Это побудило графа Орлова, какъ предсѣдателя комитета, обратиться къ Вронченкѣ съ просьбою устроить Брока по министерству финансовъ. Брокъ мечталъ, какъ о блаженствѣ, поступить директоромъ канцеляріи министерства, но Вронченко, по свойственному ему хамству, счелъ неудобнымъ, въ отношеніи къ просьбѣ графа Орлова, назначить Брока директоромъ своей канцеляріи и предложилъ ему прямо мѣсто своего товарища. Вскорѣ затѣмъ здоровье графа Вронченки, который былъ уже очень старъ, совершенно разстроилось. Въ предвидѣніи близкой кончины Вронченки, Брокъ сталъ мечтать о занятіи поста министра финансовъ. Директоромъ канцеляріи былъ тогда баронъ Гревеницъ, человѣкъ бездарный и пустой. По взаимному между собою соглашенію, Гревеницъ съ Брокомъ рѣшили заставить Вронченко, передъ смертью, обратиться къ Императору Николаю Павловичу съ просьбою о назначеніи министромъ финансовъ Брока, а товарищемъ министра—Гревеница. Въ этомъ смыслѣ составлена была докладная записка, подписанная рукою умирающаго графа Вронченки. Покойный Государь исполнилъ, якобы, волю графа Вронченки и назначилъ Брока сначала управляющимъ министерствомъ финансовъ, а затѣмъ министромъ финансовъ, но Гревеницъ въ товарищи министра не попалъ, изъ-за чего произошла цѣлая исторія, а въ публикѣ сдѣлался извѣстенъ приведенный случай. Вмѣсто Гревеница Брокъ избралъ себѣ въ товарищи весьма добраго, умнаго и образованнаго человѣка, но совершенно невѣжественнаго въ финансовомъ дѣлѣ—тайнаго совѣтника Норова, который кромѣ свѣтскаго приличія не имѣлъ другихъ заслугъ. Единственная его заслуга, пожалуй, состояла въ томъ,

что онъ самъ первый всегда заявлялъ объ отсутствіи у него знаній по финансовой части.

Понятно, что при такомъ составѣ высшихъ должностныхъ лицъ министерства финансовъ, отъ вѣдомства этого нельзя было ждать какихъ-либо благодѣтельныхъ начинаній и вся дѣятельность его сводилась исключительно къ текущей работѣ. Впрочемъ, и въ этой области наиболѣе серьезные вопросы получали движеніе по почину и непосредственнымъ указаніямъ Государя. Особенно близкое участіе Императоръ Николай Павловичъ проявлялъ въ дѣлѣ составленія бюджета, такъ что государственная роспись, составлявшая тогда тайну, хотя и разсматривалась въ послѣдній день года въ Государственномъ Совѣтѣ, но въ дѣйствительности, можно сказать, устанавливалась лично Государемъ. Въ видѣ примѣра я приведу сохранившіяся у меня свѣдѣнія объ условіяхъ утвержденія бюджета на 50-й годъ.

Представлявшійся Государю бюджетъ сопровождался обыкновенно вѣдомостью о тѣхъ займахъ, которые министръ финансовъ предполагалъ сдѣлать изъ банковыхъ установленій въ дополненіе къ обыкновеннымъ государственнымъ доходамъ. При бюджетѣ на 50-й годъ вѣдомость эта была представлена 23 декабря 1849 года министромъ финансовъ, статсъ-секретаремъ графомъ Вронченко вмѣстѣ съ запискою слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе изъявленной сегодня Высочайшей воли, имѣю счастіе всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству вѣдомость о займахъ на 50-й годъ, составленную согласно Высочайшему указанію съ приложеніемъ". На запискѣ этой рукою Императора, при возвращеніи бумагъ, было помѣчено: „Полагаю необходимымъ снестись съ княземъ Меншиковымъ, что, кромѣ внесенныхъ въ роспись статей утвержденныхъ уже займовъ, прочія не возможны. Графа Клейнмихеля увѣдомить, что кромѣ утвержденныхъ уже займовъ можно только его вѣдомству назначить 2 милліона; князя Волконскаго увѣдомить, что на работы музеума нельзя назначить 500 тысячъ, а чтобы донесено было, сколько слѣдуетъ за произведенныя работы; новыя же остановить и по Кремлю тоже. За сими убавками уменьшится экстренныхъ займовъ на работы отъ морского министерства 1.797.025 р., по министерству двора, примѣрно, 500.000 р.; отъ путей сообщенія 6.359.194 р., отъ зданій государственнаго имущества 75.000 р., отъ зданія Оренбургскихъ присутственныхъ мѣстъ 35.000 р., отъ архангельскаго шоссе 27.581 р.; отъ государственныхъ имуществъ 650.000 р., по министерству финансовъ 31.254 р., а всего 9.475.054 р. меньше,

а затѣмъ всѣхъ экстренныхъ займовъ около 10.000.000 рублей, а съ остальными невыполненными въ 49-мъ году—12.900 тысячъ, да на покрытіе смѣтнаго дефицита 28.000.000 рублей; всего нужно 40.900.000 р., менѣе прошлаго года будетъ на 4.096.206 р. о чемъ честь имѣю поздравить, а ежели эти 4.096.206 р. можно допустить, то весьма бы полезно было раздѣлить ихъ такъ: министру двора на музеумъ 500.000; князю Меншикову 1.500.000 и графу Клейнмихелю—2.000.000. Весьма нужныя работы". Получивъ эту резолюцію 23-го того же декабря, министръ финансовъ пишетъ Государю слѣдующее: „Имѣвъ счастіе получить Высочайшія отмѣтки о займахъ, поспѣшу всеподданнѣйше Вашему Императорскому Величеству донести, что Высочайшія повелѣнія будутъ немедленно сообщены по принадлежности. Обстоятельство касательно займовъ на 4.096.206 р. (сверхъ 40.900.000 р.) я полагалъ бы обсудить въ комитетѣ финансовъ, такъ какъ подобный предметъ былъ разсматриваемъ въ семъ комитетѣ и въ прошедшемъ году, и если признано будетъ возможнымъ разрѣшить оные, то распредѣленіе суммъ имѣетъ быть сдѣлано согласно Высочайшему указанію. Не могу скрыть передъ Вашимъ Величествомъ, что я весьма удивленъ былъ столь скорымъ возвращеніемъ бумагъ, ибо никакъ не могъ предполагать, чтобы разсмотрѣніе и разрѣшеніе оныхъ могло совершиться въ продолженіе $1^1/_2$ часовъ". На этой бумагѣ при возвращеніи ея Государь положилъ слѣдующую резолюцію: „Рады стараться. Желалъ бы, чтобы нашелъ возможнымъ и все сбрить, но никакъ не возможно и впрочемъ деньги эти пустятся въ обращеніе и воротятся намъ въ податяхъ и въ банки. 24 декабря 49 года".

Сообщ. **А. фонъ Таль.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

IV [1]).

Занятія въ Географическомъ Обществѣ.—Развитіе дѣятельности общества съ середины 50-хъ годовъ.—Командировка секретаря общества Е. И. Ламанскаго за границу.—Отношеніе къ этой командировкѣ министра финансовъ Брока.—Посвѣщеніе Германіи, Франціи, Бельгіи.—Вѣнскій статистическій международный конгрессъ.—Изученіе банковаго дѣла въ Парижѣ.—Поѣздка въ Лондонъ.

За отсутствіемъ серьезной работы въ министерствѣ финансовъ въ періодъ управленія Брока, дѣятельность моя въ это время сосредоточилась, главнымъ образомъ, въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, членомъ котораго я былъ избранъ въ 1850 году. По предложенію Вице-Предсѣдателя общества М. Н. Муравьева (бывшаго впослѣдствіи министромъ государственныхъ имуществъ и генералъ-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края), я принялъ на себя въ 1852 году завѣдываніе библіотекою общества, затѣмъ сдѣлался секретаремъ отдѣленія статистики и, наконецъ, съ 1853 года, по отъѣздѣ для лѣченія за границу Владиміра Алексѣевича Милютина, вскорѣ потомъ умершаго, сталъ исполнять обязанности секретаря общества. Въ качествѣ секретаря отдѣленія статистики, я взялъ на себя редакцію II тома статистическаго сборника общества, вышедшаго въ 1854 году. Въ этомъ томѣ появились составлявшія плодъ долголѣтнихъ трудовъ двѣ статьи мои: Историчеекій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи съ 1650 по 1817 годъ и статистическій обзоръ операцій государственныхъ кредитныхъ установленій съ 1817 по 1852 года. Въ основу перваго изъ этихъ изслѣдованій легли

[1]) См. „Русская Старина“ январь 1915 г.

добытыя мною въ Полномъ Собраніи законовъ данныя о нашемъ экономическомъ и финансовомъ положеніи со времени Царя Алексѣя Михайловича. Матеріалами же для второй работы послужили, главнымъ образомъ, найденные мною у отца отчеты государственныхъ кредитныхъ установленій, которые, хотя и обнародывались во всеобщее свѣдѣніе, начиная съ 1817 года, однако, оставались публикѣ почти неизвѣстными. Въ этихъ статьяхъ моихъ имѣются многочисленныя ссылки на впервые мною извлеченныя изъ разныхъ томовъ Полнаго Собранія законовъ историческія свѣдѣнія о нашемъ денежномъ обращеніи. Писавшіе послѣ меня по тому же вопросу авторы видимо часто пользовались, какъ путеводною нитью, моимъ сочиненіемъ, хотя нигдѣ объ этомъ прямо и не упоминаютъ. За свои изслѣдованія я получилъ отъ Географическаго Общества полную Жуковскую премію и былъ избранъ Императорскою Академіею Наукъ въ члены-корреспонденты.

Въ февралѣ 1855 года послѣдовала, какъ извѣстно, кончина Императора Николая Павловича. Я помню, въ этотъ день назначено было засѣданіе въ Географическомъ Обществѣ. Всѣ мы пришли въ возбужденномъ настроеніи и скоро закрыли засѣданіе, потому что вмѣсто того чтобы вести бесѣду о предметѣ засѣданія, хотѣлось поговорить о другомъ. Разошлись мы группами по улицамъ, съ жаромъ толковали о томъ, что старый режимъ продолжаться не можетъ, такъ какъ Крымская война доказала всю несостоятельность Россіи передъ Европою, и ничтожество одной грубой силы передъ усовершенствованіями науки. Многіе бросались цѣловаться другъ съ другомъ на улицахъ, въ ожиданіи наступленія лучшаго положенія вещей.

Обнаружившіяся съ новымъ царствованіемъ новыя вѣянія, охвативъ собою всѣ стороны нашей государственной и общественной жизни, не могли, конечно, не отразиться и на дѣятельности Географическаго Общества. Завоевавъ себѣ почетное мѣсто среди научныхъ учрежденій, общество это не находилось, однако, въ сколько-нибудь оживленномъ общеніи съ другими родственными ему по своимъ задачамъ организаціями въ Западной Европѣ. Для установленія болѣе тѣсной связи съ послѣдними совѣтъ общества, въ составъ котораго, на-ряду съ вице-предсѣдателемъ М. Н. Муравьевымъ и помощникомъ предсѣдателя А. И. Левшинымъ, входили въ то время: Д. А. и Н. А. Милютины, А. М. Княжевичъ, Я. И. Ростовцевъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, престарѣлый П. И. Кеппенъ,—поручилъ мнѣ, въ концѣ 1856 года, отправиться

за границу для распространенія, по возможности, сношеній общества съ иностранными учеными учрежденіями по части географіи, этнографіи и статистики, а также для присутствованія, въ качествѣ представителя общества, на созывавшемся осенью 1857 года, въ Вѣнѣ, III-мъ статистическомъ международномъ конгрессѣ. Кромѣ того, въ виду высказаннаго П. И. Кеппеномъ отъ имени статистическаго отдѣленія пожеланія, раздѣленнаго и совѣтомъ общества, я поставилъ себѣ задачею изучить, во время командировки, устройство за границею государственнаго и частнаго кредита и вообще финансовыя учрежденія главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствъ. Понятно, что объ этомъ предположеніи мною было сообщено Броку, въ вѣдомствѣ котораго я служилъ чиновникомъ особыхъ порученій, но къ величайшему изумленію Брокъ отнесся къ задуманной мѣрѣ несочувственно, заявивъ, что Россіи нечему учиться за границею. Отрицательное отношеніе министра финансовъ къ моей командировкѣ повергло общество въ уныніе, лишивъ его надежды получить изъ казны необходимыя на мое путешествіе средства. Однако, дѣлу помогъ Августѣйшій предсѣдатель общества Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Онъ испросилъ Высочайшее повелѣніе о выдачѣ мнѣ изъ государственнаго казначейства на покрытіе расходовъ по командировкѣ 4 тыс. руб. серебромъ. Послѣ этого случая, возстановившаго противъ меня Брока, мнѣ оставалось только покинуть службу въ министерствѣ финансовъ, что я и сдѣлалъ, выйдя въ началѣ 1857 года передъ самымъ отъѣздъ за границу, въ отставку.

Итакъ съ весны 1857 года до осени 1858 года, то есть полтора года я провелъ въ чужихъ краяхъ. Исполненіе возложеннаго на меня Географическимъ Обществомъ порученія я началъ съ Берлина, гдѣ засталъ старика Ал. Гумбольдта, географа Риттера, статистиковъ Дитерици и Эрмана. Затѣмъ, я посѣтилъ другіе главные города Германіи, въ которыхъ имѣли мѣстопребываніе научныя учрежденія или была развита банковская и финансовая дѣятельность, при чемъ особенное впечатлѣніе оставилъ во мнѣ Гамбургъ, со своею едва-ли не лучшею на земномъ шарѣ коммерческою библіотекою. Повсюду встрѣчалъ я самое любезное и предупредительное къ себѣ отношеніе. Менѣе всего радушія проявляли наши дипломатическіе агенты, которымъ видимо не нравилось, что ихъ тревожитъ какой-то русскій изслѣдователь. Впрочемъ, освоившись съ заграничными порядками, я пересталъ прибѣгать къ услугамъ

нашихъ дипломатовъ и непосредственно обращался въ тѣ или другія учрежденія, гдѣ, безъ всякой рекомендаціи, получалъ все, что мнѣ было нужно.

Изъ Германіи черезъ Страсбургъ я пріѣхалъ на двѣ недѣли въ Парижъ, а затѣмъ отправился въ Брюссель, гдѣ провелъ вторую половину іюля и часть августа. Здѣсь я познакомился со знаменитымъ ученымъ, секретаремъ Брюссельской академіи наукъ Кеттлэ, предсѣдательствовавшимъ въ центральной статистической комиссіи. Старикъ меня обласкалъ и очень полюбилъ. Покинувъ Брюссель, я посѣтилъ нѣкоторые города Бельгіи, совершилъ прогулку по Рейну и черезъ Франкфуртъ, Лейпцигъ, Дрезденъ и Прагу направился въ Вѣну, чтобы присутствовать на открывшемся тамъ въ концѣ августа международномъ конгрессѣ. Еще во время моего пребыванія въ Брюсселѣ, мы условились съ Кеттлэ ѣхать на этотъ конгрессъ вмѣстѣ. Встрѣча наша была назначена, согласно заранѣе выработанному маршруту, на границѣ Саксоніи и Австріи въ Боденбахѣ, куда Кеттлэ долженъ былъ пріѣхать прямо изъ Брюсселя. Свиданіе это сопровождалось забавнымъ инцидентомъ, обнаружившимъ невѣроятную разсѣянность и забывчивость бельгійскаго ученаго. Пріѣхавъ въ Боденбахъ, въ 2 часа ночи, я, послѣ таможеннаго осмотра, пошелъ всюду разыскивать Кеттлэ. Наконецъ, встрѣчаю его; онъ любезно здоровается и пресерьезно спрашиваетъ меня: „скажите, пожалуйста, куда мы ѣдемъ“. Я объяснилъ ему цѣль нашего путешествія, и мы вмѣстѣ доѣхали до Вѣны.—Русскихъ собралось на конгрессъ человѣкъ пять, въ томъ числѣ проф. И. В. Вернадскій и Ѳ. Г. Тернеръ. Въ Вѣнѣ я познакомился со многими иностранными знаменитостями, въ томъ числѣ: съ барономъ Чернигомъ—предсѣдателемъ подготовительной комиссіи конгресса и фонъ-Гокомъ—предсѣдательствовавшимъ въ третьемъ отдѣленіи конгресса по вопросамъ статистики государственныхъ бюджетовъ. Баронъ Чернигъ извѣстенъ былъ своею многостороннею и плодотворною дѣятельностью въ различныхъ отрасляхъ административной и хозяйственной жизни: занимая должность начальника статистическаго отдѣленія австрійскаго министерства торговли, онъ одновременно былъ начальникомъ желѣзныхъ дорогъ и управляющимъ Дунайскаго пароходства. Что же касается фонъ-Гока, то въ качествѣ начальника отдѣленія министерства финансовъ, онъ являлся просвѣщеннымъ сотрудникомъ адаровитаго встрійскаго министра финансовъ барона Брука. Конгрессъ былъ устроенъ на очень широкихъ основа-

ніяхъ. Торжества длились, кажется, цѣлыхъ двѣ недѣли; самъ императоръ принималъ насъ; словомъ, интереснаго было много. Русскимъ делегатамъ оказано было полное вниманіе: Вернадскій избранъ былъ вице-президентомъ конгресса, я—вице-президентомъ одного изъ отдѣленій. Подробный письменный отчетъ о конгрессѣ мною былъ тогда же препровожденъ для сообщенія Географическому Обществу графу Ѳ. П. Литке, избранному въ началѣ 1857 года вице-предсѣдателемъ общества, вмѣсто М. Н. Муравьева, назначеннаго министромъ государственныхъ имуществъ.

По окончаніи конгресса, я возвратился въ Парижъ, чтобы въ теченіе предстоявшей зимы подробно ознакомиться тамъ съ дѣятельностью кредитныхъ учрежденій и, въ особенности, самаго главнаго изъ нихъ: Banque de France. Съ цѣлью заручиться необходимыми рекомендаціями, я отправился къ нашему послу графу П. Д. Киселеву, котораго никогда до тѣхъ поръ не видѣлъ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе совершенно еще бодраго человѣка, наслаждавшагося въ Парижѣ свободою отъ серьезныхъ занятій. Пріемъ, однако, былъ не изъ любезныхъ. Киселевъ встрѣтилъ меня словами: „нельзя ли обойтись безъ меня“. Мнѣ оставалось, конечно, только отвѣтить, что я его утруждать не буду, и поискать другихъ путей для достиженія своей цѣли. Вернувшись домой, я, по совѣту одного знакомаго француза, написалъ прямо письмо управляющему „Banque de France“ съ просьбою принять меня. На другой же день получаю краткую записку, заключавшую въ себѣ приглашеніе зайти такого-то числа въ такомъ-то часу. Я прихожу, рекомендуюсь какъ секретарь Географическаго Общества, объясняю, что, занимаясь вопросами кредита, очень желалъ бы изучить механизмъ веденія дѣла во Французскомъ банкѣ, стяжавшемъ себѣ репутацію образцоваго кредитнаго учрежденія. — „Вы долго пробудете въ Парижѣ?“ — спросилъ управляющій.—„Всю зиму“—отвѣчалъ я.—„Прекрасно. Приходите ежедневно къ намъ въ банкъ“—предложилъ управляющій—„у насъ каждый вечеръ сводятся счеты, а къ утру слѣдующаго дня готовъ уже балансъ; все, что вы желаете, вамъ будетъ показано и объяснено“.

Французское центральное кредитное учрежденіе—„Banque de France“ является частнымъ акціонернымъ предпріятіемъ, находящимся лишь подъ особымъ надзоромъ правительства, которое назначаетъ управляющаго банка и двухъ его товарищей. Положеніе управляющаго блестящее: ему присвоено со-

держаніе въ 60 тыс. франковъ въ годъ и кромѣ того предоставлена казенная квартира.

Такимъ образомъ, я получилъ возможность подробно ознакомиться съ техникою банковскаго дѣла и съ обязанностями всѣхъ прикосновенныхъ къ нему лицъ. До моихъ занятій во французскомъ банкѣ, хотя мною и были подробно обслѣдованы, по отчетамъ, операціи нашихъ кредитныхъ установленій, однако, практическими знаніями по банковскому дѣлу я не обладалъ. Здѣсь же, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я основательно изучилъ всѣ банковскія операціи нутемъ непосредственной работы на разнообразныхъ должностяхъ, начиная съ самыхъ низшихъ. Я велъ самостоятельно книги и на опытѣ пріобрѣлъ всѣ необходимыя для текущей работы въ банкѣ свѣдѣнія, которыя я впослѣдствіи использовалъ, между прочимъ, для созданія цѣлой школы банковскихъ бухгалтеровъ въ Россіи.

Изъ Парижа, весною 1858 года, я совершилъ путешествіе въ Лондонъ, гдѣ, благодаря рекомендательнымъ письмамъ Петербургскаго банкирскаго дома Штиглица, познакомился съ извѣстнымъ банкиромъ — Берингомъ, состоявшимъ тогда членомъ Парламента, и подробно осмотрѣлъ Англійскій банкъ, управленіе коего открыло мнѣ всѣ книги, за исключеніемъ неподлежащихъ оглашенію личныхъ счетовъ. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Лондонѣ, я имѣлъ неосторожность посѣтить вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими знакомыми Герцена. Это обстоятельство стало извѣстно нашей полиціи, окончательно причислившей меня къ числу красныхъ и неблагонадежныхъ личностей. Укрѣпленію такого обо мнѣ мнѣнія не мало способствовали и тѣ либеральные взгляды, которые нерѣдко излагались мною въ письмахъ къ отцу и нѣкоторымъ другимъ лицамъ. Недаромъ, когда я представлялся находившемуся въ то время въ Лондонѣ Великому Князю Константину Николаевичу, онъ мнѣ сказалъ: „не пишите вы ничего о Россіи и о нашихъ внутреннихъ непорядкахъ“.

Какъ бы то ни было, создавшаяся за мною репутація надѣлала мнѣ не мало вреда.

V.

Возвращеніе въ Россію.—Интриги Брока.—Разговоръ съ Княжевичемъ.—Поступленіе на службу въ Министерство Государственныхъ Имуществъ.—М. Н. Муравьевъ и его отношенія ко мнѣ.

Къ осени 1858 года, послѣ кратковременнаго лѣченія въ Соденѣ, я возвратился въ Петербургъ.

Въ это время мои финансовыя знанія и труды уже обра-

щали на себя вниманіе; сочиненія мои сдѣлались извѣстны не только въ Россіи, но и за границею. Общественное мнѣніе и нѣкоторыя вліятельныя лица указывали на меня, какъ на будущаго финансоваго дѣятеля, и одно время держался слухъ, что я намѣченъ къ замѣщенію одного изъ видныхъ постовъ въ Министерствѣ Финансовъ, въ которомъ произошли большія измѣненія. Въ мартѣ 1858 года Брокъ былъ уволенъ отъ должности Министра Финансовъ, и его мѣсто занялъ А. М. Княжевичъ. Меня уже называли будущимъ Товарищемъ Министра Финансовъ. Тѣмъ временемъ, Брокъ и его сподвижники, ничтожество которыхъ я выставлялъ въ разныхъ статьяхъ того времени, печатавшихся въ „Экономистѣ“ (какъ напримѣръ въ статьяхъ: „Китайскія ассигнаціи“, „Австрійскій министръ финансовъ Брукъ“, котораго я просилъ не смѣшивать съ Брокомъ), воспользовались моимъ посѣщеніемъ Герцена, доложили объ этомъ Государю и напомнили ему кромѣ того, что я былъ когда-то замѣшанъ въ исторію Петрашевскаго. Инсинуація подобнаго рода не могла, конечно, не повліять на мнѣніе обо мнѣ Государя, и всѣ ожиданія о моемъ назначеніи рушились сами собою. Княжевичъ, увидѣвъ меня по возвращеніи изъ-за границы, прямо сказалъ мнѣ, что онъ былъ бы очень радъ видѣть меня на службѣ возлѣ себя, но что онъ не смѣетъ замолвить объ этомъ Государю. „Его Величество имѣетъ о васъ весьма невыгодное понятіе“,—прибавилъ онъ.

При такихъ условіяхъ я вновь принялся за свои ученыя занятія, возвратился къ исполненію обязанностей секретаря Географическаго Общества и писалъ статьи о банкахъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Между тѣмъ, бывшій Вице-Предсѣдатель Географическаго Общества М. Н. Муравьевъ, который всегда относился ко мнѣ съ самымъ горячимъ расположеніемъ, упрекалъ меня въ недостаткѣ дѣятельности, собственно по административной части, и говорилъ, что я долженъ не только заниматься наукою, но и служить практически. По этому случаю я передалъ ему разговоръ, который имѣлъ съ Княжевичемъ, но онъ мнѣ тотчасъ же возразилъ:

— Теперь я управляю Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, у меня есть очень большіе, разнородные вопросы по финансамъ, и потому я желалъ бы васъ имѣть въ моемъ вѣдомствѣ.

На замѣчаніе мое, что Княжевичъ находилъ невозможнымъ продолженіе моей служебной дѣятельности, онъ приказалъ мнѣ прямо подать ему просьбу объ опредѣленіи меня на службу въ

Министерство Государственныхъ Имуществъ. Дѣйствительно, послѣ ближайшаго же доклада Государю, Муравьевъ предложилъ мнѣ вступить чиновникомъ особыхъ порученій въ Министерство Государственныхъ Имуществъ и при этомъ объяснилъ, что имѣлъ съ Государемъ слѣдующій разговоръ обо мнѣ.

Государь спросилъ его:

— А ты знаешь Ламанскаго? онъ, кажется, очень неблагонадеженъ.

Муравьевъ отвѣчалъ:

— Ваше Величество, я его отлично знаю и желалъ бы, чтобъ побольше было такихъ людей, какъ Ламанскій.

На это Государь замѣтилъ:

— Ну, если ты его знаешь, то я довѣряю тебѣ.

Не болѣе какъ чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора я вновь получаю записку отъ Княжевича, въ которой онъ проситъ меня пріѣхать къ себѣ.

Когда я прибылъ, старикъ Княжевичъ сказалъ мнѣ:

— Ну, такъ какъ Муравьевъ исходатайствовалъ у Государя разрѣшеніе опредѣлить васъ на службу, то поступайте не къ нему, а въ Министерство Финансовъ. Что вы будете дѣлать въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ? Муравьевъ всегда много обѣщаетъ и ничего не дѣлаетъ.

На это я, не колеблясь, отвѣтилъ:

— Вы находили невозможнымъ опредѣлить меня въ Министерство Финансовъ, сказали, что не можете замолвить обо мнѣ слова Государю, а Михаилъ Николаевичъ устроилъ меня къ себѣ на службу и потому оставлять его я не считаю себя въ правѣ.

Такимъ образомъ, я остался при особѣ Муравьева для исполненія тѣхъ порученій, которыя онъ считалъ необходимымъ лично возлагать на меня.

Съ Муравьевымъ я сохранялъ самыя дружескія отношенія, начавшіяся еще съ тѣхъ поръ, когда я былъ секретаремъ Географическаго Общества, а онъ—его Вице-Предсѣдателемъ. Одаренный необыкновеннымъ умомъ, Муравьевъ интересовался самыми разнообразными вопросами, въ томъ числѣ и финансовыми, по которымъ, путемъ чтенія, онъ пріобрѣлъ основательныя знанія. Во время управленія Межевымъ Корпусомъ, онъ сдѣлалъ много полезнаго по межевой части. Ему не были также чужды и интересы науки; всѣ ученые труды Географическаго Общества, въ періодъ вице-предсѣдательства Муравье-

ва, велись подъ его непосредственнымъ руководствомъ. По возвращеніи моемъ изъ-за границы, Муравьевъ уже былъ Управляющимъ Кабинетомъ Государя Императора и Министромъ Государственыхъ Имуществъ. Несмотря на перемѣну его положенія, на огромный штатъ служащихъ и подчиненныхъ, на постоянныя посѣщенія министровъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, я всегда, когда мнѣ случалось приходить къ Муравьеву, былъ принимаемъ по-прежнему прежде всѣхъ и приглашаемъ посидѣть и покурить папиросочку. Онъ всегда смѣялся надъ моей страстью курить „бумагу“; самъ онъ постоянно курилъ, по старому обычаю, турецкій табакъ въ трубкѣ съ длиннымъ чубукомъ.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго. **А. фонъ-Таль.**

Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

VI [1]).

Характеристика главнѣйшихъ сторонъ общественной и государственной жизни Россіи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ. — Дворянство и его значеніе. — Крѣпостное право.—Государственная служба.—Взяточничество.—Распространеніе въ обществѣ критическаго отношенія къ существовавшимъ порядкамъ.—Крымская война.—Смерть Императора Николая Павловича.—Стремленіе къ преобразованіямъ новаго Государя.—Расширеніе торгово-промышленной предпріимчивости. — Образованіе новыхъ акціонерныхъ компаній. — Возникновеніе Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. — Экономическое положеніе Россіи въ серединѣ 50-хъ годовъ.— Банковскій кризисъ.

Прежде чѣмъ перейти къ подробному изложенію моей дѣятельности по возвращеніи изъ-за границы, мнѣ бы хотѣлось представить, хотя бы въ главныхъ чертахъ, важнѣйшія стороны общественной и государственной жизни Россіи въ 40-хъ и 50-хъ годахъ.

Руководящую роль въ странѣ играло дворянство; оно пользовалось исключительнымъ правомъ владѣть душами и являлось источникомъ для пополненія состава служилыхъ людей. Дворянство существовало, преимущественно, за счетъ чужого труда. Помѣщику не нужно было денегъ, если онъ жилъ дома, въ Россіи. Его хозяйство было натуральное, все доставлялъ ему крестьянинъ. Деньги требовались или на поѣздки за границу, или на удовлетвореніе какихъ-либо фантазій, напримѣръ, на устройство своей охоты, театра, на обученіе своихъ музыкантовъ, актеровъ и т. п. Впрочемъ, это могли дѣлать только крупные помѣщики. Но по мѣрѣ ихъ разоренія или, какъ

[1]) См. „Русская Старина“ февраль 1915 г.

говорятъ „оскудѣнія“, явилось мелкое дворянство, которое не имѣло дворовыхъ людей. Я помню лицъ, ежемѣсячно получавшихъ отъ своихъ крѣпостныхъ людей оброка по 3—5 р., бѣдныя женщины приносили своимъ господамъ рубля по четыре въ мѣсяцъ. И все это не считалось безнравственнымъ; таковъ былъ законный способъ пріобрѣтенія средствъ къ жизни. Во многихъ случаяхъ помѣщики взимали съ крестьянъ только извѣстную сумму оброка, предоставляя своимъ крѣпостнымъ распоряжаться землею, какъ они хотѣли. Другіе помѣщики сами занимались земледѣліемъ; трудъ имъ, конечно, ничего не стоилъ; на нихъ работали ихъ крестьяне. Говорятъ, что бѣдные помѣщики, „оскудѣвшіе“ дворяне жили государственною службою. Но такихъ было меньшинство. Это были лица, получившія нѣкоторое образованіе въ университетахъ или въ гимназіяхъ.

Въ какомъ же положеніи находилась въ то время государственная служба? Каждая должность давала занимавшему ее лицу извѣстный доходъ, кромѣ положеннаго оклада. Напримѣръ, всѣ предсѣдатели казенныхъ палатъ были на содержаніи у откупщиковъ, отъ которыхъ получали также опредѣленное вознагражденіе и губернаторы. Таможенные чиновники вели открытую торговлю за пропускъ товаровъ безъ внесенія пошлинъ. Такіе же соблазны представляла и военная служба: не говоря уже объ интендантствѣ, но даже на должности командировъ полковъ офицеры нерѣдко назначались для поправленія своихъ обстоятельствъ; это было всѣмъ извѣстно. Не лучшіе обычаи существовали въ морскомъ вѣдомствѣ: получавшіяся отъ разныхъ построекъ сбереженія въ казенныхъ суммахъ обращались въ пользу тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ, а предъ ревизіями всегда бывали пожары. О томъ, что происходило въ министерствѣ путей сообщенія, и говорить нечего. Водяная коммуникація была цѣлой системой обложенія чиновниками въ свою пользу населенія. Для характеристики господствовавшихъ въ горномъ вѣдомствѣ порядковъ достаточно сказать, что, напримѣръ, начальникъ алтайскихъ заводовъ получалъ казеннаго содержанія вдвое меньше, чѣмъ платилъ гувернанткѣ своихъ дѣтей. Духовенство находилось въ крайнемъ пренебреженіи: цѣлая система безчестныхъ поборовъ царила въ консисторіяхъ; священники брали взятки. Полиція; — я помню, какъ съ полиціей дрались на улицахъ. Полиція безпрекословно исполняла приказанія дворянъ. Всякій дворянинъ могъ съ запискою послать своего дворовaго въ поли-

цейскій участокъ для того, чтобы ему дали столько-то ударовъ. Юстиціи въ сущности не было. Судили по письменному производству, обвиняемыхъ не допрашивали, осужденіе зачастую произносили заглазно. Судебныя гражданскія дѣла почти всегда рѣшались за взятки.

Словомъ, вся Россія жила для какой-то отвлеченной идеи государства и для практической идеи—процвѣтанія одного сословія, довольствовавшагося натуральнымъ хозяйствомъ и въ общемъ сравнительно незначительными денежными капиталами. Обманы, кражи, неуваженіе къ чужой собственности — были обычными явленіями. Сбереженій большинство населенія— крестьяне не дѣлали; барину платили столько, сколько нужно было, а если что-либо откладывали, то скрывали за голенищами сапоговъ или зарывали въ землю.

Первое стремленіе крестьянъ направлено было къ полученію воли. Многіе выходцы изъ крестьянскаго сословія посвящали себя торговлѣ. Такимъ образомъ, произошли наши купеческіе роды, распространившіеся за тѣмъ по всей Россіи. Впрочемъ, право выкупа принадлежало помѣщикамъ; нѣкоторые же изъ нихъ ни за что не выпускали своихъ крестьянъ на волю.

Понятно, люди сороковыхъ годовъ не могли мириться съ такимъ положеніемъ вещей; оно противорѣчило начавшемуся проникать въ общество образованію. Въ университетахъ читалось римское право, публичное право иностранныхъ государствъ; лекціи эти не могли не наводить юношей на сравненіе окружавшей ихъ обстановки съ жизнью въ другихъ государствахъ. Нарождавшееся, такимъ образомъ, въ обществѣ критическое отношеніе къ существующей дѣйствительности сильно озабочивало правительство. Въ царствованіе Императора Николая Павловича молодежь вообще избѣгали пускать за границу изъ опасенія, какъ бы она не заразилась вредными идеями. Въ то же время значительно была усилена строгость цензуры, которая даже слова „вольный духъ въ печи“ считала подозрительными и усердно исключала ихъ изъ поваренныхъ книгъ. Но всѣ эти мѣры не могли, конечно, остановить начавшагося умственнаго движенія, и пугавшія правительство мысли постепенно распространялись все шире и шире. Профессора съ каѳедръ университетовъ и лицея продолжали передавать намъ стремленія другихъ народовъ. Иностранныя газеты, хотя иногда и съ зачеркнутыми страницами, но все же пропускались къ намъ и давали возможность почерпать извѣстія о томъ, какъ жилось за границей. Еще въ большей степени способствовали

укрѣпленію у насъ новыхъ идей запрещенныя къ продажѣ иностранныя книги, попадавшія въ руки молодежи при посредствѣ услужливыхъ букинистовъ.

Между тѣмъ, въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая, на политическомъ горизонтѣ стали собираться грозныя для насъ тучи, и, наконецъ, въ вопросѣ о Святой землѣ мы встрѣтили противъ себя почти всю Европу и вызвали Крымскую кампанію. Всѣ говорили тогда, что мы не допустимъ къ себѣ непріятеля, не дозволимъ произвести ему высадку въ Крыму; утверждали, что тамъ нельзя высадить болѣе 10.000 солдатъ. Когда же пришло извѣстіе, что иностранныя войска приближаются, что идетъ Франція, Англія и ведетъ за собою Италію и что они готовы ступить на нашу землю въ Крыму, у насъ было такъ мало войска, что ничего нельзя было предпринять для предотвращенія непріятельскаго вторженія. Первая встрѣча съ непріятелемъ, высадившимъ 40.000 человѣкъ, произошла на рѣкѣ Альмѣ, гдѣ мы потерпѣли пораженіе. При полученіи извѣстія о неудачѣ съ Государемъ случилось нѣчто въ родѣ удара. Разсказывали, что когда посланный съ донесеніемъ Грейгъ явился къ Государю и сообщилъ о встрѣчѣ съ непріятельскою арміею, Государь спросилъ его: „Ну что?!“—„Мы не имѣли успѣха—отвѣчалъ Грейгъ. Насъ было мало, полки дрогнули и побѣжали“.—„Что?! побѣжали... Государь побагровѣлъ, вскочилъ съ кресла и быстрыми шагами направился къ Грейгу, который съ испуга бросился къ дверямъ и, только своевременно выйдя, избѣжалъ проявленій Царскаго гнѣва. Но при этомъ, Грейгъ забылъ свою шляпу въ кабинетѣ Государя. Какъ уйти безъ шляпы? Онъ подождалъ нѣсколько минутъ, думая, что придетъ камердинеръ, какъ вдругъ дверь отворяется и Государь кидаетъ его шляпу.

Государь никакъ не могъ представить себѣ, что войско его можетъ быть разбито. А что это было за войско? Военная служба для крестьянъ считалась своего рода наказаніемъ. Помѣщики сдавали въ солдаты своихъ крѣпостныхъ за ничтожный проступокъ, даже за дурной характеръ. А какъ обращались съ этими солдатами?! Ихъ били въ зубы ефесами шпагъ за малѣйшее неправильное поднятіе ноги. Съ этимъ войскомъ, съ отсталымъ оружіемъ мы встрѣтили непріятеля, начавшаго стрѣлять въ насъ на такомъ разстояніи, на которое не хватали наши пушки и ружья. Весьма естественно мы дрогнули и побѣжали. Государь не пережилъ постигшей Россію военной неудачи. Причину его смерти оффиціально приписывали просту-

дѣ во время смотра какого-то полка, но правильнѣе предполагать, что Государя сломило пережитое имъ нервное потрясеніе. По ходившимъ тогда слухамъ, Государь, передъ смертью, призвалъ къ себѣ Наслѣдника и завѣщалъ ему, между прочимъ, освобожденіе крестьянъ. И въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Императоръ Николай, несмотря на всю энергію свою въ подавленіи свободнаго развитія, былъ человѣкъ прямо идущій къ своей цѣли. Онъ серьезно поднималъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, но въ его понятіяхъ это не было сочувствіе къ крестьянской несчастной участи, а, главнымъ обзомъ, желаніе нивеллировать всѣхъ своихъ подданныхъ. Къ скорѣйшему разрѣшенію крестьянскаго вопроса побуждали, вѣроятно, также интересы внутренняго спокойствія и общественной безопасности. Надо сказать, что въ послѣдніе годы управленія Императора Николая Павловича повторялись нѣсколько разъ случаи насилій крестьянъ надъ своими помѣщиками.

Но такъ или иначе, вступленіе на престолъ новаго Государя породило собою возбужденіе, ожиданія и напряженіе нравственныхъ силъ въ образованномъ классѣ. Всѣ понимали, что прошла пора насилій, что пришла пора правильнаго, свободнаго развитія.

Дѣйствительно, вскорѣ послѣ заключенія мира, политика совершенно измѣнилась. Всѣмъ извѣстенъ былъ характеръ новаго Государя, доброта его сердца, болѣе либеральное направленіе, внушенное большимъ образованіемъ, чѣмъ было у покойнаго отца. Къ тому же Императоръ Александръ II былъ воспитанникомъ Жуковскаго, человѣка добраго сердца, идеалиста. Симпатіи большинства образованныхъ людей были въ пользу новаго движенія, либеральнаго, и ясно, что при этомъ напряженномъ состояніи общества сами собою намѣтились всѣ наиболѣе жгучіе вопросы русской жизни, какъ-то: освобожденіе крестьянъ, преобразованіе судебной части, поощреніе торговли и промышленности, и сразу явилось стремленіе къ самодѣятельности.

Вліяніе новаго царствованія прежде всего сказалось въ области экономической. До Крымской кампаніи экономическія силы Россіи были слабо развиты: общественная дѣятельность въ этой области едва проявлялась, частныхъ акціонерныхъ компаній почти не существовало. Само государство не имѣло прочнаго внутренняго кредита. Займы на государственныя потребности или заключались у иностранныхъ банковъ или покрывались путемъ позаимствованій необходимыхъ суммъ въ госу-

дарственныхъ кредитныхъ установленіяхъ: въ подчиненномъ министру финансовъ заемномъ банкѣ и въ подвѣдомственныхъ опекунскимъ совѣтамъ сохранныхъ казнахъ. Эти же учрежденія служили источникомъ для пополненія постоянныхъ нашихъ дефицитовъ по росписямъ, достигавшихъ крупныхъ размѣровъ. Бюджеты не распубликовывались, и финансовое положеніе государства оставалось неизвѣстнымъ обществу. Главнѣйшимъ поприщемъ для проявленія частной предпріимчивости были откупа или золотые пріиски, которые тоже давались только привилегированному сословію: дворянамъ и купцамъ первой гильдіи. Всѣ частныя народныя сбереженія сосредоточивались главнымъ образомъ, въ видѣ вкладовъ въ банкахъ заемномъ и коммерческомъ, въ сохранныхъ казнахъ и въ приказахъ общественнаго призрѣнія. Взамѣнъ денежныхъ вкладовъ названныя кредитныя установленія выдавали билеты, частью именные, частью на предъявителя, которые обращались какъ деньги. Получавшіяся такимъ образомъ средства заемный банкъ, сохранныя казны и приказы общественнаго призрѣнія раздавали въ долгосрочныя ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ— населенныхъ имѣній, фабрикъ, заводовъ, городскихъ домовъ— и, какъ было уже сказано, предоставляли правительству на удовлетвореніе различныхъ государственныхъ потребностей. Что касается торговаго кредита, то онъ существовалъ въ самыхъ слабыхъ размѣрахъ въ одномъ коммерческомъ банкѣ, гдѣ всѣ вексельныя операціи не превышали 18—20 милліоновъ рублей въ годъ.

Еще болѣе ухудшилось наше экономическое положеніе послѣ войны. Не говоря уже о томъ, что во время войны торговля безспорно должна была сократиться, кромѣ торговли нѣкоторыми вещами для надобностей арміи, призывъ ополченія не могъ обойтись безъ обѣдненія дворянъ, которые несли на себѣ непосильныя тяготы по снаряженію ополченцевъ. Помимо того, дворяне дѣлали пожертвованія для нуждъ арміи, при чемъ нѣкоторые предлагали поставить столько-то тысячъ четвертей овса, ржи и т. п. Покойный Государь, принимая пожертвованіе, писалъ: „Но не натурой, а деньгами“. Послѣ крымской кампаніи многія губерніи оказались крайне разоренными. Банки съ своей стороны исчерпали всѣ средства выдачею свободныхъ денегъ казначейству на надобности войны. Понятно поэтому, что вопросъ объ оживленіи торговой и промышленной предпріимчивости сильно озабочивалъ правительство, которое не могло не сознать необходимости въ развитіи частной дѣятель-

ности и, уступая потребностямъ времени, разрѣшало учрежденіе новыхъ компаній на акціонерныхъ началахъ. Такъ появились пароходныя общества на Волгѣ, а потомъ и другія промышленныя предпріятія. На-ряду съ этимъ со стороны иностранцевъ стали поступать весьма обширныя предложенія о постройкахъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ царствованіе Императора Николая Павловича по отношенію къ желѣзнодорожному строительству сдѣлано было очень мало. Въ Европѣ первыя желѣзныя дороги явились въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ; у насъ же до 40-хъ годовъ выстроена была одна только Царскосельская желѣзная дорога. При Императорѣ Николаѣ заявлено было предложеніе о постройкѣ желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою лейпцигскими банкирами Дюфуромъ и Гервортомъ. Проектъ представленъ былъ прямо Государю, который препроводилъ его графу Канкрину, требуя его мнѣнія. Канкринъ, разсмотрѣвъ проектъ, написалъ Государю слѣдующее: „Я полагаю, что желѣзныя дороги больше служатъ для сытости людской, льстя ихъ падеждѣ перемѣщаться скорѣе изъ одного города въ другой, но для перевозки товаровъ врядъ ли могутъ быть способны. Впрочемъ, это дѣло новое и требуетъ нѣкотораго опыта для окончательнаго заключенія". Этотъ проектъ не былъ принятъ. Вскорѣ затѣмъ правительство начало строить на свой счетъ дорогу изъ Петербурга въ Москву. До конца царствованія Императора Николая начата еще была дорога къ границѣ, но такъ какъ средства были очень малы, то ихъ едва хватило на сооруженіе линіи отъ Петербурга до Луги.

Убѣдившись въ важности скорѣйшаго оборудованія страны желѣзнодорожною сѣтью, правительство разрѣшило въ январѣ 1857 года образованіе крупной желѣзнодорожной компаніи, извѣстной подъ именемъ главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, учредителями котораго являлись: Перейръ, Берингъ, баронъ Штиглицъ и др. Компаніи этой была предоставлена постройка линіи отъ Варшавы до Петербурга, отъ Москвы до Нижняго и отъ Москвы до Севастополя. Для капитала необходимаго на сооруженіе этихъ линій правительство выдало обществу гарантію въ 5%, считая па металлическіе рубли.

Несмотря, однако, на наступившее съ началомъ новаго царствованія нѣкоторое оживленіе въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, наше экономическое и финансовое положеніе во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ оставалось крайне неудовлетворительнымъ. Крымская кампанія была неожидан-

ностью не только для министра финансовъ, но и для самого Государя. Онъ погалалъ, что все кончится дипломатическими сношеніями. Посылка князя Меншикова въ Константинополь показала, что Императоръ не предвидѣлъ войны. Меншикову дана была инструкція относиться высокомѣрно, настойчиво. Но когда выяснилось, что предложенія Россіи не будутъ приняты Турціей и что Франція, Англія и Италія идутъ на насъ, мы оказались безъ необходимыхъ денежныхъ средствъ. Какіе были наши финансовые рессурсы? Обыкновенный бюджетъ былъ съ дефицитомъ, который покрывался изъ банковъ. Для исполненія военныхъ расходовъ удалось заключить только два (5-ый и 6-ой) пятипроцентныхъ займа на общую сумму въ 100 милл. руб. нариц. и выпустить шесть серій билетовъ государственнаго казначейства на сумму въ 18 милл. руб. Затѣмъ, видя недостаточность этихъ средствъ, Брокъ испросилъ Высочайшее разрѣшеніе на выпускъ кредитныхъ билетовъ для удовлетворенія военныхъ нуждъ безъ ограниченія суммъ, по мѣрѣ надобности. Билетовъ этихъ было выпущено свыше 300 милл. руб. въ дополненіе къ 300 милл. руб., которые находились въ обращеніи до начала войны. Такимъ образомъ, въ короткій промежутокъ времени бумажное денежное обращеніе удвоилось. Правда, Высочайшимъ указомъ о временномъ выпускѣ государственныхъ кредитныхъ билетовъ для покрытія чрезвычайныхъ издержекъ было, между прочимъ, постановленно: чрезъ три года по заключеніи мира, а если окажется возможнымъ, то и ранѣе, приступить къ постепенному изъятію изъ обращенія временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Обѣщаніе это не было, однако, исполнено, и такимъ образомъ всѣ деньги, внезапно выпущенныя во время войны, сдѣлались, чрезъ нѣкоторое обращеніе среди поставщиковъ, подрядчиковъ и производителей, свободнымъ кипиталомъ и притекли ради выгоднаго помѣщенія къ банкамъ. Слѣдствіемъ этого явилось значительное возрастаніе свободной кассовой наличности банковъ, составлявшей къ серединѣ 1857 года около 150 милл. руб. За невозможностью помѣстить въ ссуды столь крупную сумму для приращенія изъ соотвѣтствующихъ процентовъ, министръ финансовъ Брокъ счелъ необходимымъ сократить притокъ вкладовъ въ кредитныя установленія и провелъ съ этою цѣлью свое предположеніе о пониженіи процентовъ на частные вклады съ 4 до 3, при одновременномъ уменьшеніи процентовъ, взимаемыхъ по ссудамъ, съ 5 до 4. Послѣднею мѣрою достигалось сокращеніе на сумму до 10 милл. руб.

въ ежегодныхъ платежахъ по числившемуся за казною государственнымъ кредитнымъ установленіямъ долгу. Между тѣмъ, какъ было замѣчено выше, въ это время развилась страсть къ предпріятіямъ. Естественно поэтому, что вслѣдъ за пониженіемъ процентовъ явился напоръ на банки: вкладчики начали требовать обратно свои капиталы, предпочитая помѣстить ихъ въ акція желѣзнодорожныхъ и другихъ предпріятій. Въ теченіе 22 мѣсяцевъ, протекшихъ со времени пониженія процентовъ, изъ банковъ было вынуто вкладовъ на сумму до 143 милл. руб., такъ что кассовая наличность кредитныхъ учрежденій, составлявшая въ іюлѣ 1857 г. свыше 150 милл. руб., понизилась за указанный періодъ до 20 милл. руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предстояло въ ближайшемъ будущемъ востребованіе положенныхъ въ банки на временное храненіе капиталовъ акціонерныхъ компаній на сумму до 50 милл. руб. Сверхъ того, могли быть потребованы и другіе остававшіеся въ банкахъ частные вклады, общая сумма коихъ достигала 700 милл. руб. Словомъ, вмѣсто бывшаго въ серединѣ 57 года излишества денежныхъ вкладовъ въ кассахъ банковъ—излишества, вызвавшаго пониженіе процентовъ на вклады, черезъ два года по осуществленіи этой мѣры обнаружилось противоположное явленіе: банки, помѣщавшіе вклады въ долгосрочныя операціи на сроки до 37 лѣтъ, стали испытывать затрудненія въ возвратѣ вкладовъ по востребованію, при чемъ правительство должно было, по необходимости, прибѣгнуть для подкрѣпленія оскудѣвшихъ банковскихъ кассъ къ увеличенію числа бумажныхъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи. Изыскивая выходъ изъ этихъ затрудненій, финансовое вѣдомство остановилось на выпускѣ 4% непрерывнодоходныхъ билетовъ, которые могли пріобрѣтаться за счетъ вкладныхъ билетовъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Мѣра эта была крайне неудачна по своимъ послѣдствіямъ: публика не охотно обмѣнивала свои вкладные билеты, оплачивавшіеся по предъявленіи, на 4% билеты, такъ какъ правила объ этихъ послѣднихъ билетахъ не устанавливали условія погашенія капитала, а заключали въ себѣ лишь обѣщаніе, что по истеченіи двадцати лѣтъ правительство объявитъ способъ и порядокъ выкупа билетовъ. Къ такого рода займамъ русская публика того времени не привыкла.

Такимъ образомъ въ исходѣ 1858 и въ началѣ 1859 года обнаружились уже всѣ признаки банковскаго кризиса, выдвигавшаго на первую очередь вопросъ о коренномъ преобразованіи дѣйствовавшей тогда банковской системы. Къ скорѣйшему

разрѣшенію этого вопроса побуждала и подготовлявшаяся въ то время крестьянская реформа, съ проведеніемъ которой должны были существенно измѣниться самыя условіи займовъ подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній.

VII.

Крестьянская реформа.- Редакціонныя комиссіи.—Финансовая комиссія.—Положеніе о выкунѣ.—Измѣненія основаній земельнаго кредита для помѣщиковъ подъ вліяніемъ крестьянской реформы.

Въ 1858 году подготовительныя работы по крестьянской реформѣ были уже въ полномъ ходу: на мѣстахъ занимались этимъ дѣломъ губернскіе комитеты, а въ центрѣ—министерство внутреннихъ дѣлъ, составлявшее предварительныя программы осуществленія задуманнаго Государемъ преобразованія. По поступленіи трудовъ губернскихъ комитетовъ на разсмотрѣніе высшаго правительства признано было необходимымъ созвать для ихъ обсужденія и для начертанія окончательныхъ проектовъ положеній о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, особую комиссію изъ представителей разныхъ оттѣнковъ политической мысли и разныхъ общественныхъ интересовъ. М. Н. Муравьевъ мечталъ быть предсѣдателемъ такой комиссіи. Но, въ то же время, постоянную переписку и разговоры съ государемъ по крестьянскому вопросу велъ, въ совершенно частномъ порядкѣ, Я. И. Ростовцевъ, и послѣднему выпало на долю быть предсѣдателемъ образованныхъ въ началѣ 1859 года такъ называемыхъ редакціонныхъ комиссій. Ему было поручено набрать въ нее членовъ изъ всѣхъ министерствъ, а также изъ всѣхъ кружковъ, болѣе или менѣе заинтересованныхъ крестьянскимъ вопросомъ. Вскорѣ по созывѣ редакціонныхъ комиссій, при нихъ учреждена была особая финансовая комиссія для разсмотрѣнія финансовой стороны крестьянской реформы. М. Н. Муравьевъ, по соглашенію съ Я. И. Ростовцевымъ, отрекомендовалъ меня въ эту комиссію членомъ отъ министерства государственныхъ имуществъ.

Въ первый же мой визитъ къ Ростовцеву, я былъ принятъ имъ весьма ласково и, будучи съ нимъ раньше знакомъ, заявилъ ему, что я очень польщенъ приглашеніемъ въ комиссію, гдѣ будетъ обсуждаться вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, тотъ именно вопросъ, за который я десять лѣтъ тому назадъ былъ судимъ. Ростовцевъ добродушно разсмѣялся и самъ любилъ иногда, во время перерывовъ нашихъ засѣданій или за завтракомъ, тонко напоминать мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ.

Къ числу членовъ финансовой комиссіи принадлежалъ и одинъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей крестьянской реформы—Николай Алексѣевичъ Милютинъ. Слѣдуетъ, однако, сказать, что при всѣхъ своихъ способностяхъ Милютинъ своею предшествующею дѣятельностью не былъ подготовленъ для разрѣшенія важнѣйшаго государственнаго вопроса русской жизни. Получивъ воспитаніе въ министерскихъ канцеляріяхъ и департаментахъ, онъ, ко времени созыва редакціонныхъ комиссій, былъ по преимуществу чиновникъ и, за недостаткомъ образованія, не обладалъ широкимъ кругозоромъ. Государственное значеніе Милютина обнаружилось собственно въ редакціонныхъ комиссіяхъ, гдѣ, завязавъ дружественныя связи съ выдающимися участниками комиссій, онъ успѣлъ образовать вокругъ себя цѣлую партію, а такое умѣніе объединять—первый признакъ человѣка съ государственными способностями. Репутація Милютина какъ государственнаго человѣка еще болѣе утвердилась благодаря послѣдующей кипучей дѣятельности его въ Царствѣ Польскомъ. Но все же отдѣльныя выступленія Милютина въ редакціонныхъ комиссіяхъ не могли не заслуживать порицаніе за свою излишнюю подчасъ рѣзкость по отношенію къ дворянскому сословію. Въ союзѣ съ Позеномъ, княземъ Черкасскимъ и такими демагогами, какъ Константинъ Домонтовичъ и Соловьевъ, онъ любилъ дразнить дворянъ, напрасно усиливая неудовольствіе тѣхъ изъ нихъ, которые были противъ задуманныхъ основаній освобожденія крестьянъ.

Не останавливаясь на подробностяхъ крестьянской реформы, я коснусь, главнымъ образомъ, выкупной операціи, составлявшей предметъ занятій финансовой комиссіи. Вся система освобожденія крестьянъ была основана яко бы на благородномъ порывѣ дворянъ, заявившихъ о своемъ нежеланіи владѣть душами. Но, предоставляя волю своимъ крестьянамъ, дворяне требовали вознагражденія за ту землю, которую они изъ своего имущества удѣляли крестьянамъ. Когда было рѣшено, что крестьяне должны быть освобождены съ землею, то возникъ вопросъ о совершеніи, при содѣйствіи правительства, огромной кредитной операціи. Лично я стоялъ за выпускъ для этой цѣли заграничнаго займа на всю потребную для выкупа крестьянскихъ надѣловъ сумму, т.-е. въ размѣрѣ около 900 милл. руб. Но другіе члены комиссіи и въ томъ числѣ М. Х. Рейтернъ опасались, что появленіе въ обращеніи такой массы процентныхъ бумагъ убьетъ денежный рынокъ, въ особенности при непривычкѣ вообще Россіи къ крупнымъ кредитнымъ операціямъ.

Указанныя опасенія послужили, между прочимъ, основаніемъ для всяческаго сокращенія на первыхъ, по крайней мѣрѣ, порахъ выкупныхъ сдѣлокъ. Съ этою цѣлью въ изданное 19 февраля 1861 года Положеніе о выкупѣ включено было правило, по силѣ коего къ выкупу допускались только крестьяне, состоявшіе на оброкѣ; это постановленіе отвѣчало, впрочемъ, также и стремленію правительства какъ можно менѣе затрагивать, при реформѣ, видимые интересы помѣщиковъ, для которыхъ было, конечно, очень нежелательно сразу лишиться даровой крестьянскаго труда въ своихъ сельско-хозяйственныхъ работахъ. Что же касается крестьянъ, отбывавшихъ барщину или такъ называемую издѣльную повинность, то Положеніе требовало, чтобы предварительно выкупа своихъ надѣловъ крестьяне этой категоріи переходили на оброкъ. Той же цѣли ограниченія выкупной операціи содѣйствовало и предоставленное, по почину главнаго комитета, помѣщикамъ право надѣлять своихъ крестьянъ не полнымъ надѣломъ, а четвертью надѣла, но даромъ. Конечно, эта четверть надѣла не можетъ кормить своихъ владѣльцевъ и является одною изъ причинъ наблюдаемаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ неудовлетворительнаго положенія крестьянскаго населенія.

Самая сущность разработанныхъ финансовою комиссіею и одобренной послѣдующими инстанціями выкупной операціи, при содѣйствіи правительства, сводилось къ слѣдующему. Изъ общей суммы причитавшейся помѣщику за отходившую къ крестьянамъ землю выкупной ссуды вычитался банковскій долгъ, переводившійся на крестьянъ и, затѣмъ, если стоимость надѣла была выше означеннаго долга, то превышавшая послѣдній сумма выдавалась помѣщику на руки, главнымъ образомъ, 5%-ными выкупными свидѣтельствами и отчасти 5%-ными банковыми билетами. Установленіемъ выкупныхъ свидѣтельствъ, свободное обращеніе которыхъ связано было съ значительными затрудненіями, имѣлось въ виду воспрепятствовать по возможности давленію вновь выпускаемыхъ бумагъ на денежный рынокъ. По истеченіи первыхъ пяти лѣтъ по выдачѣ выкупныхъ свидѣтельствъ одна треть ихъ обмѣнивалась на банковые билеты, затѣмъ, по истеченіи слѣдующаго пятилѣтія—другая треть и, наконецъ, въ концѣ третьяго пятилѣтія—вся остальная сумма. Съ допущеніемъ же въ 1862 году къ выкупу крестьянъ, отбывавшихъ издѣльную повинность, по выкупнымъ сдѣлкамъ этихъ крестьянъ взамѣнъ выкупныхъ свидѣтельствъ выдавались особыя письма предсѣдателя главнаго выкупного учрежденія, пре-

доставлявшія владѣльцу ихъ право на полученіе 5½ %-наго непрерывнаго дохода. Уплату роста и погашенія по выпускаемымъ для производства выкупной операціи процентнымъ бумагамъ принимало на себя государство; крестьяне же въ счетъ выданныхъ для выкупа ихъ надѣловъ ссудъ обязаны были въ теченіе 49 лѣтъ вносить въ казну выкупные платежи въ размѣрѣ 6% съ номинальной стоимости соотвѣтствующихъ ссудъ. Такимъ образомъ, крестьянская реформа предоставляла болѣе или менѣе значительныя средства помѣщикамъ, которые, за отводомъ крестьянамъ надѣльной земли, не превышавшимъ въ общемъ одной трети помѣщичьихъ владѣній, съ одной стороны, освобождались отъ своихъ ипотечныхъ долговъ, подлежавшихъ оплатѣ изъ вносимыхъ крестьянами выкупныхъ платежей, а съ другой, получали извѣстную сумму банковыми билетами и другими приносившими опредѣленный доходъ процентными бумагами. Но со всѣмъ тѣмъ крестьянская реформа безспорно произвела коренное измѣненіе въ строѣ сельскаго хозяйства. Трудъ крестьянъ изъ обязательнаго сдѣлался свободнымъ, изъ дарового—подлежащимъ оплатѣ. Раздающіяся до сихъ поръ нападки на великую реформу Императора Александра II со стороны многихъ помѣщиковъ объясняются тѣмъ, что дворянское сословіе, за время существованія крѣпостного права, привыкло къ даровому и обязательному крестьянскому труду, лишившись котораго, оно, при недостаткѣ въ развитіи, неспособно было поставить на правильныя основанія свое хозяйство. Вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтенныя многими помѣщиками путемъ реализаціи банковыхъ билетовъ и выкупныхъ свидѣтельствъ средства были затрачены не на улучшеніе хозяйства, а на поѣздки за границу и разные непроизводительные расходы. Впослѣдствіи, съ открытіемъ общественныхъ и частныхъ земельныхъ банковъ, помѣщики, разумѣется, воспользовались предоставляемымъ имъ этими банками способомъ закладывать земли и снова заключили долги безъ всякихъ соображеній о возможности уплачивать ложившіеся на нихъ проценты. Результатомъ неумѣнія приспособиться къ новымъ условіямъ хозяйства явилось постепенное обѣдпѣніе помѣщиковъ и постоянныя жалобы ихъ на измѣненіе стараго порядка вещей. Нѣкоторые помѣщики утверждаютъ при этомъ, что и крестьянамъ лучше жилось до освобожденія. Можетъ быть, такой взглядъ отчасти и справедливъ: крестьяне, вслѣдствіе продолжительнаго рабства, могли сдѣлаться негодными гражданами. Не надо, впрочемъ, забывать, что упадку крестьянскаго хозяйства въ слѣдовавшее за реформою время въ извѣст-

ной мѣрѣ способствовало допущенное при освобожденіи сокращеніе площади крестьянскихъ земель. Дѣйствительно, согласно коренному закону крѣпостного права, на каждую крестьянскую душу полагалось 4½ десятинъ земли, а во многихъ случаяхъ крестьяне располагали и большимъ земельнымъ обезпеченіемъ. Полученные же крестьянами, при выкупѣ, надѣлы не превосходили въ среднемъ 3⅓ дес. на душу.

Крестьянская реформа не могла не внести самыхъ серьезныхъ измѣненій въ основанія земельнаго кредита въ Россіи. Размѣры ссудъ, выдававшихся подъ залогъ помѣщичьихъ имѣній изъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій: заемнаго банка, сохранныхъ казенъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, опредѣлялись сообразно количеству числившихся въ имѣніяхъ по послѣдней ревизіи крестьянскихъ душъ, при чемъ на каждую крѣпостную душу выдавалось, смотря по губерніямъ, отъ 50 до 80 руб. Если принять во вниманіе, что банки требовали наличія за каждою душею, по крайней мѣрѣ, 4½ дес. удобной земли, то, при переводѣ на землю, размѣръ установленныхъ прежними банками ссудъ составитъ 11—17 руб. за десятину, не считая излишней сверхъ предназначенной для пользованія крестьянъ площади помѣщичьяго имѣнія. Ссуды эти не могутъ, конечно, не показаться скромными по сравненію съ теперешнею стоимостью земли и размѣрами производимыхъ подъ нее земельными банками ссудъ. Само собою, однако, разумѣется, что съ предположенною отмѣною крѣпостного права вся прежняя система выдачи ссудъ по разсчету на души оказывалась уже непримѣнимою и должна была уступить мѣсто иной системѣ, ставящей размѣры ссудъ въ зависимость отъ цѣнности обезпечивающей ихъ земли. Но оцѣнка земель могла совершаться только на мѣстахъ при посредствѣ многочисленныхъ оцѣнщиковъ, которыхъ правительство не имѣло въ своемъ распоряженіи. Позднѣе, благодаря обществу поземельнаго кредита, такая оцѣнка была произведена почти повсемѣстно и съ большею тщательностью, такъ какъ общество понимало, что чѣмъ строже будетъ оцѣнка, тѣмъ дороже будутъ оплачиваться выпускаемыя имъ для выдачи ипотечныхъ ссудъ облигаціи. Во всякомъ случаѣ, крестьянская реформа побуждала озаботиться измѣненіемъ существовавшихъ тогда основаній производства ссудъ подъ недвижимыя имущества.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

VIII [1]).

Недостатки произведенныхъ въ 40-хъ годахъ преобразованій денежной системы. — Необходимость связать выпускъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ съ банковыми операціями. — Учрежденіе комиссіи по устройству банковой и денежной системы. — Заключенія комиссіи. — Одобреніе предположеній комиссіи комитетомъ финансовъ.

Изъ сказаннаго мною ранѣе, такимъ образомъ, видно, что преобразованіе старыхъ кредитныхъ учрежденій вызывалось, съ одной стороны, возникшими въ концѣ 50-хъ годовъ затрудненіями вслѣдствіе усиленнаго востребованія изъ банковъ вкладовъ, а, съ другой, невозможностью продолженія операцій банковъ по выдачѣ ссудъ въ виду предстоявшаго освобожденія крестьянъ. Но, сверхъ того, реформа эта диктовалась еще третьею весьма важною потребностью, заключавшеюся въ упорядоченіи разстроеннаго послѣ войны денежнаго обращенія и въ развитіи государственнаго коммерческаго кредита.

Дѣло въ томъ, что та денежная кредитная система, которая установлена была въ началѣ 40-хъ годовъ и сводилась къ замѣнѣ неразмѣнныхъ ассигнацій размѣнными на серебро и золото кредитными билетами, оказалась, съ теченіемъ времени, несостоятельною. Послѣ усиленныхъ выпусковъ въ періодъ Крымской войны, кредитные билеты перестали быть размѣнными; явилось колебаніе курса, паденіе цѣны по разсчету на золото—словомъ кредитные билеты сдѣлались такими же ассигнаціями, какъ тѣ, которыя они замѣнили.

---

[1]) См. „Русская Старина“ мартъ 1915 г.

Размѣнъ кредитныхъ билетовъ былъ пріостановленъ съ начала войны; золото выдавалось лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ разрѣшенія министра финансовъ, какъ, напримѣръ, для надобностей самой казны, путешественникамъ за границу, въ обмѣнъ на предъявляемые ими кредитные билеты и т. п.

Строгій анализъ осуществленной при Императорѣ Николаѣ I денежной реформы не могъ не обнаружить ея серьезнаго недостатка. Если бы совершенная въ 1843 году девальвація была связана съ преобразованіемъ банковъ и банковыхъ операцій, то можетъ быть она дала бы болѣе прочные результаты и даже пріостановленіе размѣна въ періодъ войны носило бы кратковременный характеръ. Между тѣмъ правительство, сдѣлавъ девальвацію, вовсе не думало о пріобщеніи выпуска кредитныхъ билетовъ къ банковымъ операціямъ; оно предоставляло себѣ распоряжаться кредитными билетами, какъ финансовыхъ способомъ государственнаго казначейства. Допустимъ, что всѣ выпущенные во время войны государственнымъ казначействомъ кредитные билеты были бы выпущены банками. Эти послѣдніе считали бы въ такомъ случаѣ сумму выпущенныхъ билетовъ долгомъ за государственнымъ казначействомъ, которое и должно было бы постепенно погасить сдѣланныя позаимствованія изъ бюджетныхъ рессурсовъ, предоставивъ тѣмъ самымъ банкамъ средства для изъятія изъ обращенія излишне выпущенныхъ денежныхъ знаковъ. Напротивъ того, выпущенные государственнымъ казначействомъ, помимо банковъ, кредитные билеты могли оставаться и въ дѣйствительности остались непогашенными, результатомъ чего явилось прекращеніе размѣна и длительное разстройство нашего денежнаго обращенія. Вообще извѣстны два способа выпуска бумажныхъ денежныхъ знаковъ, или непосредственно правительствомъ, или же банками. При первомъ способѣ, насколько я знаю, только Соединенные Штаты возстановили денежное обращеніе, всѣ другія государства, которыя вышли изъ эпохи разстроеннаго денежнаго обращенія и перешли къ свободному размѣну, принадлежали къ такимъ государствамъ, гдѣ правительство налагало на банки обязанность выпускать билеты для нуждъ государства на извѣстное время.

Естественно поэтому, что заботы объ упорядоченіи нашего денежнаго обращенія побуждали связать выпускъ кредитныхъ билетовъ съ краткосрочными банковыми операціями производство которыхъ лежало въ то время на государственномъ коммерческомъ банкѣ. Но банкъ этотъ самъ по себѣ нуждался въ

существенныхъ преобразованіяхъ, такъ какъ дѣятельность его не удовлетворяла возбужденному состоянію промышленности и торговли: операціи краткосрочнаго кредита ограничивались почти исключительно учетомъ векселей, представляемыхъ маклерами. Однако, и учетная операція, послѣ предпринятыхъ въ 20-хъ годахъ неудачныхъ опытовъ къ ея расширенію, достигала незначительныхъ размѣровъ, выражаясь въ 1858 и 1859 годахъ въ суммѣ до 50 милл. руб. въ годъ, при чемъ количество векселей, значившееся на балансѣ банка, не превышало 7 милл. руб. Кромѣ того, многія операціи, какъ, напр., чековое полученіе денегъ, были банку совершенно неизвѣстны.

При объясненныхъ обстоятельствахъ весною 1859 года созвана была, по Высочайшему повелѣнію, комиссія изъ лицъ, спеціально знакомыхъ съ финансовою и кредитною частями для обсужденія мѣръ къ лучшему устройству банковой и денежной системы. Членами этой комиссіи были назначены: Гагемейстеръ — директоръ особенной канцеляріи по кредитной части, Татариновъ, занимавшійся тогда преобразованіемъ контрольной части, Рейтернъ, служившій въ то время въ морскомъ министерствѣ и состоявшій членомъ желѣзнодорожнаго совѣта, Н. Милютинъ, исполнявшій обязанности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, Бутовскій—директоръ департамента мануфактуръ и внутренней торговли, Небольсинъ, состоявшій при министрѣ, я и, по моему предложенію, ректоръ Кіевскаго университета и профессоръ политической экономіи Н. Х. Бунге. Предсѣдательствовали въ комиссіи Гагемейстеръ и Милютинъ. Еще до собранія комиссіи я пригласилъ Бунге къ себѣ на дачу въ Лѣсной и послѣ обѣда начерталъ ему на листѣ бумаги свой планъ преобразованія нашей банковой системы. Этотъ планъ, легшій въ основаніе работъ комиссіи, остался у Рорбека, одного изъ моихъ сотрудниковъ на поприщѣ банковой дѣятельности.

Комиссія, подробно вникнувъ въ порученное ей дѣло и признавъ необходимымъ произвести коренное преобразованіе всей банковой системы, выработала, прежде всего, рядъ мѣръ къ правильному и соотвѣтствующему потребностямъ вкладчиковъ отверженію огромнаго пловучаго долга (dette flottante), тяготѣвшаго надъ банками. Съ этою цѣлью комиссія намѣтила, между прочимъ, произвести выпускъ 5%-ныхъ банковыхъ билетовъ для обмѣна на нихъ, по желанію вкладчиковъ, прежнихъ вкладныхъ билетовъ. Мѣра эта должна была остановить востребованіе вкладовъ, превративъ ихъ изъ краткосрочныхъ, свободныхъ къ востребованію въ любое время, въ болѣе или менѣе

постоянные и ограниченные извѣстнымъ срокомъ погашенія. Такъ какъ банки выдавали ссуды на продолжительные сроки, главнымъ образомъ, до 33 лѣтъ и преимущественно подъ залогъ недвижимой собственности или подъ отвѣтственностью государственнаго казначейства, то надо было стремиться привести востребованіе вкладовъ въ соотвѣтствіе съ условіями возврата ссудъ отъ заемщиковъ. Этому требованію и удовлетворяли 5%-ные банковые билеты, которые давали достаточное вознагражденіе вкладчикамъ и успокаивали банки, что уплата капитала будетъ примѣрно соотвѣтствовать срокамъ поступленія платежей со стороны заемщиковъ. Выпущенные билеты должны были быть погашены въ теченіе 37 лѣтъ путемъ ежегодныхъ тиражей или по жребію. Въ зависимости отъ желанія пріобрѣтателя, билеты могли выдаваться или именными съ правомъ дальнѣйшей передачи по бланковой надписи или на предъявителя съ правомъ передачи изъ рукъ въ руки безъ всякихъ формальностей.

Тѣ вкладчики, которые не согласились бы на полученіе, взамѣнъ старыхъ вкладныхъ билетовъ, новыхъ банковыхъ могли или оставить свой капиталъ въ банкахъ съ правомъ безсрочнаго востребованія, но съ тѣмъ, чтобы получать на него только 2% и въ случаѣ пролежанія вклада болѣе года съ новаго срока не пользоваться впредь сложными процентами или же получить изъ банковъ деньги обратно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для скорѣйшаго выясненія желаній вкладчиковъ, во избѣжаніе напрасной затяжки кризиса и, наконецъ, чтобы имѣть возможность приступить къ измѣненіямъ въ банковой системѣ, комиссіею признано было необходимымъ назначить для объявленія намѣреній вкладчиковъ, по возможности, краткій срокъ.

По истеченіи назначеннаго срока комиссія признавала необходимымъ приступить къ окончательному преобразованію банковъ, которое должно было заключаться въ ликвидаціи прежнихъ и въ устройствѣ тотчасъ же новыхъ кредитныхъ учрежденій на болѣе раціональныхъ основаніяхъ. Для достиженія этой цѣли были предложены слѣдующія средства. Послѣ того какъ прежніе вклады изберутъ себѣ то или другое помѣщеніе, всѣ капиталы банковъ, оставшіеся вкладами на измѣненныхъ основаніяхъ, передаются на отвѣтственность одного Коммерческаго банка. Затѣмъ, Сохранныя казны, Заемный банкъ и Приказы общественнаго призрѣнія прекращаютъ всѣ свои операціи по вкладамъ, а для взысканія платежей по прежнимъ ссудамъ оставляются временныя отдѣленія. При этомъ комиссіею высказано

было пожеланіе, чтобы Коммерческій банкъ, значеніе котораго должно сдѣлаться гораздо важнѣе, получилъ въ свою очередь нѣкоторыя постепенныя преобразованія и могъ сдѣлаться у насъ со временемъ, по мѣрѣ улучшенія денежной кредитной системы, постояннымъ оборотнымъ банкомъ на подобіе банковъ Англіи, Франціи и другихъ. Въ частности, на первое время комиссія признавала полезнымъ ввести въ управленіе банкомъ элементъ частной дѣятельности и въ этихъ видахъ, оставляя его подъ ближайшимъ надзоромъ правительства, допустить въ составленіи основного капитала и въ производствѣ всѣхъ операцій, имѣющихъ въ немъ чисто коммерческій характеръ, частную компанію преимущественно изъ торговаго сословія. При участіи торговыхъ людей, операціи банка, безъ всякаго сомнѣнія, приняли бы большіе размѣры и число конторъ его возросло бы къ пользѣ промышленности и торговли въ такихъ мѣстахъ, которыя лишены нынѣ всякаго содѣйствія кредита. Что же касается долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимой собственности, то комиссія считала необходимымъ построить этого рода кредитъ на началахъ, принятыхъ въ земскомъ кредитномъ обществѣ Царства Польскаго, въ Остзейскихъ губерніяхъ и за границею—въ Германіи и Франціи. Поэтому и такъ какъ оцѣнка принимаемой въ залогъ земельной собственности должна быть производима на мѣстахъ съ принятіемъ во вниманіе всѣхъ частныхъ и мѣстныхъ отличій и условій каждаго залога, комиссія высказалась за удовлетвореніе потребностей земельнаго кредита посредствомъ устройства мѣстныхъ земскихъ банковъ, по возможности, съ участіемъ самихъ землевладѣльцевъ или частной акціонерной компаніи. Правительство же съ своей стороны могло бы, по мнѣнію комиссіи, облегчить устройство земскихъ банковъ, принявъ подъ свой высшій надзоръ огражденіе правъ довѣрителей въ отношеніи къ выпуску закладныхъ листовъ.

Наконецъ, предварительно осуществленія намѣченнаго преобразованія комиссія нашла полезнымъ объединить высшее завѣдываніе кредитными операціями Имперіи. Кредитныя учрежденія въ то время распредѣлены были по тремъ вѣдомствамъ: коммерческій и заемный банки находились въ рукахъ министерства финансовъ, сохранныя казны состояли при опекунскихъ совѣтахъ, подвѣдомственныхъ IV Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, наконецъ, производившіе кредитныя операціи въ губерніяхъ—приказы общественнаго призрѣнія состояли въ вѣдомствѣ министерства

внутреннихъ дѣлъ. Подобное раздѣленіе администраціи кредитныхъ учрежденій, несмотря даже на нѣкоторое желаніе дѣйствовать однообразно, безспорно приводило къ отсутствію единства какъ въ общемъ направленіи дѣятельности банковъ, такъ и въ отдѣльныхъ ихъ мѣропріятіяхъ. А такъ какъ успѣхъ предположенныхъ преобразованій возможенъ былъ лишь при единствѣ, быстротѣ, твердости и полномъ согласованіи въ дѣйствіяхъ, то комиссія пришла къ заключенію о необходимости подчинить всѣ существующія кредитныя установленія непосредственно министерству финансовъ.

Всѣ эти предположенія комиссіи составили предметъ особой записки, переданной въ іюлѣ 1859 года на разсмотрѣніе комитета финансовъ.

Проектированныя комиссіею мѣропріятія были одобрены въ основныхъ чертахъ комитетомъ финансовъ. Но, при этомъ, возлагая на министра финансовъ заняться соображеніемъ о преобразованіи коммерческаго банка, комитетъ финансовъ не призналъ возможнымъ присоединиться къ заключенію комиссіи о привлеченіи къ составленію основного капитала банка и къ управленію его дѣлами частной компаніи и съ своей стороны полагалъ сохранить коммерческому банку характеръ исключительно правительственнаго учрежденія, пока не представится возможнымъ обратить его въ оборотный банкъ съ правомъ выпуска собственныхъ безпроцентныхъ билетовъ.

IX.

Подписка на 5%-е банковые билеты.—Назначеніе Е. И. Ламанскаго старшимъ директоромъ коммерческаго банка.—Введеніе въ банковское производство новыхъ порядковъ.—Служебныя непріятности.—Ѳ. Ф. Юрьевъ.—Назначеніе А. И. Ростовцева управляющимъ коммерческимъ банкомъ.—М. А. Княжевичъ.—Составленіе проекта устава государственнаго банка.—Главныя основанія Высочайше утвержденнаго 31 мая 1860 года устава Государственнаго банка.

Согласно разработанному въ комиссіи и одобренному комитетомъ финансовъ плану 1 сентября 1859 г. обнародовано было при Высочайшемъ указѣ Сенату положеніе о государственныхъ 5%-хъ банковыхъ билетахъ, выпускавшихся въ обмѣнъ на прежніе билеты государственныхъ кредитныхъ установленій. Подписка на 5%-е билеты должна была быть окончена къ 1 января 1860 года. Однако, несмотря на краткость назначеннаго для завершенія всей операціи срока, консолидація вкладовъ подвига-

лась на первыхъ подахъ весьма медленно. Самая мысль о возможности такой операціи являлась новою для публики, совсѣмъ не подготовленной къ крупнымъ внутреннимъ займамъ. Съ другой стороны, администрація банковъ, усматривая въ предпринятой мѣрѣ переходную ступень къ коренному преобразованію банковой системы съ устраненіемъ разныхъ ненужныхъ прежнихъ дѣятелей, отнеслась къ выпуску 5%-хъ банковыхъ билетовъ, конечно, несочувственно. Такъ, напримѣръ, на вопросы приходившей подписываться на *билеты* публики директора и другіе служаюіе коммерческаго банка указывали на невыгодность этой операціи, объясняя, что по билетамъ будутъ платить только проценты, а капитала не выдадутъ. Словомъ, по истеченіи нѣсколькихъ недѣль со времени изданія положенія о 5%-хъ билетахъ требованій на нихъ почти не предъявлялось. Министръ финансовъ Княжевичъ былъ въ полномъ отчаяніи. Директоръ канцеляріи Гагемейстеръ съ упрекомъ обратился ко мнѣ: „Мы приняли въ точности Вашу систему; однако, какъ видите, на практикѣ она не оправдываетъ ожиданій". Тогда М. Н. Муравьевъ, твердо увѣренный въ той пользѣ, которую я могъ бы оказать въ этомъ дѣлѣ, началъ склонять меня къ переходу въ министерство финансовъ и къ поступленію въ коммерческій банкъ для исполненія предложенной мною въ комиссіи операціи по консолидаціи вкладовъ. Чувствуя на себѣ отвѣтственность за поданную мною мысль и уступая желанію Муравьева, въ концѣ октября 1859 года, я поступилъ, по приглашенію Княжевича, старшимъ директоромъ коммерческаго банка. Такимъ образомъ, до истеченія срока подписки на 5%-ные банковые билеты оставалось всего два мѣсяца. На первыхъ же порахъ я столкнулся въ банкѣ съ явнымъ противодѣйствіемъ его администраціи всѣмъ моимъ начинаніямъ. Но это меня не смутило. Въ сознаніи лежавшаго на мнѣ долга я тотчасъ же образовалъ особое отдѣленіе изъ молодыхъ людей, которые спеціально вѣдали подпискою на 5%-ные билеты и разъясняли публикѣ какъ изустно, такъ и письменно, путемъ статей въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ, смыслъ и послѣдствія производимой операціи, разсѣивая сложившееся вокругъ нея предубѣжденіе. Въ этомъ дѣлѣ оказалъ мнѣ помощь одинъ очень хорошій, хотя слишкомъ болтливый человѣкъ—Рорбекъ, безвременно скончавшійся отъ простуды во время своей послѣдующей службы въ Государственномъ банкѣ. Благодаря принятымъ мѣрамъ, въ теченіе ноября и декабря 1859 г. мною было консолидировано вкладовъ на сумму около 270 милл. руб. Те-

перь, накопленная съ годами опытность не дала бы, быть можетъ, мнѣ возможности найти въ себѣ той энергіи и смѣлости, съ которыми я взялся въ ту пору за это трудное и отвѣтственное предпріятіе.

Достигнутый нами успѣхъ зависѣлъ въ извѣстной мѣрѣ и отъ заведенныхъ мною, по образцу французскаго банка, новыхъ порядковъ сношенія съ публикою. Въ прежнее время служащіе банка обращались съ многими кліентами на ты; я помню, что даже въ оффиціальныхъ бумагахъ на имя вкладчиковъ изъ крестьянъ неизмѣнно писалось: увѣдомляемъ тебя, объявляемъ тебѣ. При производствѣ операцій съ приходящею въ банкъ публикою никакой очереди не соблюдалось, а всегда отдавалось предпочтеніе лицамъ привилегированнаго сословія. Все это мною было въ корнѣ измѣнено. Всѣмъ служащимъ я внушилъ необходимость сноситься съ публикою въ самой вѣжливой формѣ, отнюдь не допуская обращенія на ты. Затѣмъ, пріемъ и исполненіе заявленій подчинены были строгой очереди. Эта послѣдняя мѣра привилась, понятно, не безъ нѣкоторыхъ на первыхъ порахъ треній. Пріѣзжаетъ, напримѣръ, въ банкъ какой-нибудь офицеръ и заявляетъ, по старой привычкѣ: „Мнѣ некогда сегодня ждать, нельзя ли удовлетворить меня внѣ очереди“. На это я неизмѣнно отвѣчалъ: „Очень жаль, что избрали такой день; зайдите завтра; очередь во всякомъ случаѣ нарушена быть не можетъ“. Не только публика, но и всѣ низшіе служащіе банка, разумѣется, поняли и оцѣнили происшедшую перемѣну.

Въ качествѣ одного изъ директоровъ банка я принималъ участіе въ его правленіи, гдѣ многіе на меня смотрѣли косо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ канцеляріи банка зачастую писались такія распоряженія, которыя не были предварительно обсуждаемы въ правленіи. Когда мнѣ однажды принесли подобнаго рода бумагу, я тотчасъ же попросилъ созвать правленіе, въ которомъ заявилъ правителю канцеляріи: „Какъ Вы смѣете писать такія вещи. Въ бумагѣ указанъ день и число, когда я былъ въ банкѣ, однако, о сдѣланномъ распоряженіи мнѣ ничего не извѣстно“. Управляющій банкомъ—прелестный человѣкъ, Ѳедоръ Филипповичъ Юрьевъ, бывшій уланъ, другъ Пушкина, началъ защищать правителя канцеляріи и, стремясь положить предѣлъ непріятнымъ пререканіямъ, обращаясь ко мнѣ, замѣтилъ, между прочимъ: „Я Вашъ начальникъ“. На это я отвѣтилъ: „Не стыдно ли Вамъ, Ѳедоръ Филипповичъ; Вы хорошо знаете о чемъ идетъ рѣчь; я здѣсь скажу какъ гость, какой же Вы начальникъ, если Вы позволяете творить такія вещи“. Словомъ,

я распушилъ весь составъ правленія. Со стороны банковской администраціи прилагали, понятно, всѣ старанія, чтобы избавиться отъ меня и не дать мнѣ возможности стать во главѣ банка и сдѣлаться непосредственнымъ начальникомъ всѣхъ противорѣчившихъ мнѣ директоровъ. Происки эти остались очевидно не безъ успѣха. Когда, вскорѣ послѣ описанной исторіи, Ѳ. Ф. Юрьевъ скончался (въ мартѣ 1860 года), А. М. Княжевичъ назначилъ управляющимъ коммерческимъ банкомъ не меня, имѣвшаго, въ качествѣ старшаго директора, полное на это право, а своего пріятеля, управляющаго экспедиціею государственныхъ кредитныхъ билетовъ Александра Ивановича Ростовцева. Словомъ, пришлось пережить тысячу непріятностей.

Главнѣйшую поддержку въ своей дѣятельности я находилъ все же у Княжевича и Гагемейстера, съ которыми у меня установились самыя хорошія отношенія.

Княжевичъ былъ умнымъ и очень добрымъ человѣкомъ. Но въ операціи консолидаціи вкладовъ онъ видимо плохо разбирался и вполнѣ довѣрялся въ этомъ дѣлѣ мнѣ и извѣстному въ то время своею начитанностью и образованіемъ директору кредитной канцеляріи Гагемейстеру. Въ подтвержденіе оказывавшагося мнѣ Княжевичемъ широкаго довѣрія я могу привести слѣдующій случай. На самомъ зенитѣ обмѣна вкладовъ на 5%-ные билеты директора банка стали писать на меня разные доносы министру. Княжевичъ, пригласивъ меня къ себѣ, сообщилъ мнѣ, что онъ получилъ отъ директоровъ банка заявленія, что я веду дѣло не такъ, какъ нужно. Съ своей стороны я отвѣтилъ министру: „Я совершенно ясно обнаружилъ цѣль моихъ дѣйствій; если вы хотите довѣриться другимъ директорамъ, то довѣряйтесь, а я тогда уйду изъ банка. Продолжать начатое дѣло я буду только самостоятельно, безъ всякаго вмѣшательства прочихъ директоровъ“. На это Княжевичъ тотчасъ же сказалъ: „Довѣряю вамъ одному“. И съ тѣхъ поръ предоставилъ мнѣ полную самостоятельность въ дѣлѣ веденія операціи съ 5%-ными билетами.

Помимо работы въ коммерческомъ банкѣ, вторую половину 1859 года и начало 1860 года я посвятилъ возложенному на меня особому труду по составленію проекта устава новаго Государственнаго банка. Какъ было уже сказано, первоначальная мысль комиссіи, начертавшей въ 1859 году планъ переустройства нашей банковой и денежной системы, состояла въ образованіи особаго самостоятельнаго коммерческаго банка въ видѣ большой акціонерной компаніи съ предоставленіемъ ему права

выпуска размѣнныхъ денежныхъ знаковъ. Мысль эта хотя и встрѣтила сочувствіе въ высшемъ правительствѣ, но не была приведена въ исполненіе, такъ какъ предложенный проектъ представлялъ собою слишкомъ рѣзкій переходъ отъ прежняго строго казеннаго кредитнаго учрежденія къ частному банковому предпріятію. Правительство полагало возможнымъ достичь имѣвшейся въ виду комиссіи цѣли и при сохраненіи за учреждаемымъ банкомъ характера государственнаго, но съ предоставленіемъ ему независимаго устава, обезпечивающаго всѣ его операціи отъ непосредственнаго вліянія государственнаго казначейства.

Въ основаніе выработаннаго мною, сообразно такому заданію, проекта устава Государственнаго банка былъ принятъ уставъ французскаго центральнаго банка (Banque de France) съ тѣми, конечно, отступленіями, которыя обусловливались казенною организаціею создаваемаго у насъ кредитнаго учрежденія. Проектъ устава былъ отпечатанъ и разосланъ во всѣ коммерческіе центры, гдѣ существовали коммерческіе совѣты, во всѣ биржевые города, а здѣсь, въ Петербургѣ, былъ сообщенъ всѣмъ лицамъ торговаго сословія, преимущественно иностранцамъ, которые были ближе знакомы съ вопросами коммерческаго кредита. Исправленный, согласно поступившимъ замѣчаніямъ, проектъ устава, по одобреніи его министромъ финансовъ, былъ внесенъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и 31 мая 1860 года удостоился Высочайшаго утвержденія.

Хотя этотъ уставъ и не удовлетворялъ всѣмъ первоначально намѣченнымъ комиссіею 1859 года цѣлямъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ ввелъ нѣкоторыя новыя начала въ устройство нашего центральнаго учрежденія коммерческаго кредита. Главное назначеніе новаго банка заключалось въ упроченіи денежнаго кредитнаго обращенія и въ развитіи торговыхъ оборотовъ. Для производства коммерческихъ операцій Государственному банку назначался основной капиталъ въ 15 милл. руб. съ остаткомъ резервнаго капитала бывшаго коммерческаго банка въ 8.751.428 р. Какъ собственные капиталы банка—основной и резервный, такъ и ввѣряемые ему частными лицами и учрежденіями вклады не должны были ни въ какомъ случаѣ быть обращаемы на государственные расходы. Этимъ постановленіемъ устава какъ бы подчеркивалось независимое положеніе банка и совершенное раздѣленіе нуждъ коммерческаго учрежденія отъ нуждъ государственнаго казначейства. Разумѣется, самостоятельность банка, какъ показалъ впослѣдствіи опытъ, была обѣщана только на

бумагѣ, потому что разъ банкъ находился въ рукахъ финансоваго управленія, а не акціонернаго учрежденія, онъ не могъ принудить правительство къ исполненію принятыхъ имъ на себя обязательствъ. Предоставляя банку производство различныхъ коммерческихъ операцій, какъ-то: учетъ векселей, выдачу ссудъ подъ залогъ бумагъ, товаровъ и т. д., уставъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнюдь не возлагалъ на банкъ обязанности производить эти операціи, такъ что веденіе ихъ исключительно зависѣло отъ усмотрѣнія банка и, въ частности, отъ состоянія его средствъ. Банкъ имѣлъ полное право не производить предусмотрѣнныя его уставомъ операціи. Нигдѣ въ уставѣ не указано, что банкъ обязанъ дѣлать то-то и то-то. Словомъ, производство операцій составляло только право, а не обязанность банка, который имѣлъ, такимъ образомъ, полную возможность направлять свои средства на исполненіе только выгодныхъ для него операцій. Въ отличіе отъ прежнихъ банковъ, Государственный банкъ, при пріемѣ вкладовъ для обращенія изъ процентовъ, могъ выдавать на нихъ только именныя, а не передаточныя свидѣтельства. Всѣ операціи на неизвѣстнаго были уничтожены. Съ другой стороны банку была открыта новая отрасль дѣятельности, не существовавшая прежде въ Россіи, а именно производство всякаго рода комиссіонныхъ операцій за счетъ довѣрителей, которымъ банкъ открывалъ текущіе счеты и затѣмъ, по порученію своихъ кліентовъ, получалъ по ихъ векселямъ, переводилъ деньги изъ одного города въ другой, гдѣ существовали банковскія учрежденія и т. д. Въ качествѣ особой привилегіи банка, въ уставъ его было включено постановленіе, въ силу коего всѣ казенныя суммы, гдѣ бы онѣ ни находились, должны храниться въ банковыхъ учрѣжденіяхъ, т.-е. въ центральномъ банкѣ или его конторахъ. Рядомъ съ этимъ на Государственный банкъ была возложена казною, въ видѣ комиссіонной операціи, ликвидація всѣхъ старыхъ счетовъ бывшихъ кредитныхъ установленій. На этомъ основаніи новый банкъ долженъ былъ производить: а) платежъ процентовъ и возвратъ капитала по тѣмъ внесеннымъ въ бывшія кредитныя установленія вкладамъ, которые остались послѣ свободнаго обмѣна вкладныхъ билетовъ на 5%-ные банковые билеты и б) платежъ процентовъ по купонамъ 5%-ныхъ банковыхъ билетовъ и капитала по билетамъ, назначеннымъ къ погашенію. На покрытіе этихъ расходовъ банку должны были передаваться: 1) вся сумма процентовъ и погашенія, слѣдующихъ съ заемщиковъ бывшихъ кредитныхъ установленій и 2) всѣ платежи, производимые изъ

государственнаго казначейства по долгу его и казенныхъ мѣстъ кредитнымъ установленіямъ. При этомъ въ уставѣ Государственнаго банка было совершенно точно и ясно опредѣлено, что всѣ ликвидаціонныя операціи производятся не на средства и не на обороты Государственнаго банка, а за счетъ государственнаго казначейства, которое, въ случаѣ надобности, принимаетъ на себя обязательство выдавать банку необходимыя для ликвидаціи дополнительныя, сверхъ указанныхъ выше, средства или въ наличныхъ деньгахъ или въ процентныхъ обязательствахъ государственнаго казначейства, съ правомъ банка обращать ихъ въ наличныя деньги продажею на биржѣ.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

X [1]).

Назначеніе барона Штиглица управляющимъ государственнымъ банкомъ и Е. И. Ламанскаго товарищемъ управляющаго.—Характеристика барона Штиглица.—Дѣятельность Е. И. Ламанскаго по организаціи внутренняго распорядка въ государственномъ банкѣ и по усовершенствованію техники его операцій.—Отношеніе высшихъ государственныхъ установленій къ реформамъ въ банковомъ производствѣ.—Генералъ-адъютантъ Чевкинъ.—М. Х. Рейтернъ.

Въ началѣ іюля 1860 года преобразованный изъ коммерческаго государственный банкъ открылъ свои операціи.

Еще въ періодъ разработки устава банка передъ высшимъ финансовымъ управленіемъ возникъ вопросъ: кого поставить во главѣ преобразуемаго банка. Являясь въ печати поборникомъ учрежденія акціонернаго банка съ правомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, лично я естественно придерживался взгляда о необходимости назначенія на должность управляющаго такого банка опытнаго банкира, который былъ бы главнымъ руководителемъ задуманнаго нами центральнаго кредитнаго учрежденія. Кандидатъ на этотъ постъ въ моихъ глазахъ намѣчался самъ собою.

Дѣло въ томъ, что съ переходомъ управленія министерствомъ финансовъ отъ Брока къ Княжевичу и съ назначеніемъ Гагемейстера на должность директора кредитной канцеляріи на петербургской биржѣ возникли слѣдующія обстоятельства. Банкирскій домъ барона Штиглица, бывшаго въ то время единственнымъ и исключительнымъ банкиромъ русскаго правительства, давно уже возбуждалъ къ себѣ зависть со стороны дру-

[1]) См. „Русская Старина“ апрѣль 1915 г.

гихъ болѣе второстепенныхъ банкирскихъ домовъ. Пылкій по характеру Гагемейстеръ, не выносившій несправедливости такого положенія дѣлъ, желалъ уничтожить монополію барона Штиглица созданіемъ въ противовѣсъ ему другого могущественнаго банкирскаго дома. Въ то время обращала на себя вниманіе банкирская фирма Капгера, переселившагося незадолго передъ тѣмъ изъ Гамбурга. Домъ этотъ, хотя и имѣлъ за собою репутацію сомнительнаго свойства, такъ какъ испыталъ, во время своей дѣятельности за границею, нѣсколько банкротствъ, по которымъ, впрочемъ, расплатился, тѣмъ не менѣе являлся для Гагемейстера возможнымъ соперникомъ Штиглица. Помимо Штиглица правительство обратилось въ первый разъ къ Капгеру съ порученіемъ заключить въ Лондонѣ заемъ за счетъ русскаго правительства. Попытка эта, къ сожалѣнію, не сопровождалась ожидаемымъ успѣхомъ, но съ своей стороны баронъ Штиглицъ, видя какъ бы принятое правительствомъ рѣшеніе оставлять его въ сторонѣ, уже задумалъ планъ о прекращеніи своихъ дѣлъ въ Петербургѣ и даже о совершенномъ выселеніи за границу. Такимъ образомъ, въ моментъ реформы государственнаго банка баронъ Штиглицъ былъ, такъ сказать, наканунѣ отъѣзда изъ Россіи. Связанный дружбою и давнишними отношеніями съ бывшимъ государственнымъ канцлеромъ Нессельроде и выступавшимъ уже тогда кандидатомъ въ министры финансовъ Рейтерномъ, онъ, по моему мнѣнію, естественно представлялъ изъ себя наиболѣе удобное лицо для того, чтобы занять вновь открывшуюся должность управляющаго государственнымъ банкомъ.

Я сообщилъ о своихъ предположеніяхъ Рейтерну, который вполнѣ одобрилъ мою мысль и рѣшился дѣйствовать для приведенія ея въ исполненіе. Какъ ни трудно было уговорить барона Штиглица, Рейтернъ, благодаря связямъ съ Нессельроде, достигъ общежелаемой цѣли. Старикъ Нессельроде устроилъ у себя на Каменномъ островѣ (это было лѣтомъ) обѣдъ, на который пригласилъ Рейтерна, Гагемейстера и меня для совокупнаго убѣжденія барона Штиглица занять новообразуемое мѣсто управляющаго государственнымъ банкомъ. Онъ сперва было отказывался, но когда ему сообщили, что товарищемъ управляющаго предполагается назначить меня съ порученіемъ мнѣ ближайшаго завѣдыванія администраціею банка и операціями и что такимъ образомъ на немъ будетъ лежать лишь главное руководство дѣятельностью новаго кредитнаго учрежденія, баронъ Штиглицъ принялъ условно сдѣланное нами предложеніе. Прин-

ципіальнымъ согласіемъ Штиглица достигнута была первая часть нашей задачи. Предстояло преодолѣть главное затрудненіе: склонить къ осуществленію нашего предположенія самого министра финансовъ—А. М. Княжевича, побудивъ его обратиться съ соотвѣтствующею просьбою непосредственно къ Штиглицу. За устройство этого дѣла взялся я и на другой же день при свиданіи съ министромъ финансовъ убѣдилъ его написать барону Штиглицу письмо съ просьбою вступить въ управленіе государственнымъ банкомъ совмѣстно со мною.

Баронъ Штиглицъ не былъ такъ плохъ и глупъ, какъ многіе объ этомъ говорили; но онъ отличался чрезвычайно узкимъ горизонтомъ и носилъ слѣды дурного коммерческаго воспитанія. Вступивъ въ управленіе банкомъ, онъ относился съ полнымъ сознаніемъ долга и добросовѣстностью къ принятымъ на себя обязанностямъ. При этомъ завѣдываніе всѣми внутренними распорядками банка онъ предоставилъ мнѣ и не вмѣшивался ни въ назначеніе лицъ, ни въ форму книгъ, счетовъ и т. д. Отношенія между мною и барономъ Штиглицемъ были самыя хорошія и вполнѣ любезныя, несмотря на разныя интриги чиновниковъ, которые безуспѣшно пытались раздѣлить насъ.

Дѣятельность моя по введенію новыхъ пріемовъ въ производство банковыхъ операцій, начатая еще въ бытность мою старшимъ директоромъ коммерческаго банка, продолжалась и по преобразованіи послѣдняго въ государственный банкъ. О прямомъ противодѣйствіи моимъ мѣропріятіямъ со стороны подчиненныхъ мнѣ банковыхъ служащихъ не могло быть, конечно, и рѣчи, но все же мнѣ приходилось выдерживать борьбу съ установившеюся въ теченіе долгихъ лѣтъ рутиною.

Такъ однажды, когда изъ казначейства поступило въ одинъ пріемъ до двухъ милліоновъ рублей, старикъ кассиръ Иванъ Ивановичъ Жуковъ, прослужившій въ коммерческомъ банкѣ 50 лѣтъ, говоритъ мнѣ: „Ваше превосходительство, нельзя принять въ одинъ день такой суммы“. Я ему спокойно отвѣтилъ: „Пожалуйста никогда мнѣ этого не говорите; сколько бы вамъ ни принесли денегъ—20, 30, 200 милліоновъ—вы все должны принять. Если у васъ не хватаетъ счетчиковъ, увеличьте ихъ составъ“.

Даже такая обычная операція, какъ учетъ векселей, встрѣчала на первыхъ порахъ большія затрудненія. Ни одинъ изъ директоровъ банка понятія не имѣлъ о томъ, что такое векселя, какія они даютъ права и возлагаютъ обязанности. Прежде среди купечества нерѣдко считалось стыдомъ пойти въ ком-

мерческій банкъ; многіе купцы, покупая товаръ подъ векселя, ставили условіемъ, чтобы векселя не предъявлялись въ банкъ къ учету. Самый учетъ векселей въ коммерческомъ банкѣ носилъ чисто формальный характеръ. Размѣры вексельнаго кредита были заранѣе установлены въ зависимости отъ принадлежности къ той или другой гильдіи, при чемъ купцы 1-й гильдіи пользовались кредитомъ до 50 тыс. руб., 2-й гильдіи— до 30 тыс. руб. и 3-й — до 15 тыс. руб. Обычно векселя представлялись въ банкъ особыми маклерами и безпрекословно принимались къ учету директорами банка, которые не давали себѣ даже труда оцѣнить внутреннее достоинство векселя, подписей на немъ и т. д. Получая за свое посредничество огромныя деньги, маклера естественно стремились отблагодарить администрацію банка и, по обычаю, ежегодно на Казанскую Божью Матерь (22 октября) устраивали обѣдъ для высшихъ чиновниковъ министерства финансовъ. Такимъ образомъ, изъ своей прибыли, достигавшей, быть можетъ, 80 тыс. руб. въ годъ, они расходовали тысячъ около 10 на обѣдъ, который удостоивали своимъ присутствіемъ и самъ Княжевичъ и директора. Обѣды эти были мною отмѣнены; при мнѣ состоялся только одинъ такой обѣдъ. Какъ только я началъ свою дѣятельность въ банкѣ, первая бумага была послана маклерамъ съ увѣдомленіемъ, чтобы они больше не приходили въ банкъ, который началъ принимать къ учету векселя непосредственно отъ ихъ обладателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, было циркулярно объявлено, что всѣ желающіе имѣть дѣло съ банкомъ по учету векселей, должны обращаться въ правленіе банка къ управляющему и представлять рекомендацію двухъ извѣстныхъ лицъ. И всѣ купцы начали съ тѣхъ поръ, минуя посредниковъ, прямо обращаться къ услугамъ банка.

Чековая операція была вовсе незнакома коммерческому банку; многіе находили, что такой способъ расплаты совершенно невозможенъ. Тѣмъ не менѣе введенное мною, по образцу иностранныхъ банковъ, чековое обращеніе прочно привилось и распространилось въ нашемъ торгово-промышленномъ обиходѣ.

Въ отношеніи снабженія отдѣльныхъ учрежденій государственнаго банка кредитными билетами мною была изобрѣтена нигдѣ въ то время не извѣстная система. Въ каждомъ учрежденіи банка, кромѣ оборотной кассы, установлены были особые бумажные запасы. Благодаря этому, усиленіе нуждающагося въ кредитныхъ билетахъ учрежденія банка за счетъ изобилующаго этими билетами учрежденія могло быть осуществлено безъ

пересылки билетовъ изъ одной кассы въ другую. Такъ, напримѣръ, если въ Одессѣ необходимо подкрѣпить кассу на 20 милліоновъ руб. кредитныхъ билетовъ и если въ то же время въ Москвѣ наличность кассы можетъ быть сокращена на тѣ же 20 милл. руб., то управляющему банкомъ достаточно сдѣлать распоряженіе по телеграфу, чтобы въ первомъ изъ этихъ городовъ необходимая сумма была переведена изъ запасовъ въ оборотную кассу, а, во второмъ, напротивъ, та же сумма была бы обращена изъ оборотной кассы въ запасъ. Пока кредитные билеты лежатъ въ запасѣ, они не являются деньгами и, слѣдовательно, приведенная операція, устраняя необходимость перевозки кредитныхъ билетовъ изъ одной банковой кассы въ другую, въ то же время не измѣняетъ общаго количества находящихся въ обращеніи денежныхъ знаковъ. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что отдѣльнымъ банковымъ учрежденіямъ ввѣряется храненіе значительныхъ суммъ кредитныхъ билетовъ, которыми они въ состояніи воспользоваться по своему усмотрѣнію безъ прямого распоряженія управляющаго. Однако, возможность подобнаго рода случаевъ предупреждается наличностью строгаго контроля. Прежде всего, запасы кредитныхъ билетовъ могутъ быть вскрыты не иначе, какъ управляющимъ соотвѣтствующаго банковаго учрежденія совмѣстно съ кассиромъ и контролеромъ. Затѣмъ, всѣмъ находящимся въ запасѣ билетамъ, которые большею частью новые и хранятся въ пачкахъ, всегда извѣстенъ счетъ. Наконецъ, управляющій банкомъ можетъ въ любое время сдѣлать распоряженіе по телеграфу о повѣркѣ кассы и запасовъ полнымъ составомъ служащихъ даннаго учрежденія, начиная съ младшихъ чиновъ. При такой повѣркѣ всякая неправильность кѣмъ-нибудь да будетъ обнаружена.

Самый порядокъ выпуска кредитыхъ билетовъ претерпѣлъ существенныя измѣненія. Въ прежнее время бумажные денежные знаки выпускались экспедиціею кредитныхъ билетовъ, подчиненною непосредственно министру финансовъ, при чемъ находившіеся въ народномъ обращеніи кредитные билеты не имѣли никакого соотношенія съ балансомъ коммерческаго банка. Съ учрежденіемъ же государственнаго банка экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетовъ была присоединена къ банку, на который перешли вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ ея обязанности по выпуску и обмѣну кредитныхъ билетовъ. Практическое послѣдствіе этой мѣры заключалось въ томъ, что выпуски кредитныхъ билетовъ для надобностей казны должны были про-

изводиться не государственнымъ казначействомъ, а государственнымъ банкомъ, заносившимъ соотвѣтствующую сумму долгомъ государственнаго казначейства. Министерство финансовъ становилось какъ бы заинтересованнымъ въ скорѣйшемъ погашеніи выпущенныхъ для государственныхъ надобностей кредитныхъ билетовъ, дабы уменьшить свой долгъ государственному банку.

Одновременно съ этимъ предоставленная банку привилегія хранить на текущемъ счету всѣ наличныя свободныя суммы государственнаго казначейства значительно облегчила переводъ денежныхъ средствъ изъ одного казначейства въ другое, устранивъ необходимость широко прежде примѣнявшейся пересылки кредитныхъ билетовъ на подводахъ.

Я первый ввелъ въ банкѣ систему единства кассы, давшую толчекъ къ осуществленію соотвѣтствующаго преобразованія въ области нашего государственнаго хозяйства.

Всѣ инструкціи по банковымъ операціямъ и дѣлопроизводству были собственноручно мною написаны. Счетоводство и книги я завелъ такія же, какъ во французскомъ банкѣ (двойная бухгалтерія, балансъ и т. д.).

Организація низшихъ служащихъ банка (счетчиковъ и др. была мною поставлена на артельныя начала и, такимъ образомъ, банковская администрація освобождена была отъ необходимости выбирать людей для замѣщенія многихъ сотенъ второстепенныхъ, но тѣмъ не менѣе требующихъ безусловной честности и добросовѣстности должностей, такъ какъ артельщики, отвѣчая другъ за друга, сами принимаютъ въ свою среду новыхъ членовъ.

Словомъ, пришлось вводить въ банкѣ, въ 60-хъ годахъ, европейскіе нравы.

На-ряду съ проводимыми реформами необходимо было энергично упразднять различные, усвоенные въ прежнее время, обычаи, налагавшіе тѣнь на служащихъ въ банкѣ. Какъ извѣстно, размѣнъ кредитныхъ билетовъ на золото не былъ окончательно пріостановленъ послѣ войны; въ отдѣльныхъ случаяхъ по мѣрѣ надобности и отчасти въ зависимости отъ усмотрѣнія кассировъ, кредитные билеты обмѣнивались на золото. За эту-то услугу и приносилась обычно благодарность кассиру и его помощнику въ видѣ присылаемыхъ къ празднику подарковъ. Самъ баронъ Штиглицъ за два года передъ своимъ вступленіемъ въ управленіе государственнымъ банкомъ подарилъ кассиру карету. Короче сказать, это была общая привычка, отъ которой надо было отучить.

Справедливость требуетъ при этомъ отмѣтить, что всѣ проводившіяся въ банкѣ преобразованія встрѣчали сочувствіе со стороны высшихъ государственныхъ установленій. Даже такой человѣкъ, какъ генералъ-адъютантъ Чевкинъ, предсѣдатель департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта и членъ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, не вмѣшивался въ дѣла банка. Несмотря на свой формализмъ и тяжелый вообще характеръ, Чевкинъ, знавшій меня хорошо по географическому обществу, довѣрялся мнѣ въ моихъ начинаніяхъ. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, Чевкинъ отличался чрезвычайною мелочностью. Такъ разсказывали, что когда главное общество желѣзныхъ дорогъ назначило главнымъ производителемъ работъ по постройкѣ желѣзнодорожныхъ линій Колиньона съ присвоеніемъ ему званія генералъ-аншефа, Чевкинъ былъ этимъ крайне недоволенъ, находя, что названіе это подрываетъ его авторитетъ, какъ главнаго начальника путейскаго вѣдомства. Недаромъ Перейра, имѣвшій массу непріятностей съ Чевкинымъ по образованію того же главнаго общества, говорилъ мнѣ съ досадою, что турецкій султанъ обладаетъ Босфоромъ, а Русскій Императоръ, къ сожалѣнію, Босфортомъ (Чевкинъ былъ горбатъ).

Въ 1867 году, послѣ оставленія банка барономъ Штиглицемъ я былъ назначенъ управляющимъ государственнымъ банкомъ и состоялъ въ этой должности до середины 1881 года. Такимъ образомъ, большая часть моей службы въ банкѣ совпала съ временемъ пребыванія во главѣ министерства финансовъ М. Х. Рейтерна. Отношенія между мною и этимъ просвѣщеннымъ министромъ были всегда самыя хорошія. Отличаясь нѣкоторымъ упрямствомъ, Рейтернъ имѣлъ за собою и крупныя нравственныя качества; изъ нихъ я особенно цѣнилъ одно: убѣдившись въ достоинствѣ человѣка, онъ становился на рѣдкость вѣрнымъ другомъ. Въ доказательство искренности нашихъ отношеній съ Рейтерномъ я приведу случай, имѣвшій мѣсто въ 1863 году, тотчасъ по прекращеніи открытаго въ 1862 году размѣна на золото кредитныхъ билетовъ. Въ это время для исправленія пошатнувшагося вексельнаго курса начались разныя биржевыя махинаціи, неизвѣстныя банку и осуществлявшіяся при посредствѣ предсѣдателя Петербургскаго биржевого комитета Брандта. Этотъ послѣдній, возмечтавъ, повидимому, что онъ можетъ управлять даже дѣлами государственнаго банка, пріѣзжаетъ какъ-то ко мнѣ и заявляетъ: „Я хочу съ вами переговорить. Вы должны свободнѣе производить учетъ;

я вамъ скажу, кому слѣдуетъ давать деньги и кому не слѣдуетъ". Я ему на это отвѣтилъ: „Убирайтесь къ чорту. Дѣлайте сами, что хотите, а въ банкѣ хозяинъ я". Онъ тогда отправился къ министру финансовъ, а я написалъ Рейтерну, что или я отвѣчаю за веденіе банковскихъ операцій, или пусть онъ поручитъ завѣдываніе ими Брандту, а я дѣлать того, что хочетъ Брантъ, не желаю. Министръ сейчасъ же просилъ меня пріѣхать къ себѣ; въ происшедшемъ между нами разговорѣ я, между прочимъ, сказалъ: „въ банкѣ я считаю себя хозяиномъ; вы ваши вексельныя операціи ведите какъ хотите, а за дѣятельность банка я ручаюсь и никому постороннему не позволю входить въ мои распоряженія". Рейтернъ меня ласково успокоилъ и вполнѣ согласился съ моимъ взглядомъ на нежелательность какого бы то ни было посторонняго вмѣшательства въ дѣла банка. Инцидентъ этотъ былъ, такимъ образомъ, благополучно исчерпанъ.

XI.

Дѣятельность государственнаго банка въ первые два года его существованія.—Выпускъ 4% металлическихъ билетовъ. — Взглядъ барона Штиглица на эти билеты. – Паденіе курса кредитнаго рубля и мѣры къ предотвращенію отлива размѣнной монеты за границу.—Чеканка серебряной монеты 72 пробы во Франціи. – Недостаточность произведеннаго въ 1860 году пониженія цѣнности размѣнной монеты.—Предложеніе проф. Н. Х. Бунге о выпускѣ мелкихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ.— Проектъ Е. И. Ламанскаго о пониженіи стоимости размѣнной монеты до 50% нарицательной ея цѣны.— Операціи барона Штиглица по поддержанію курса кредитнаго рубля.

Съ учрежденіемъ государственнаго банка, на него перешла обязанность по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій. Нѣкоторое упрощеніе въ это дѣло внесено было произведеннымъ въ 1860 году разборомъ спеціальныхъ капиталовъ отдѣльныхъ правительственныхъ учрежденій. Какъ извѣстно, при Императорѣ Николая Павловичѣ, каждое вѣдомство располагало многочисленными капиталами и доходами, которые, за покрытіемъ упадавшихъ на нихъ расходовъ, передавались, обычно, на храненіе, въ видѣ вкладовъ, въ государственныя кредитныя установленія. Происхожденіе большинства вкладовъ этого рода носило характеръ явныхъ злоупотребленій: всѣ остатки отъ кредитовъ по какому-либо учрежденію не возвращались въ концѣ года въ государственное казначейства, а обращались какъ бы въ собственность этого учрежденія. Такъ постепенно образовались вклады: на диспозицію того или другого мини-

стра, на устройство парка военнаго министра и т. д. Преобразователь нашей смѣтной, кассовой и ревизіонной системы В. А. Татариновъ первый обратилъ вниманіе на ненормальность подобныхъ порядковъ, и засѣдавшая подъ его предсѣдательствомъ комиссія, въ которую былъ приглашенъ и я, установила для государственныхъ доходовъ и расходовъ примѣненную уже ранѣе къ операціямъ государственнаго банка систему единства кассы. При дѣйствіи этой системы, всѣ государственные доходы, по какому бы вѣдомству они ни поступали, должны были обращаться въ общіе рессурсы государственнаго казначейства съ покрытіемъ за счетъ средствъ послѣдняго и всѣхъ возникавшихъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ расходовъ. Засимъ, комиссія потребовала отъ всѣхъ административныхъ мѣстъ подробные списки ихъ капиталовъ вмѣстѣ съ вкладными билетами и тѣ вклады, которые составились изъ бюджетныхъ средствъ, просто обратила въ рессурсы казны, уничтоживъ соотвѣтствующіе билеты. Такимъ образомъ, оказалось возможнымъ погасить на нѣсколько десятковъ милліоновъ рублей долгъ государственному банку.

При всемъ томъ, ликвидація прежнихъ кредитныхъ установленій являлась тяжелымъ бременемъ для государственнаго банка. Хотя, согласно уставу банка, расходы по этой операціи, не покрывавшіеся поступленіями платежей отъ заемщиковъ прежнихъ кредитныхъ установленій, должны были ложиться на средства государственнаго казначейства, однако послѣднее не предоставляло банку какихъ-либо дополнительныхъ сверхъ означенныхъ поступленій рессурсовъ. А такъ какъ сумма платежей по ссудамъ оказывалась первое время недостаточною для удовлетворенія продолжавшагося востребованія вкладовъ, то банку приходилось самому изыскивать источники для производства расходовъ по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій.

На-ряду съ этимъ на государственный банкъ пала обязанность по выдачѣ выкупныхъ бумагъ помѣщикамъ за отходившую отъ нихъ къ крестьянамъ землю. Выкупныя свидѣтельства не имѣли на биржѣ обширнаго хода, и разумѣется спекулянты пользовались этимъ, предлагая за 5% свидѣтельства несоразмѣрную съ ихъ доходностью цѣну. Но помѣщики, стремившіеся обратить процентныя бумаги въ наличныя деньги, обращались къ продажѣ ихъ, не останавливаясь ни предъ какою цѣной. Въ виду этого, государственный банкъ съ цѣлью удержать нѣсколько цѣну выкупныхъ свидѣтельствъ, предоставлялъ

каждому, приступившему къ выкупу, помѣщику, если ему причиталось получить, за переводомъ долга прежнимъ кредитнымъ учрежденіямъ, выкупную сумму, обращать часть ея въ наличныя деньги не по биржевой цѣнѣ, а по номинальной. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи помѣщики получили огромную льготу за счетъ государственнаго банка.

При объясненныхъ условіяхъ операціи государственнаго банка были крайне затруднены въ своемъ развитіи. Тѣ кредитные билеты, которые пришли къ нему на помощь изъ государственнаго казначейства, были обращены на уплату долга казны государственному банку, который и послѣ того не могъ дѣйствовать съ необходимою широтою. На развитіе потребностей торговли кассы банка были постоянно недостаточны. Поэтому, для возможнаго расширенія банковыхъ операцій, управляющій банкомъ баронъ Штиглицъ придумалъ особый рессурсъ. Дабы не прибѣгать къ выпуску новыхъ кредитныхъ билетовъ за счетъ казначейства и не требовать отъ него новыхъ бумагъ, которыя, можетъ быть, встрѣтили бы препятствіе къ реализаціи, въ виду появленія уже въ то время на рынкѣ акцій нѣкоторыхъ крупныхъ предпріятій, какъ, напримѣръ, главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, Риго-Динабургской жел. дор., Черноморскаго общества пароходства и торговли и другихъ частныхъ обществъ, управляющій банкомъ пришелъ къ мысли выпустить, для усиленія его средствъ, 4% металлическіе билеты, которые должны были имѣть хожденіе, какъ наличныя деньги, наравнѣ съ кредитными билетами, и подлежали пріему: между частными лицами—въ уплату по долгамъ и обязательствамъ, въ казну—по платежамъ государственныхъ сборовъ и податей и, наконецъ, въ государственномъ банкѣ—въ уплату по ссудамъ и по учету векселей. Билеты эти, выпускавшіеся серіями и выдававшіеся банкомъ за наличныя деньги или кредитные билеты, были трехсотрублеваго достоинства и приносили 4% въ годъ, которые засчитывались по днямъ за каждый мѣсяцъ, при чемъ платежъ процентовъ и погашеніе билетовъ по тиражу производились въ металлической валютѣ, но до срока оплаты купоны засчитывались по цѣнѣ кредитнаго рубля. Однимъ словомъ, это были тѣ же кредитные билеты, приносившіе, однако, проценты и размѣнные на золото въ срокъ. Первое время металлическіе билеты доставляли банку наличныя деньги. Многіе охотно покупали ихъ, такъ какъ въ ту пору, когда размѣнъ былъ уже совершенно пріостановленъ, 4% билеты представляли собою извѣстное удобство для лицъ, кото-

рыя могли продержать ихъ до погашенія или до полученія процентовъ въ опредѣленный срокъ. Билеты эти являлись бумажными знаками, способными ходить за границею. Иностранные капиталисты охотно брали ихъ, выжидая наступленія какъ срокомъ оплаты купоновъ, такъ и погашенія билетовъ для полученія процентовъ и капитала золотомъ. Къ тому же погашеніе 4% билетовъ совершалось въ 41 годъ, т.-е. въ довольно краткій для займовъ срокъ, при чемъ, по мѣрѣ паденія курса, билеты приносили не 4%, а гораздо болѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, 4% билеты имѣли и свои недостатки; такъ, въ частности, при возникновеніи на рынкѣ требованій на наличныя деньги металлическіе билеты могли снова поступить въ кассы банка и, слѣдовательно, лишить банкъ необходимыхъ для исполненія его обязательствъ кредитныхъ билетовъ. Металлическихъ билетовъ было выпущено сначала на 48 милл. руб.

Устанавливая 4%-ные банковые металлическіе билеты, баронъ Штиглицъ разсчитывалъ постепенно замѣнить ими всѣ находящіеся въ обращеніи кредитные билеты, при чемъ мысль эта совпадала съ тѣмъ планомъ, который имѣла въ виду банковская комиссія 1859 года. Предположеніе Штиглица, однако, не осуществилось. Государство въ каждомъ новомъ финансовомъ средствѣ видѣло свой рессурсъ. Оно вносило эти 4% билеты въ уплату своего долга, тогда какъ это не входило конечно ни въ цѣли комиссіи, ни въ разсчеты покойнаго управляющаго государственнымъ банкомъ. Нельзя при этомъ не отмѣтить того различнаго отношенія, которое проявлялъ баронъ Штиглицъ къ кредитнымъ билетамъ и къ 4%-нымъ металлическимъ билетамъ. Вскорѣ послѣ образованія государственнаго банка произошла перемѣна формы кредитныхъ билетовъ. Штиглицъ ни за что не хотѣлъ дать своей подписи на новыхъ кредитныхъ билетахъ и, такимъ образомъ, всѣ они вышли за моею подписью. Я объясняю это деликатностью банкира, который считалъ, что тамъ, гдѣ онъ далъ свою подпись, содержаніе, предшествующее подписи, должно соотвѣтствовать истинѣ, а потому подписать на неразмѣнныхъ кредитныхъ билетахъ обязательство уплатить ихъ звонкою монетою или золотомъ, было для него неудобнымъ. Напротивъ того, давать свою подпись на 4%-ныхъ банковыхъ билетахъ баронъ Штиглицъ не затруднялся.

Съ открытіемъ государственнаго банка всякіе исключительные размѣны кредитныхъ билетовъ на золото или вообще на звонкую монету были прекращены: ни казенныя мѣста, ни частныя лица не имѣли права получать золота, даже въ видѣ

исключенія, которымъ пользовались въ предыдущее время по особому разрѣшенію министра финансовъ. Понятно, что совершенная пріостановка размѣна произвела свое вліяніе на денежное обращеніе: съ одной стороны, курсъ кредитныхъ билетовъ падалъ, а съ другой, вся звонкая монета, находившаяся еще въ публикѣ, постепенно и довольно быстро утекала за границу. Въ денежномъ обращеніи въ Россіи не только не осталось крупныхъ монетъ—золотыхъ и серебряныхъ, но началось движеніе за границу даже мелкой звонкой монеты. Обнаружившійся недостатокъ въ мелкой монетѣ побудилъ прибѣгнуть къ измѣненію ея пробы. Въ 1860 году правительство перешло къ чеканкѣ мелкой монеты, начиная съ двугривенныхъ, 72 пробы, вмѣсто принятой прежде $83^1/_3$ пробы, думая этимъ остановить вывозъ звонкой монеты за границу. Между тѣмъ, дальнѣйшее паденіе курса кредитнаго рубля показало вскорѣ недостаточность этой мѣры. На первыхъ же порахъ существованія государственнаго банка, при продолжавшемся паденіи курса рубля, оказалось, что и новая звонкая монета почти цѣликомъ перешла за границу, вслѣдствіе чего уже въ 1861 году у насъ сталъ ощущаться крайній недостатокъ размѣнныхъ денежныхъ знаковъ. Но какъ разъ въ это время случилось одно обстоятельство, которое помогло намъ выйти изъ затруднительнаго положенія, осложнявшагося, между прочимъ, невозможностью для нашего монетнаго двора быстро отчеканить большое количество мелкой звонкой монеты. Французскій банкъ обратился къ намъ съ просьбою предоставить ему на короткій срокъ около 8 милл. руб. золотомъ. Государственный банкъ, при отсутствіи у насъ тогда размѣна кредитныхъ билетовъ на золото, нашелъ тѣмъ не менѣе удобнымъ и выгоднымъ согласиться на предложенную операцію и по желанію правительства передалъ французскому банку до 30 милл. франковъ все больше на короткій срокъ. При этомъ государственный банкъ могъ получить эти деньги обратно изъ-за границы либо золотомъ-либо серебромъ; золото тогда не играло еще такой роли, какъ нынѣ. Въ виду недостатка звонкой монеты, государственный банкъ рѣшилъ потребовать возврата долга серебромъ и перечеканить его во Франціи же въ русскую монету. О производствѣ этой работы сдѣланы были переговоры съ Парижскимъ и Страссбургскимъ монетными дворами, посланы были туда наши матрицы и подъ присмотромъ французскихъ монетныхъ дворовъ, французскаго контроля и представителей нашего монетнаго двора вся эта сумма—около 30 милл. франковъ, т.-е. до 9 милл. руб. сер.

была перечеканена и доставлена къ намъ. Такимъ способомъ былъ прекращенъ острый недостатокъ въ звонкой монетѣ, при чемъ самая чеканка ея во Франціи обошлась дешевле, чѣмъ стоила бы на нашемъ монетномъ дворѣ. Операція эта была затѣяна въ маѣ 1861 года и окончена къ октябрю того же года и представила собою единственный случай чеканки нашей монеты за границею; потомъ нашъ монетный дворъ сталъ продолжать чеканку у себя.

Объясненная мѣра удовлетворила рынокъ звонкою монетою только на первое время, такъ какъ, въ связи съ наденіемъ курса кредитнаго рубля, отливъ размѣнной монеты за границу не прекращался. Поэтому передъ банкомъ вскорѣ возникъ вопросъ о дальнѣйшемъ пониженіи пробы размѣнной монеты. Для обсужденія этого вопроса образована была комиссія, въ составъ которой вошли: я, Н. Х. Бунге, представители монетнаго двора и горнаго вѣдомства. Бунге высказался въ этой комиссіи противъ дальнѣйшаго пониженія цѣнности размѣнной монеты въ виду невозможности заранѣе предвидѣть предѣла паденія курса кредитнаго рубля и указалъ на предпочтительность выпуска мелкихъ бумажныхъ денежныхъ знаковъ на подобіе Австріи или Италіи. Но проектъ Буиге, къ счастью, не былъ утвержденъ министромъ финансовъ, который остановился на моей мысли о пониженіи достоинства мелкой серебряной монеты до 48 пробы. Предположеніе это было приведено въ исполненіе, начиная съ 1867 года.

По вступленіи Россіи на путь бумажнаго (неразмѣннаго) денежнаго обращенія, рядомъ съ паденіемъ стоимости кредитнаго рубля, возникла опять старая система поддержанія курса его разными операціями на биржѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что даже во время существовавшаго въ царствованіе Императора Николая I размѣна кредитныхъ билетовъ, кредитный рубль по своей цѣнности не былъ равенъ металлическому рублю. Колебанія въ курсѣ постоянно продолжались, хотя и происходили въ тѣсныхъ предѣлахъ, опредѣлявшихся расходами на пересылку. Такъ, если мы посмотримъ на котировку того времени, то увидимъ, что кредитный рубль не всегда равнялся 100 коп. металломъ, а иногда понижался до 98 коп. металломъ. Поддержаніе курса кредитнаго рубля составляло всегда одну изъ главныхъ заботъ правительства. Особенно обращалъ на это вниманіе покойный Императоръ Николай I, каждую пятницу спрашивавшій министра финансовъ о состояніи курса, при чемъ малѣйшее пониженіе его вызывало безпокойство. И министрамъ фи-

нансовъ приходилось постоянно чрезъ банкировъ и гофъ-маклеровъ играть на биржѣ, поддерживая курсъ разными операціями.

Когда былъ образованъ государственный банкъ, въ уставъ котораго трассировка иностранныхъ векселей не входила, эта операція была поручена, независимо отъ прочихъ операцій банка, лично его управляющему барону Штиглицу, какъ бывшему банкиру. Для исполненія указанной операціи въ число директоровъ банка баронъ Штиглицъ пригласилъ служившаго у него купца Эстерейха, на котораго возложена была вексельная операція съ предоставленіемъ приватнаго занятія иностранною курсовою операціею, подъ руководствомъ самого Штиглица. Операція эта, сосредоточившаяся въ особомъ отдѣленіи съ бланкомъ „Foreign office“, была ведена отдѣльно отъ всѣхъ счетовъ государственнаго банка и находила себѣ отраженіе только въ балансѣ банка. Государственный банкъ не принималъ непосредственнаго участія въ трассированіи иностранныхъ векселей; это была частная операція барона Штиглица и Эстерейха, банкъ только уплачивалъ деньги по ихъ ордерамъ.

Между тѣмъ, подъ вліяніемъ выпуска акцій и облигацій главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, возбужденнаго состоянія промышленности и усилившихся заказовъ за границею по морскому и военному вѣдомствамъ, наши платежи за границу значительно увеличились. Обстоятельство это, въ связи съ прекращеніемъ размѣна и постепеннымъ паденіемъ курса кредитнаго рубля, ставило иногда правительство въ крайне тяжелое положеніе. Отпускъ золота изъ Россіи былъ пріостановленъ, никакихъ мѣръ къ возстановленію цѣнности рубля не было предпринимаемо. Необходимость же перевода значительныхъ суммъ за границу въ соотвѣтствіи съ возростаніемъ иностранныхъ платежей государственнаго казначейства, налагала на государственный банкъ затрату значительныхъ суммъ на иностранныя банковскія операціи. При такихъ условіяхъ вновь придуманные барономъ Штиглицемъ 4%-ные металлическіе билеты имѣли главное значеніе для банковской иностранной операціи и явились способомъ къ открытію русскому правительству значительныхъ кредитовъ подъ обезпеченіе этихъ бумагъ. Такимъ образомъ, въ періодъ паденія курса министерство финансовъ постоянно производило операціи, которыми думало поддержать курсъ. Сущность этихъ операцій состояла въ томъ, что предъ наступленіемъ срочныхъ иностранныхъ платежей правительства по его обязательствамъ, государственный банкъ поднималъ искусственно курсъ, выдавая отъ себя

тратты на заграничныхъ банкировъ, дабы затѣмъ пріобрѣсти деньги для заграничныхъ выплатъ по болѣе дешевой цѣнѣ. Ошибка этой операціи, которая была впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, брошена, состояла въ томъ, что правительство продавало иностранныя деньги по разсчету на болѣе высокій, чѣмъ въ дѣйствительности, курсъ кредитнаго рубля и тѣмъ самымъ заставляло частныхъ лицъ продавать по той же цѣнѣ причитающіеся имъ за границею платежи. Такими мѣрами правительство налагало на себя какъ бы обязательство всегда защищать курсъ отъ паденія и останавливать переходъ денегъ за границу.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

XII [1]).

Предположенія объ упроченіи нашей денежной системы.—Записка по этому вопросу Е. И. Ламанскаго.—Составленный министерствомъ финансовъ планъ размѣна кредитныхъ билетовъ — Открытіе размѣна въ маѣ 1862 года, результаты этой операціи и ея прекращеніе въ ноябрѣ 1863 г.— Свиданіе Е. И. Ламанскаго съ М. Х. Рейтерномъ. — Причины неудачи размѣна 1862/3 гг.—Возобновленіе операцій по поддержанію курса кредитнаго рубля.

Разстройство нашего денежнаго обращенія и проистекавшія отсюда тяжелыя послѣдствія для интересовъ какъ государства, такъ и частныхъ лицъ, не могли, конечно, не останавливать на себѣ самаго серьезнаго вниманія Государственнаго Банка, къ главнымъ задачамъ котораго отнесено было, между прочимъ, упроченіе денежной кредитной системы. Вмѣстѣ съ тѣмъ на правительствѣ и, въ частности, на министрѣ финансовъ лежала обязанность исполнить выраженную еще Императоромъ Николаемъ I въ указѣ 1855 года Высочайшую волю объ изъятіи изъ обращенія временно выпущенныхъ въ періодъ войны кредитныхъ билетовъ.

Еще съ конца 1861 года въ образовавшемся незадолго передъ тѣмъ въ Петербургѣ частномъ кружкѣ нѣкоторыхъ экономистовъ, къ числу которыхъ принадлежали: Рейтернъ, Бутовскій, Вернадскій, Тернеръ, я и другіе, былъ обсуждаемъ вопросъ объ упроченіи нашей денежной системы и о возстановленіи цѣнности кредитнаго рубля. Въ ту пору, когда со времени прекращенія размѣна кредитныхъ билетовъ прошло всего

[1]) См. „Русская Старина“, май 1915 г.

нѣсколько лѣтъ, когда кредитный рубль понизился всего лишь на 1/8 часть своей нарицательной стоимости и не успѣлъ еще сдѣлаться основнымъ измѣрителемъ цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ, доведеніе курса бумажнаго рубля до pari представлялось вообще разрѣшимою задачею. По этому предмету мною была составлена для упомянутаго общества экономистовъ особая записка, въ которой, на-ряду съ разъясненіемъ причинъ разстройства денежной кредитной системы, предлагались радикальныя средства къ ея возстановленію и указывалась возможность приступить къ размѣну при нѣкоторыхъ обезпеченіяхъ со стороны казны за прежніе кредитные билеты и при непремѣнномъ условіи, чтобы всѣ кредитные билеты были замѣнены размѣнными банковыми билетами.

Для достиженія поставленныхъ цѣлей въ запискѣ намѣчалось, прежде всего, изданіе манифеста о прекращеніи навсегда со стороны правительства выпуска кредитныхъ билетовъ и всякихъ другихъ денежныхъ знаковъ со свойствомъ обязательнаго пріема въ платежи какъ безпроцентныхъ, такъ и процентныхъ. Затѣмъ существовавшіе кредитные билеты, по мысли записки, должны были быть обмѣнены на монету по предъявленіи, съ предоставленіемъ выпуска этихъ билетовъ одному Государственному банку. При этомъ банкъ могъ выпустить свои билеты на всю сумму бумажныхъ денежныхъ знаковъ, какая будетъ извлечена имъ изъ обращенія и, безъ ограниченія суммы, за вносимые въ банкъ слитки золота, серебра и монеты, какъ русской, такъ и иностранной. Для обезпеченія Государственному банку средствъ къ размѣну билетовъ, выпускаемыхъ взамѣнъ нынѣшнихъ кредитныхъ билетовъ до 700 милл. руб., въ его распоряженіе намѣчалось предоставить весь размѣнный фондъ, состоящій въ металлахъ и въ обязательствахъ, погашаемыхъ въ назначенные сроки металломъ, всего на 100 милл. рублей. Остальные 600 милл. руб. кредитныхъ билетовъ предполагалось обезпечить банку слѣдующимъ образомъ: 1) 200 милл. руб. — 5%-ными обязательствами государственной комиссіи погашенія долговъ, записываемыми въ государственную долговую книгу на имя Государственнаго банка и поступающими въ его распоряженіе, 2) 200 милл. руб.—занесеніемъ соотвѣтствующей суммы долгомъ въ государственную долговую книгу въ видѣ займа изъ 1%, обращаемаго на постепенное погашеніе билетовъ въ теченіе 100 лѣтъ (по 2 милл. руб. въ годъ) и, наконецъ, 3) остальные 200 милл. руб.—государственными имуществами: лѣ-

сами, оброчными статьями, горными заводами, фабриками и желѣзною дорогою съ предоставленіемъ банку отчужденія самихъ имуществъ, по соглашенію правленія банка съ министромъ финансовъ, которому разрѣшается выкупить эти имущества по цѣнѣ, въ которой они были отданы въ обезпеченіе. По представленіи указанныхъ обезпеченій, Государственному банку вмѣнялось въ обязанность приступить немедленно къ открытію размѣна своихъ билетовъ съ тѣмъ, чтобы, принявъ за исходную точку нынѣ существующій курсъ на золото, банкъ размѣнивалъ свои билеты по постепенно повышающемуся и заранѣе опредѣляемому курсу, дойдя такимъ образомъ до размѣна рубль за рубль. Съ возложеніемъ на государственный банкъ этихъ обязанностей, его предполагалось выдѣлить изъ состава министерства финансовъ и передать въ исключительное и непосредственное вѣдѣніе одного совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій. Начиная же съ 1865 года, а если возможно то и ранѣе, имѣлось въ виду увеличить основной капиталъ банка на 20 милл. рубл., посредствомъ выпуска акцій и такимъ путемъ преобразовать Государственный банкъ въ банкъ общественный, являющійся свободнымъ, подчиненнымъ одному своему уставу и общимъ законамъ, учрежденіемъ, во главѣ котораго стоятъ управляющій, таварищъ и 6 директоровъ изъ акціонеровъ, по назначенію правительства, и такое же число директоровъ по выбору акціонеровъ; прибыли банка должны были раздѣляться между правительствомъ и акціонерами пополамъ.

Записка моя обсуждалась на одномъ изъ собраній нашего маленькаго кружка экономистовъ, которое было назначено у меня. Я помню, что въ тотъ день, когда состоялось чтеніе этой записки, Рейтернъ уже не пришелъ ко мнѣ, такъ какъ около этого времени онъ вступалъ въ управленіе министерствомъ финансовъ.

Изложенныя въ моей запискѣ мысли встрѣтили живое сочувствіе въ средѣ членовъ нашего кружка, а принадлежность къ нему новаго главы министерства финансовъ Рейтерна, одного изъ участниковъ комиссіи 1859 года, выработавшей основныя начала преобразованія нашей банковой системы, вселяли надежду, что предположенія записки найдутъ себѣ и практическое примѣненіе. Надеждѣ этой не суждено, однако, было вполнѣ осуществиться. При всемъ своемъ стремленіи къ упорядоченію денежнаго обращенія, финансовое управленіе все же не рѣшилось пойти на предложенныя въ запискѣ радикальныя мѣры и

ограничилось попыткою возстановить курсъ кредитнаго рубля путемъ одного лишь открытія размѣна безъ проведенія остальныхъ предусмотрѣнныхъ моею запискою коренныхъ мѣропріятій въ области денежнаго обращенія. Для усиленія размѣннаго фонда, министръ финансовъ рѣшился на заключеніе новаго заграничнаго займа, сумма котораго должна была быть привезена въ Россію въ металлѣ. Заемъ этотъ въ размѣрѣ 15 милл. фунт. ст. или около 100 милл. руб., былъ совершенъ, при посредствѣ дома братьевъ Ротшильдъ, въ апрѣлѣ 1862 года спеціально съ цѣлью упроченія денежной системы и не предназначался ни на государственные расходы, ни на покрытіе бюджетныхъ дефицитовъ. Заручившись этимъ займомъ, министръ финансовъ полагалъ возможнымъ приступить къ дѣйствительному размѣну кредитныхъ билетовъ на звонкую монету. Всѣ кредитные билеты, которые будутъ обмѣнены на золото, рѣшено было предавать уничтоженію, дабы, путемъ сокращенія количества кредитныхъ билетовъ въ обращеніи, привести ихъ достоинство въ соразмѣрность съ звонкою монетою. При этомъ, во избѣжаніе чрезмѣрнаго наплыва въ кассы банка предъявляемыхъ къ размѣну кредитныхъ билетовъ, признано было необходимымъ, согласно указанной въ моей запискѣ системѣ, производить размѣнъ по постепенно повышаемому и заранѣе объявляемому во всеобщее свѣдѣніе курсу. Система эта воспроизводила собою тотъ способъ, при помощи котораго англійскій банкъ въ началѣ текущаго столѣтія вывелъ свои билеты изъ неразмѣннаго состоянія. Открывая размѣнъ, министръ финансовъ не утѣшалъ себя напрасною надеждою, что будетъ достаточно одного заграничнаго займа для изъятія всѣхъ выпущенныхъ во время войны кредитныхъ билетовъ и для доведенія цѣны остающихся билетовъ до нарицательной ихъ стоимости, т.-е. до pari. Въ виды его входило, послѣ совершенія перваго займа, найти на иностранныхъ рынкахъ вновь такую же сумму для продолженія предпринятой операціи. Но въ дѣйствительности дѣло получило другой оборотъ.

Производство размѣна начато было 1 мая 1862 года по курсу 5 руб. 70 коп. кред. за полуимперіалъ; съ 1 августа курсъ этотъ повышался до 5 р. 60 к. кред. и къ 1 января 1863 года долженъ былъ дойти до 5 руб. 46 коп. за полуимперіалъ, путемъ послѣдовательнаго повышенія на нѣсколько копѣекъ въ мѣсяцъ. По той же цѣнѣ, по которой банкъ выдавалъ золото и серебро въ обмѣнъ на кредитные билеты, публикѣ предоставля-

лось право требовать кредитные билеты въ обмѣнъ на приносимое въ банкъ золото и серебро. Но, разумѣется, до тѣхъ поръ, пока кредитные билеты, не пользовались номинальнымъ курсомъ, вторая операція была платонической. Въ первое время требованіе золота по курсу совершалось въ весьма умѣренныхъ размѣрахъ, но въ 1863 году исполненіе размѣна приняло другой видъ. Вмѣсто того, чтобы требовать доставленія всей выручки отъ заключеннаго за границею займа непремѣнно въ звонкой монетѣ, управляющій Государственнымъ банкомъ баронъ Штиглицъ, которому, какъ бывшему банкиру, поручено было непосредственное руководство размѣнною операціею, началъ продавать на Петербургской биржѣ тратты за границу. Послѣднее обстоятельство не могло бы имѣть, впрочемъ, дурныхъ послѣдствій, если бы всѣ кредитные билеты, на которые выдавались тратты, были бы дѣйствительно уничтожаемы на точномъ основаніи закона, установившаго, что изъ размѣннаго фонда никакая звонкая монета не можетъ уходить иначе, какъ за соотвѣтствующее количество билетовъ, подлежащихъ уничтоженію. Это требованіе не было, однако, вполнѣ соблюдено. Въ 1863 году вспыхнуло, къ несчастью, польское возстаніе. Часть полученныхъ путемъ займа средствъ оказалась израсходованною правительствомъ не для размѣна, а для своихъ надобностей безъ возврата банку соотвѣтствующаго количества кредитныхъ билетовъ. Въ конечномъ результатѣ, изъ общей суммы заключеннаго въ апрѣлѣ 1862 года займа Государственный банкъ получилъ въ свое распоряженіе около 40 милл. руб., а вся остальная выручка этого займа израсходована была на покрытіе бюджетныхъ дефицитовъ, вызванныхъ, главнымъ образомъ, издержками по усмиренію польскаго мятежа. Съ другой стороны, пополненіе размѣннаго фонда посредствомъ новыхъ займовъ сдѣлалось невозможнымъ, такъ какъ волненія въ Польшѣ и въ Западномъ краѣ закрывали доступъ къ новымъ кредитнымъ операціямъ на заграничныхъ денежныхъ рынкахъ. Однако, въ первое время по наступленіи указанныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, размѣнъ все же продолжался по обѣщанному впередъ курсу, хотя и нельзя было не предвидѣть тогда, что операція эта не будетъ доведена до конца. Стремясь въ точности выполнить свою программу размѣна, банкъ рѣшилъ ускорить срокъ возстановленія цѣнности кредитнаго рубля и въ томъ же 1863 году объявилъ срокъ, когда онъ будетъ размѣнивать кредитные билеты на золото и серебро

по номинальной цѣнѣ. Цѣль банка заключалась въ буквальномъ исполненіи даннаго имъ обѣщанія, но уже въ половинѣ года былъ рѣшенъ вопросъ о прекращеніи операціи размѣна. Съ своей стороны, спекуляція, ясно сознававшая, что политическія условія не позволятъ банку приступить къ новому займу и продолжать размѣнъ, стала предъявлять значительныя требованія на металлъ. Покойный управляющій банкомъ баронъ Штиглицъ предлагалъ разныя средства для замедленія отлива изъ банка звонкой монеты: выдавали вмѣсто полуимперіаловъ серебряные рубли, выдавали монеты стараго чекана, которыя были нѣсколько ниже номинальной стоимости, но тѣмъ не менѣе требованія на золото росли съ каждою минутою.

Наконецъ, въ ноябрѣ 1863 года, министръ финансовъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ мнѣ, что представляется необходимымъ объявить о невозможности продолженія размѣна. Къ этому министръ добавилъ, что онъ ожидаетъ къ себѣ Чевкина, который былъ тогда предсѣдателемъ департамента экономіи Государственнаго Совѣта и игралъ большую роль въ финансовомъ управленіи. Дѣйствительно, во время нашего разговора прибылъ Чевкинъ; я вышелъ изъ кабинета, чтобы оставить министра обсудить этотъ вопросъ вдвоемъ съ Чевкинымъ. Чрезъ нѣкоторое время министръ позвалъ меня въ кабинетъ и передалъ мнѣ приказаніе напечатать на слѣдующій же день въ газетахъ, что Государственный банкъ, въ виду невозможности продолжать размѣнъ, прекращаетъ его впредь до новаго распоряженія. Но я тотчасъ же возразилъ, что никогда этого не сдѣлаю и что если министру финансовъ угодно пріостановить размѣнъ, то я могу объявить, что *по приказанію министра финансовъ* Государственный банкъ прекращаетъ размѣнъ. Такъ и было исполнено. Разумѣется, послѣдствіемъ прекращенія размѣна явилось сильное паденіе курса кредитнаго рубля, понизившагося къ концу 1863 года съ 398½ фр. до 356½ фр. и съ 38 пенсовъ до 34 пенсовъ. Въ конечномъ своемъ результатѣ операція размѣна свелась къ тому, что Государственный банкъ, получивъ на подкрѣпленіе размѣннаго фонда около 40 милл. руб. за счетъ выручки отъ заграничнаго займа, потерялъ изъ своей размѣнной кассы до 80 милл. руб., и на такую же, примѣрно, сумму сократилъ количество находившихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ.

Операція размѣна окончилась вообще неудачно, потому что она не достигла имѣвшейся въ виду конечной цѣли: придти къ

общему денежному размѣну, предусмотрѣнному манифестомъ 1843 года, согласно которому всѣ находящіеся въ обращеніи кредитные билеты должны были быть размѣнены на звонкую монету, по предъявленіи. Но при всемъ томъ, открывъ размѣнъ, правительство исполнило часть принятаго на себя обязательства—изъять изъ обращенія кредитные билеты, выпущенные во время войны. Затѣмъ и самый размѣнъ, несмотря на его неудачу, не далъ убытка для страны, такъ какъ золото размѣннаго фонда служило именно для того, чтобы размѣнивать на него кредитные билеты, которыхъ и было извлечено изъ обращенія на сумму около 80 милл. руб.

По моему мнѣнію, правительство должно было продолжать размѣнъ до конца. Возраженія, которыя дѣлались въ пользу прекращенія размѣна и которыя заключались въ томъ, что измѣнились политическія обстоятельства, что, при тогдашнемъ настроеніи европейскихъ рынковъ, мы не могли разсчитывать на возможность заключенія новыхъ займовъ, я считаю неосновательными. Значительная часть вырученныхъ отъ этихъ займовъ суммъ уходила бы за границу, а слѣдовательно, иностранные банкиры могли бы дать намъ необходимыя деньги на самыхъ легкихъ условіяхъ.

Я не буду подробно разбирать тѣхъ неправильныхъ пріемовъ, которые допускались во время размѣна и не давали надежды на то, что банкъ будетъ продолжать предпринятую операцію. Но долженъ сказать, что правительство слишкомъ рано обнаружило свою несостоятельность и тѣмъ самымъ дало возможность широко развиться спекуляціи. Когда размѣнный фондъ уменьшился до 67 милл. руб., значитъ потерялъ около 23 милл. руб., не считая той суммы изъ займа, которая была передана банку, всѣ были уже убѣждены, что операція эта не будетъ доведена до конца. Неудача размѣнной операціи подтвердила еще разъ справедливость того мнѣнія, что центральный эмиссіонный банкъ долженъ быть частнымъ учрежденіемъ отдѣльнымъ отъ государственнаго казначейства. Въ этомъ случаѣ правительство, конечно, не могло бы запретить ему заключать новые займы, необходимые для потребностей размѣна. Прекративъ размѣнъ, правительство, по принятой привычкѣ и укоренившемуся предразсудку, продолжало нести крупныя жертвы на поддержку денежнаго курса. Понятно, въ эту пору приняла особенно значительные размѣры дѣятельность иностраннаго отдѣленія Государственнаго банка, который черезъ посредство

барона Штиглица затрачивалъ большія суммы на выдачу траттъ для поддержанія курса, и, наконецъ, наступило время, когда иностранные банкиры, такъ сказать, положили банку предѣлъ въ тѣхъ кредитахъ, которые были ему открываемы. Тогда баронъ Штиглицъ воспользовался правомъ выпуска 4%-хъ билетовъ, и было сдѣлано нѣсколько негласныхъ выпусковъ серій этихъ билетовъ, отправленныхъ прямо за границу въ качествѣ залога открываемыхъ намъ кредитовъ. Я былъ противъ такой поддержки денежнаго курса, хорошо сознавая, что всѣ эти поддержки вели къ положительнымъ потерямъ и правительство, имѣвшее своими органами чиновниковъ, всегда встрѣчало болѣе сильныхъ, болѣе опытныхъ банкировъ, которые смѣло могли идти противъ правительственныхъ мѣръ и находили въ нихъ только новыя средства для наживы. Никогда вмѣшательство правительства въ поддержаніе курса не приводило къ хорошимъ результатамъ. И, дѣйствительно, продолжавшаяся у насъ операція искусетвеннаго поддержанія курса окончилась въ 1867 году значительнымъ убыткомъ для государственнаго казначейства. Когда былъ сведенъ общій счетъ этой операціи, то оказалось, что потери правительства на поддержаніе курса равнялись чуть-ли не 7 милл. руб. Столь очевидное доказательство ложности этой системы не могло не привести управляющаго банкомъ къ сознанію, что онъ ошибся въ своихъ дѣйствіяхъ, и баронъ Штиглицъ счелъ своимъ долгомъ удалиться изъ банка.

Съ оставленіемъ барономъ Штиглицемъ должности управляющаго банкомъ операція поддержанія курса была совершенно закрыта для банка; правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ министръ финансовъ все же поручалъ продажу траттъ Государственному банку, но это не входило въ систему поддержки курса. Покинувъ банкъ, баронъ Штиглицъ былъ назначенъ состоять при министерствѣ финансовъ и уже въ кредитной канцеляріи продолжалъ поддерживать курсъ, но, разумѣется, въ размѣрахъ менѣе значительныхъ. Вообще слабость считать, что должно непремѣнно поддерживать вексельный курсъ, не оставляла барона Штиглица до конца жизни—онъ и умеръ съ этимъ убѣжденіемъ. Да и ни одинъ изъ послѣдующихъ министровъ финансовъ не прекращалъ, въ сущности, этой операціи, производя ее лишь чрезъ посредство частныхъ банковъ: учетно-ссуднаго — при Бунге, международнаго теперь—при Вышнеградскомъ. Мы знаемъ, что всѣ министры финансовъ дѣлали операціи заграницей: продавали кредитные билеты, покупали ихъ.

XIII.

Движеніе курса кредитнаго рубля, начиная съ середины 60-хъ годовъ.—Начатая Государственнымъ банкомъ съ 1867 года операція по продажѣ кредитныхъ билетовъ и по покупкѣ золота.—Постепенное въ связи съ этою операціею возрастаніе размѣннаго фонда.—Чрезвычайные выпуски кредитныхъ билетовъ на военныя надобности во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ.—Указъ 1-го января 1881 года о погашеніи выпущенныхъ во время войны кредитныхъ билетовъ и его исполненіе.

Наступившее послѣ неудачной операціи размѣна угнетенное состояніе курса нашего кредитнаго рубля продолжалось до 1865 года, когда курсъ началъ подниматься и въ 1865 году достигъ до 92 коп. зол. за кредитный рубль. Въ 1866 году опять обнаружились признаки паденія вексельнаго курса, вслѣдствіе политическихъ событій въ Европѣ. Происходившая тогда между Пруссіею и Австріею война лѣтомъ этого года сразу уронила нашъ курсъ, который, такимъ образомъ, колебался по причинамъ, даже независящимъ отъ Россіи, и только потому, что денежное обращеніе наше не находилось въ нормальномъ положеніи. Еще въ мартѣ курсъ на Парижъ былъ 320 сант., а въ маѣ онъ уже понизился до 275 сант. за кредитный рубль; курсъ на Лондонъ за то же время упалъ съ 30 па 26½ пенсовъ. Въ этомъ паденіи безспорно ни Государственный банкъ, ни система, которой онъ слѣдовалъ въ денежномъ обращеніи, нисколько не были виноваты: при наличности неразмѣнныхъ денежныхъ знаковъ курсъ нашъ отражалъ на себѣ всякія политическія замѣшательства, хотя бы они происходили за предѣлами Россіи. Но затѣмъ, въ томъ же 1866 году, вскорѣ послѣ прекращенія войны, курсъ кредитнаго рубля, подъ вліяніемъ хорошаго урожая, усилившаго вывозъ нашего хлѣба за границу, сталъ поправляться и быстро началъ достигать такихъ размѣровъ, которые даже были не желательны въ интересахъ правильнаго теченія торговли. Съ другой стороны усиленная спекуляція на хлѣбъ, оживленіе торговыхъ оборотовъ, обширное желѣзнодорожное строительство—все это требовало большой массы денежныхъ знаковъ.

Наблюдая денежное обращеніе въ другихъ странахъ, нельзя было не видѣть, что размѣры его не остаются постоянными. Сообразно съ потребностями торговли, страна въ извѣстное время нуждается въ большей суммѣ денежныхъ знаковъ; напротивъ того, при уменьшеніи торговыхъ оборотовъ, денежное обращеніе ея сокращается. Между тѣмъ, въ Россіи денежное

обращеніе послѣ перехода своего къ неразмѣнному положенію составляло постоянную величину. Правда, оно могло расшириться вслѣдствіе выпуска ничѣмъ не обезпеченныхъ кредитныхъ билетовъ на нужды государственнаго казначейства, но оно не развилось въ зависимости отъ нуждъ торговли, по мѣрѣ увеличенія требованій на вексельный кредитъ и разныя другія торговыя операціи. Раздававшіяся въ средѣ правящихъ круговъ мнѣнія о томъ, что кредитныхъ билетовъ въ народномъ обращеніи слишкомъ много или, наоборотъ, что ихъ недостаточно, не имѣли прочныхъ основаній. Тѣмъ, которые говорили, что кредитныхъ билетовъ много, предстоялъ очень легкій отвѣтъ: сокращайте ихъ количество путемъ размѣна. Заявлявшимъ же о недостаткѣ кредитныхъ билетовъ можно было также возразить: отчего же существуетъ опасность размѣна; вѣдь, если кредитныхъ билетовъ мало, то они не будутъ представляться къ обмѣну? При такихъ условіяхъ и чтобы не препятствовать здоровому развитію нашего денежнаго обращенія, мнѣ казалось полезнымъ изыскать такой способъ, который давалъ бы возможность правильно судить о томъ, есть ли потребность въ увеличеніи количества кредитныхъ знаковъ въ народномъ обращеніи, или нѣтъ. Съ этою цѣлью, мною возбужденъ былъ вопросъ о разрѣшеніи Государственному банку производить новые выпуски кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на золото по опредѣленному курсу. Планъ мой былъ очень простъ и сводился къ слѣдующему разсужденію: пока существуетъ потребность въ кредитныхъ билетахъ, за нихъ будутъ приносить золото; какъ только эта потребность будетъ удовлетворена, предъявленіе золота въ банкъ прекратится и дальнѣйшій выпускъ кредитныхъ билетовъ самъ собою остановится. Съ крайнимъ недовѣріемъ къ этому предложенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не видя въ немъ ничего опаснаго, правительство, т.-е. министерство финансовъ предоставило банку въ 1866 году или въ началѣ 1867 года сдѣлать публикацію о томъ, что онъ покупаетъ полуимперіалы за 5 руб. 98 коп. кредитными. Цѣна эта соотвѣтствовала тому курсу, который существовалъ на биржѣ и составлялъ 330—340 сантимовъ за кредитный рубль. Говоря на финансовомъ языкѣ, принятая мѣра, между прочимъ, означала, что банкъ пріостановилъ дальнѣйшее повышеніе курса кредитныхъ знаковъ, потому что если бы курсъ послѣднихъ сталъ повышаться или, другими словами, цѣна полуимперіала начала падать ниже 5 руб. 98 коп., то вмѣсто продажи золота по пониженной цѣнѣ было бы выгодно принести его въ банкъ,

получивъ тамъ по 5 руб. 98 коп. за каждый полуимперіалъ. Что же касается пониженія курса вслѣдствіе новаго выпуска кредитныхъ билетовъ, то оно прекращалось само собою. Какъ только цѣна въ 5 рублей 98 копѣекъ за полуимперіалъ становилась невыгодною, никто не приносилъ бы болѣе золота въ обмѣнъ на билеты. Сначала мѣра эта была встрѣчена съ нѣкотораго рода недовѣріемъ, даже со стороны самого правительства, которое видѣло въ этомъ только опытъ. Количество поступавшаго въ первое время въ Государственный банкъ золота было сравнительно ничтожно, несмотря на то, что банкъ принималъ въ обмѣнъ на кредитные билеты не только русскія золотыя монеты, но и иностранныя одинаковаго съ русскими достоинства. Но, по мѣрѣ своего продолженія, предпринятая операція съ каждымъ мѣсяцемъ привлекала все большія и большія суммы золота въ кассу банка. Операція эта называлась покупкою золота, но правильнѣе было бы ее именовать продажею кредитныхъ билетовъ. На первыхъ порахъ, приносимое банку золото было обмѣниваемо на кредитные билеты, принадлежащіе оборотной кассѣ банка. Засимъ, по мѣрѣ накопленія золотой монеты въ банкѣ и истощенія кредитныхъ билетовъ въ его оборотной кассѣ, банкъ, пользуясь кореннымъ закономъ 1843 года о выпускѣ кредитныхъ билетовъ, передавалъ накопившееся золото въ размѣнный фондъ и выпускалъ взамѣнъ переданной монеты кредитные билеты рубль за рубль, разницу же въ цѣнѣ, которую платили за золото по сравненію съ номинальною цѣною полуимперіаловъ, перечисляемыхъ въ размѣнный фондъ, банкъ покрывалъ изъ своихъ прибылей. Успѣхъ этой операціи никѣмъ не ожидался за исключеніемъ меня—ея иниціатора, который твердо вѣрилъ въ задуманное и осуществлявшееся имъ мѣропріятіе. Благодаря значительному приливу золота въ размѣнный фондъ и при увѣренности правительства, что курсъ можетъ продолжать свое повышеніе, операція продажи кредитныхъ билетовъ укрѣпилась и продолжалась съ успѣхомъ до 1870 года. Разразившаяся въ этомъ году война между Франціей и Германіей не могла не подѣйствовать на пониженіе вексельнаго курса кредитнаго рубля и на естественное прекращеніе указанной операціи, такъ какъ золото перешло назначенную ему при обмѣнѣ на кредитные билеты цѣну. Но вскорѣ, послѣ окончанія войны, курсъ кредитнаго рубля началъ снова подниматься и съ іюня 1871 года, когда возобновились торговыя сношенія съ Франціей, стоялъ въ Петербургѣ: на Парижъ 339—340 сантимовъ и на Лондонъ $31^{7}/_{8}$—32 пенса. Затѣмъ, въ послѣду-

ющіе годы, курсъ продолжалъ дальнѣйшее повышеніе, въ виду чего министерство финансовъ признало правильнымъ понизить цѣну на пріобрѣтаемое золото по разсчету въ 5 р. 76 к. за полуимперіалъ. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что необычайный успѣхъ операціи покупки золота возбудилъ чрезмѣрныя надежды: многіе торопили банкъ въ повышеніи курса возможно ближе къ предѣлу паритета. Этимъ объясняется допущенное тогда, быть можетъ слишкомъ быстрое повышеніе курса, которое не вполнѣ оправдывалось, такъ сказать торговыми обстоятельствами. Тѣмъ не менѣе и при вновь назначенномъ курсѣ золото продолжало поступать въ кассы банка, хотя уже не въ прежнихъ размѣрахъ; курсъ же еще поднялся и держался довольно долго 348—349—345 сантимовъ за кредитный рубль. Размѣнный фондъ банка, составлявшій послѣ прекращенія размѣна въ 1863 году 67 милл. руб., возросъ въ серединѣ 70-хъ годовъ до 231 милл. руб., при чемъ пріобрѣтеніе такой массы золота не стоило правительству ни гроша—оно имѣло только прибыли. Такимъ образомъ, результаты этой операціи широко покрыли ранѣе понесенныя потери, если только называть потерями размѣнную операцію 1862 и 1863 годовъ.

Между тѣмъ, въ 1876 году начались политическія затрудненія въ восточномъ вопросѣ: Сербія была уже охвачена волненіемъ, Россія, не предпринимая еще никакихъ оффиціальныхъ шаговъ, поощряла, однако, броженіе умовъ, отправляла разныя экспедиціи добровольцевъ, собирала пожертвованія въ пользу Балканскихъ славянъ. Словомъ сказать, наступало то время, которое предсказывало непосредственное вмѣшательство нашего правительства въ восточный вопросъ, къ рѣшенію котораго и пришлось приступить въ 1877 году. Располагая огромнымъ золотымъ фондомъ, накопившимся отъ продажи кредитныхъ билетовъ, правительство не рѣшалось, однако, приступить къ правильному размѣну. Съ другой стороны, предвидя необходимость прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ на военные расходы и опасаясь сильнаго паденія курса, финансовое управленіе легко поддалось разнымъ совѣтамъ о желательности допустить продажу накопленнаго банкомъ золота для извлеченія кредитныхъ билетовъ предъ нависшими тучами военныхъ осложненій. Дѣйствительно, съ августа 1876 года въ курсахъ начинается перемѣна къ ухудшенію: съ 331 сантима курсъ доходитъ къ концу года до 300 и въ 1877 году продолжаетъ свое постепенное пониженіе. Въ это время Государственный банкъ, по требованію министра финансовъ, принужденъ

былъ какъ для поддержанія курса, такъ и для нѣкотораго сокращенія кредитныхъ билетовъ, продавать свое золото по торговой, т.-е. по курсовой цѣнѣ. Такимъ образомъ, съ 1876 года банкъ производилъ уже не пріобрѣтеніе, а продажу золота съ уничтоженіемъ поступавшихъ въ кассу банка за продаваемое золото кредитныхъ билетовъ. Конечно, подъ вліяніемъ военныхъ обстоятельствъ, золото было вывозимо за границу. Министерство финансовъ было озабочено дать понять своимъ кредиторамъ, что,не смотря на предстоящіе расходы, Россія не прекращаетъ оплачивать золотомъ свои международныя обязательства.

На этой операціи банкъ потерялъ значительную часть своего размѣннаго фонда и вмѣстѣ съ тѣмъ для удовлетворенія чрезвычайныхъ надобностей государственнаго казначейства во время войны долженъ былъ произвести значительные дополнительные выпуски кредитныхъ билетовъ. Однако, выпуски эти по своему характеру существенно отличались отъ выпусковъ прежнихъ ассигнацій. Вся сумма, которую государственное казначейство заимствовало у банка, ставилась на текущій счетъ казначейства и впредь до погашенія сдѣланныхъ позаимствованій лежала, такъ сказать, безсрочнымъ на немъ долгомъ. Общій итогъ подобныхъ выпусковъ во время войны и въ первые годы по ея окончаніи превосходилъ 500 милл. руб., но постепенными, по мѣрѣ накопленія государственныхъ доходовъ, погашеніями части долга, сумма такихъ позаимствованій, постоянно измѣняясь, къ концу 1880 года остановилась на неизмѣнной съ тѣхъ поръ цифрѣ въ 417 милл. руб. Но такъ какъ эта сумма, по принятому въ банкѣ порядку, записывалась долгомъ по текущему счету государственнаго казначейства, то послѣднее должно было постоянно находиться въ безвыходномъ положеніи; всѣ поступающіе на его текущій счетъ доходы поглощались долгомъ ого Государственному банку. Для устраненія возникшихъ отсюда затрудненій явилась крайняя необходимость привести означенный долгъ въ какое-нибудь опредѣленное положеніе. Съ этою цѣлью Указомъ 1 января 1881 года было постановлено, уплатить банку немедленно 17 милл. руб. и, затѣмъ, остальную сумму долга въ 400 милл. руб. погашать ежегодными въ теченіе восьми лѣтъ, начиная съ 1881 года, уплатами изъ казны банку въ размѣрѣ 50 милл. руб. въ годъ. Рядомъ съ этимъ, чтобы не ставить банкъ въ необходимость прибѣгать къ временнымъ выпускамъ новыхъ кредитныхъ билетовъ для торговыхъ надобностей, въ Указѣ 1881 года было оговорено, что, по мѣрѣ погашенія долга государственнаго казначейства, банкъ уничтожаетъ,

выпущенные во время войны, кредитные билеты по соображенію съ потребностью въ денежномъ обращеніи. Такимъ образомъ, получая отъ государственнаго казначейства предусмотрѣнныя указомъ ежегодныя уплаты, Государственный банкъ не обязанъ былъ погашать на равную сумму выпущенные во время войны кредитные билеты, а могъ оставлять ихъ, на всякій случай, для торговыхъ надобностей. Приведенная оговорка была включена въ указъ совершенно противъ моего убѣжденія: я находилъ, что важнѣйшимъ условіемъ для упорядоченія нашего денежнаго обращенія являлся отказъ правительства отъ дальнѣйшихъ позаимствованій для нуждъ государственнаго казначейства. Этого условія, по мнѣнію моему, было достаточно, чтобы банкъ не прибѣгалъ къ выпуску излишняго количества кредитныхъ билетовъ. Что же касается собственно торговыхъ надобностей, то долголѣтній опытъ дѣйствительно убѣждалъ, что денежное обращеніе въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ, не можетъ оставаться постоянно въ одной и той же цифрѣ и въ періоды торговаго оживленія Государственный банкъ по необходимости долженъ, во избѣжаніе пріостановки торговыхъ оборотовъ, снабжать рынки денежными знаками. Вотъ почему временный выпускъ кредитныхъ билетовъ въ концѣ 60-хъ и въ первой половинѣ 70-хъ годовъ для торговыхъ надобностей представлялся явленіемъ совершенно нормальнымъ. На основаніи указаній практики, я и полагалъ вполнѣ достаточнымъ предоставить банку производить, подъ залогъ золота или торговыхъ обязательствъ, временные выпуски кредитныхъ билетовъ, начиная съ сентября по февраль, если къ этому представлялась неотложная надобность. Введенная же въ Указъ оговорка о допустимости оставленія въ народномъ обращеніи временно выпущенныхъ, въ періодъ войны, кредитныхъ билетовъ, по моему мнѣнію, сразу подрывала предпринимаемую мѣру, такъ какъ она давала возможность не погашать вовсе выпущенные во время войны кредитные билеты.

Опасенія мои, къ сожалѣнію, оправдались на дѣлѣ. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, истекшихъ со дня изданія вышеупомянутаго Указа, государственное казначейство уплатило Государственному банку наличными деньгами 167 милл. руб. (17 милл. руб. + 50 милл. руб. × 3), но въ послѣдующіе годы погашеніе долга казначейства производилось процентными обязательствами, которыя банкъ не могъ реализовать. Засимъ, въ послѣднее время правительство перевело изъ оборотной кассы Государственнаго банка въ размѣнный фондъ до 40 милл. руб. золотомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтственную курсовой цѣнѣ

этого золота сумму кредитныхъ билетовъ (63,7 милл. руб.) перенесло со счета билетовъ временнаго выпуска на счетъ билетовъ постояннаго выпуска, хотя мѣра эта и шла въ разрѣзъ съ кореннымъ закономъ о выпускѣ кредитныхъ билетовъ, обезпечиваемыхъ размѣннымъ фондомъ. Какъ бы то ни было, вслѣдствіе пріостановки уплаты долга казначейства наличными деньгами, изъ общей суммы временнаго выпуска въ 400 милл. руб., банкъ, чрезъ восемь лѣтъ послѣ изданія Указа 1 января 1881 года, погасилъ всего лишь 134 милл. руб., а 266 милл. руб. остались непогашенными. Но оставленіе этой суммы въ кассахъ банка вовсе не оправдывалось какими-нибудь торговыми нуждами. Учетная операція не усилилась до такой степени, чтобы требовать увеличенія количества кредитныхъ знаковъ въ обращеніи на 266 милл. руб. Этой послѣдней суммѣ въ активѣ банковаго баланса соотвѣтствовала статья бумагъ, принадлежащихъ Государственному банку. Такимъ образомъ, преслѣдовавшаяся Указомъ 1881 года цѣль сокращенія денежнаго обращенія и, сообразно съ этимъ, поднятія курсовъ не была достигнута; напротивъ того, наши курсы не могли удержаться даже на этой ступени, на которой они находились во время осады Плевны. Очень низкихъ курсовъ во время войны мы не испытывали— они явились гораздо позднѣе. Несмотря на урожай въ 1888 году, курсъ нашъ въ этомъ году представлялъ minimum курсовъ, которые когда-либо существовали. Вообще можно сказать, что мѣропріятія по части нашего денежнаго обращенія въ теченіе послѣднихъ лѣтъ вертѣлись постоянно въ неправильномъ кругу и не достигали конечныхъ своихъ результатовъ.

XIV.

Неустройство денежнаго обращенія въ Россіи и причины этого явленія.— Неправильные взгляды въ обществѣ и въ средѣ правительства на значеніе денегъ.—Затруднительность размѣна въ Россіи по номинальной цѣнѣ въ виду массы кредитныхъ билетовъ и незначительности размѣннаго фонда.—Несправедливость этой мѣры въ отношеніи должниковъ послѣ 35-лѣтняго прекращенія размѣна.—Условія для возстановленія металлическаго денежнаго обращенія.—Необходимость одновременно съ размѣномъ дать банку иное устройство, независимое отъ финансоваго управленія.— Мысль Рикардо о передачѣ въ правительственное завѣдываніе Англійскаго банка и заключеніе по этому поводу парламентской комиссіи.— Однородныя предположенія въ Италіи и Германіи.—Взглядъ Екатерины II на подвѣдомственность банковъ.— Необходимость, ранѣе возстановленія денежнаго обращенія, преобразовать Государственный банкъ.—Общіе выводы о состояніи денежнаго обращенія въ Россіи.

Итакъ, ни попытка 1862 года, ни дальнѣйшія мѣры не вывели Россію до сего времени изъ колеблющагося денежнаго об-

ращенія. Всѣмъ извѣстно, что, при обязательномъ денежномъ курсѣ, представляется важнымъ не столько тотъ пунктъ, на которомъ стоитъ курсъ кредитнаго рубля, сколько постоянное, неизмѣняемое значеніе денежныхъ знаковъ. Этого-то постоянства въ нашей валютѣ мы до сихъ поръ не достигли. Какъ мы видимъ, курсъ нашъ колебался на 10 и болѣе процентовъ въ теченіе года и притомъ часто даже безъ всякихъ основаній. Въ 1888 году послѣ огромнаго вывоза хлѣба изъ Россіи курсъ нашъ на Берлинъ падалъ до 166 марокъ за 100 руб., теперь же (1890 г.) онъ опять стоитъ на 224 маркахъ. Разница въ цѣнѣ кредитнаго рубля въ теченіе одного года превышала даже 20%, и нельзя поручиться въ томъ, что, несмотря на самыя благопріятныя условія нашей торговли, при первомъ же замѣшательствѣ, даже не зависящемъ отъ Россіи, теперешній курсъ опять не повалится до прежнихъ низкихъ размѣровъ.

Такое печальное положеніе нашей денежной системы коренится въ недостаткѣ у насъ правильныхъ понятій о самыхъ основаніяхъ, на которыхъ должно покоиться денежное обращеніе. Въ Россіи ни взгляды правительства, ни общественное мнѣніе не пришли къ тому ясному и не подлежащему никакому сомнѣнію въ чужихъ странахъ сознанію, что государство не можетъ дѣлать денегъ, что деньгами могутъ служить только тѣ изъ товаровъ, которые имѣютъ вездѣ опредѣленную цѣну, неизмѣняемую отъ времени до времени. Такимъ товаромъ вездѣ признаются металлическія или, говоря въ тѣсномъ смыслѣ, золотыя монеты, всѣ же бумажные кредитные знаки, банковые билеты и т. п. суть только представители этого товара и имѣютъ цѣну постолько, посколько можно получить за нихъ всѣми признаваемый товаръ—золото. У насъ же, напротивъ того, существуетъ понятіе, широко распространенное какъ въ народѣ, такъ и въ правящихъ кругахъ, что бумажныя деньги зависятъ только отъ того значенія, которое придаетъ имъ правительство. Въ Россіи говорятъ: намъ не нужно размѣна, давайте намъ только деньги. Вся коммерческая часть общества, особенно русскаго центра, которымъ считается Москва, постоянно, даже во время самаго сильнаго паденія денежнаго курса, настаивала на увеличеніи количества денежныхъ знаковъ. „Почему правительство церемонится, мы всѣ рады принимать деньги, выпускаемыя нашимъ Царемъ“, говорили тамъ. Неудивительно при такихъ условіяхъ, что всѣ серьезныя мѣры къ возстановленію денежной единицы, къ упроченію монетной системы являлись крайне несимпатичными въ русскомъ народѣ. Въ извѣстныхъ слояхъ общества

сложилось даже убѣжденіе, что паденіе курса кредитнаго рубля приноситъ извѣстную выгоду. Такъ, при строго покровительственной системѣ нашего таможеннаго тарифа, по которому всѣ пошлины оплачиваются золотомъ, всякое пониженіе курса является усиленнымъ покровительствомъ, усиленнымъ поощреніемъ въ пользу фабрикантовъ. Равнымъ образомъ, всѣ землевладѣльцы и земледѣльцы, помѣщики и крестьяне, продавая свой хлѣбъ иностранцамъ, полагаютъ, что они получаютъ болѣе денегъ въ то время, когда курсъ нашъ ниже. По ариѳметическому разсчету оно выходитъ, какъ будто, дѣйствительно такъ: тамъ, гдѣ иностранцы платили 40 фр. за четверть пшеницы, они теперь платятъ тѣ же 40 фр., которые, однако, составляютъ уже не 10 р., а 15 р. Помѣщикъ поэтому считаетъ, что продалъ свой хлѣбъ не за 10 р., а за 15 р., не принимая въ разсчетъ, что эти 15 р. равняются тѣмъ же 40 фр., какъ и тѣ 10 р., которые онъ получалъ ранѣе, при высокомъ курсѣ. Словомъ, смѣшеніе въ этомъ отношеніи понятія дошло до того, что и сами лица, управляющія финансовыми дѣлами, опасаются повышенія денежнаго курса. Безспорно, быстрое измѣненіе денежнаго курса не желательно, но видѣть въ его повышеніи какую-то потерю для страны—это болѣе чѣмъ странно.

При такомъ—совершенно ложномъ—вглядѣ на денежное обращеніе и существо самихъ денегъ, понятно, что и самыя нормальныя мѣры, которыя были въ этой области намѣчаемы, не могли привести ни къ какому результату. Указъ 1881 года, какъ мы видѣли, остался на половину мертвою буквою, и до сихъ поръ у насъ находится въ обращеніи временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ на сумму въ 266 милл. руб. Объ уничтоженіи ихъ не заботятся въ силу того мнѣнія, что деньги эти нисколько не мѣшаютъ благоденствію Россіи. Напротивъ того, всѣ мѣры къ изъятію этихъ денегъ изъ обращенія,—мѣры, сопряженныя съ заключеніемъ займовъ, въ виду затруднительности разсчитывать, чтобы правительство накопило изъ своихъ доходовъ необходимый на погашеніе временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ излишекъ—кажутся напрасными. Нерѣдко приходится слышать: „къ чему погашать долгъ правительства Государственному банку; развѣ банкъ не то же правительство“. Даже профессора съ каѳедръ говорятъ у насъ: „какой смыслъ дѣлать займы для уплаты долга Государственному банку. Этотъ долгъ не требуетъ уплаты процентовъ, зачѣмъ же замѣнять его, путемъ займовъ, процентнымъ долгомъ“. Лица, такъ разсуждающія, очевидно забываютъ, что вслѣдствіе

разстроеннаго неумѣренными выпусками кредитныхъ билетовъ денежнаго обращенія, мы ежегодно видимъ въ нашемъ бюджетѣ такія расходныя статьи, которыя не имѣли бы мѣста при нормальныхъ условіяхъ, а именно на приплату курсовой разницы по заграничнымъ платежамъ. Эти расходы на лажъ превышаютъ ежегодно 40—50 милл. руб.

При указанномъ положеніи дѣлъ курсъ кредитнаго рубля, несмотря на самыя благопріятныя экономическія и торговыя условія, несмотря на возвышеніе нашего кредита за границей, вызваннаго, впрочемъ, не столько нашими усиліями, сколько скопленіемъ капиталовъ на иностранныхъ рынкахъ—не превышаетъ до сего времени 67 коп. Съ другой стороны, денежное кредитное обращеніе не выходитъ изъ суммы 1.046 милл. руб., признаваемой чрезмѣрною по сравненію съ потребностями. Эта сумма при сопоставленіи ея съ наличностью звонкой монеты, хранящейся въ размѣнномъ фондѣ, все-таки составляетъ долгъ въ суммѣ до 568,5 милл. руб.—по кредитнымъ билетамъ коренного выпуска и въ суммѣ 266 милл. руб. по кредитнымъ билетамъ временнаго выпуска, также не обезпеченнымъ соотвѣтствующими отчуждаемыми цѣнностями. Въ этихъ обстоятельствахъ естественно нельзя и думать о возстановленіи размѣна, тѣмъ болѣе, что, съ прекращеніемъ его въ продолженіе столь долгаго времени, въ самомъ народѣ уже не находится никакихъ звонкихъ монетъ, кромѣ мелкихъ серебряныхъ. Немедленное осуществленіе размѣна кредитныхъ билетовъ за счетъ фонда не выполнило бы задачи введенія металлическаго денежнаго обращенія въ предѣлахъ всей Россіи и выпущенное въ обращеніе золото было только вывезено за границу. При пониженіи курса металлическое денежное обращеніе не могло бы имѣть уже мѣста, такъ какъ государственное казначейство принимаетъ звонкую монету въ платежи не по той цѣнѣ, которая существуетъ на биржѣ, а по нарицательной ея стоимости.

Итакъ, размѣнъ въ настоящее время не только представляется неправдоподобнымъ по состоянію средствъ размѣннаго фонда, но и не достигъ бы своей основной цѣли — возстановленія денежнаго обращенія въ Россіи. Кромѣ того, возстановленіе денежнаго обращенія, при настоящемъ курсѣ кредитнаго рубля, явилось бы новою несправедливостью, новымъ налогомъ, но налогомъ обратнымъ. Выпускъ кредитныхъ билетовъ, уронивъ цѣнность рубля, облегчилъ всѣхъ должниковъ, но обременилъ всѣхъ кредиторовъ, начиная съ лицъ, получающихъ содержаніе, ибо съ паденіемъ курса возвысились цѣны на всѣ предметы, даже

на предметы первой необходимости. Естественно, поэтому, что положеніе вещей представляется нынѣ въ нѣсколько другомъ видѣ, чѣмъ въ 1862 — 1863 годахъ: тогда для возстановленія цѣнности кредитнаго рубля оставалось покрыть всего 12% лажа, теперь этотъ лажъ составляетъ уже 33%. Если бы даже и нашлись средства обмѣнять всѣ кредитные билеты на звонкую монету по нормальному курсу 4 франковъ за рубль, то, послѣ сорокалѣтняго прекращенія размѣна, безспорно нажились бы одни только кредиторы, а дебиторы пострадали бы. Поэтому, во всѣхъ странахъ, гдѣ прибѣгли къ одному изъ самыхъ опаснѣйшихъ средствъ удовлетворенія чрезвычайныхъ государственныхъ потребностей — къ выпуску бумажныхъ денежныхъ знаковъ, возстановленіе металлическаго обращенія оказывалось возможнымъ только по истеченіи сравнительно короткаго періода со времени принятія этого способа. Такъ, напримѣръ, въ Англіи принудительный курсъ банковыхъ билетовъ существовалъ всего 18 лѣтъ, послѣ чего Англійскій банкъ открылъ размѣнъ ихъ и возстановилъ металлическое обращеніе. То же самое мы видимъ и въ Америкѣ: государство тотчасъ же по окончаніи войны приняло самыя энергичныя мѣры къ погашенію своего долга и въ короткое сравнительно время возстановило денежное обращеніе на металлическомъ основаніи. Наконецъ, послѣдній примѣръ даетъ намъ Италія, гдѣ принудительный курсъ оставался тоже не долѣе 17 лѣтъ. Прекращеніе размѣна, объявленное въ силу особаго закона въ 1866 году, было снова возстановлено въ 1883 году. Что касается Австріи и Россіи, гдѣ, собственно говоря, никогда не было свободнаго и правильнаго размѣна и гдѣ прошло уже нѣсколько десятковъ лѣтъ принудительнаго денежнаго обращенія, мы не видимъ и врядъ ли можемъ увидать окончаніе этого періода. Въ Австро-Венгріи тѣмъ не менѣе бумажное денежное обращеніе теряетъ противъ металлическаго всего лишь отъ 12 до 14%, а въ послѣднее время даже менѣе. При сравнительной ограниченности размѣровъ бумажнаго денежнаго обращенія въ Австріи, при болѣе развитыхъ торговыхъ сношеніяхъ ея съ другими державами, есть надежда на возстановленіе въ этой странѣ металлическаго обращенія, при чемъ въ настоящее время уже составленъ соотвѣтствующій проектъ. Что же касается Россіи, то, послѣ слишкомъ тридцати-пяти-лѣтней пріостановки размѣна кредитныхъ билетовъ, врядъ ли можно ожидать быстраго возстановленія у насъ прочнаго денежнаго обращенія. Въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся въ настоящее время, можно сказать

съ увѣренностью, что, при первомъ же политическомъ замѣшательствѣ, для Россіи не останется другого финансоваго способа, какъ вновь прибѣгнуть къ выпуску кредитныхъ билетовъ.

Весьма серьезнымъ препятствіемъ къ устройству денежнаго обращенія на правильныхъ основаніяхъ является недостаточная самостоятельность нашего центральнаго эмиссіоннаго кредитнаго учрежденія — Государственнаго банка. Исторія финансовъ другихъ государствъ учитъ, что если чрезвычайные выпуски банковыхъ билетовъ съ пріостановкою размѣна ихъ и служатъ крайнимъ средствомъ въ минуту острой государственной нужды, какъ было, напримѣръ, въ началѣ 70-хъ годовъ во Франціи, то вездѣ, гдѣ денежное обращеніе могло быть возстановлено въ скоромъ времени по прекращеніи войны или затруднительнаго финансоваго положенія, билеты эти выпускались банковыми учрежденіями, а не самимъ правительствомъ, которое становилось, такъ сказать, должникомъ банка, отнюдь не прибѣгая къ самостоятельному выпуску бумажныхъ денегъ. Правильное отношеніе государства къ частнымъ банкамъ побуждало правительство принимать мѣры къ скорѣйшей уплатѣ своихъ долговъ центральнымъ банкамъ по соображеніямъ чисто государственнаго порядка, вытекавшимъ изъ интересовъ народнаго хозяйства, и понятно вовсе не изъ покровительства личнымъ интересамъ учредителей или акціонеровъ банка. Такъ, во Франціи, гдѣ во время войны выпущено было билетовъ для покрытія позаимствованій государственнаго казначейства на сумму до двухъ милліардовъ четырехсотъ милліоновъ франковъ, весь этотъ долгъ былъ тотчасъ же по окончаніи войны разсроченъ на восемь лѣтъ, при чемъ само правительство признало государственно полезнымъ дѣломъ предупредить срокъ уплаты задолженныхъ суммъ, и погасить ихъ въ первые же четыре года для того, чтобы привести разстроенное денежное обращеніе въ порядокъ и нормальное положеніе. Напротивъ того, тамъ, гдѣ правительство само выпускало билеты или банкъ находился въ распоряженіи правительства, я не знаю почти ни одного примѣра возстановленія разъ нарушеннаго денежнаго обращенія. И это совершенно понятно: безпроцентный долгъ правительства по выпущеннымъ имъ для своихъ надобностей кредитнымъ билетамъ является, по русскому выраженію, долгомъ самому себѣ, а потому нѣтъ надобности и выплачивать такой долгъ путемъ заключенія процентныхъ займовъ или другихъ какихъ-нибудь жертвъ. Подобный взглядъ знаменуетъ собою одно изъ самыхъ грубыхъ отношеній къ совершенію займовъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что мысль объ устройствѣ казенныхъ центральныхъ банковъ или банковъ въ рукахъ правительства существовала и между учеными и между практиками. Въ Англіи въ запискѣ покойнаго экономиста Рикардо былъ найденъ проектъ, предлагавшій, чтобы англійское правительство взяло въ свои руки завѣдываніе Англійскимъ банкомъ, взамѣнъ частной компаніи, которая ведетъ и понынѣ это дѣло. Въ извѣстномъ отношеніи не могло, конечно, не казаться привлекательнымъ предоставить правительству располагать громадными капиталами банка, пускать ихъ въ торговые обороты и пользоваться процентами для государственныхъ надобностей, избѣгая посредничества частныхъ торговыхъ учрежденій, извлекающихъ такимъ путемъ значительные барыши. Проектъ Рикардо былъ разсмотрѣнъ въ особой парламентской комиссіи, состоявшей изъ первѣйшихъ банкировъ, и комиссія пришла къ единогласному заключенію, что пѣтъ ничего опаснѣе, ничего вреднѣе для государственныхъ интересовъ, какъ передача банка въ руки правительства. Между прочими своими соображеніями, комиссія указывала, что какъ бы ни было морально правитольство въ своихъ намѣреніяхъ, никогда оно не внушитъ публикѣ убѣжденія, что, въ случаѣ затрудненія, оно не употребитъ во зло право выпуска кредитныхъ билетовъ, тогда какъ всякое частное учрежденіе, будучи принуждено къ размѣну силою закона, потерею капитала и разстройствомъ всего денежнаго рынка, никогда не рѣшится, при извѣстныхъ условіяхъ надзора со стороны правительства, прибѣгнуть къ нарушенію закона о выпускѣ билетовъ. Въ случаѣ, если бы силою обстоятельствъ частный центральный банкъ вынужденъ былъ подъ вліяніемъ правительства сдѣлать выпускъ своихъ билетовъ съ присвоеніемъ имъ обязательнаго курса, то правительство всегда разсчитается съ частнымъ учрежденіемъ гораздо скорѣе и правильнѣе, нежели погаситъ свой собственный долгъ. Поэтому мысль Рикардо была совершенно отвергнута англійскимъ парламентомъ.

Въ Италіи, во время принудительнаго курса, тоже возникала идея относительно созданія правительственнаго центральнаго банка, но парламентъ, несмотря на все, постоянно отвергалъ ее, находя, что осуществленіе подобнаго предположенія являлось бы однимъ изъ опаснѣйшихъ средствъ для правительства и лучшимъ способомъ разрушить довѣріе въ народѣ къ обязательнымъ денежнымъ знакамъ.

Въ Германіи, послѣ политическаго ея объединенія, признано

было необходимымъ приступить къ реформѣ кредитныхъ учрежденій и къ замѣнѣ частныхъ банковъ, существовавшихъ въ разныхъ королевствахъ и пользовавшихся правомъ выпуска своихъ билетовъ, центральнымъ банковымъ учрежденіемъ. Это послѣднее было создано въ видѣ Reichsbank'a, подчиненнаго надзору правительства, но дѣйствующаго въ качествѣ частнаго акціонернаго предпріятія. Капиталъ банка составленъ не изъ однихъ правительственныхъ средствъ, но и изъ взносовъ частныхъ акціонеровъ. Германское правительство приняло, такимъ образомъ, участіе въ созданіи банка и наблюдаетъ за его дѣятельностью, но не сдѣлало его своимъ финансовымъ учрежденіемъ. Недавно возникъ вопросъ о передачѣ имперскаго банка въ полное завѣдываніе казны, но мѣра эта была отвергнута.

Замѣчательнымъ намекомъ въ нашей исторіи на цѣлесообразность обособленія банковъ отъ государственнаго казначейства является указаніе по этому предмету въ наказѣ Императрицы Екатерины II. Она говорила, что въ государствѣ самодержавномъ гораздо лучше устроить банкъ въ вѣдѣніи какого-нибудь благотворительнаго или учебнаго заведенія, дабы народъ и публика понимали, что средства, довѣряемыя этому банку, не будутъ обращаемы на другіе расходы, кромѣ тѣхъ, которые предоставлено производить ему уставомъ. Къ сожалѣнію, несмотря на приведенный взглядъ просвѣщенной Императрицы, мы видимъ, что и въ настоящее время изъ числа государствъ, признаваемыхъ образованными, только въ Россіи существуетъ чисто государственный или правительственный банкъ.

Какъ было уже мною сказано раньше, при разработкѣ предположеній о преобразованіи коммерческаго банка, выдвигалась мысль, что учреждаемый вмѣсто него Государственный банкъ, ради пользы всего государства, долженъ быть построенъ на акціонерныхъ началахъ и совершенно отдѣленъ отъ государственнаго казначейства. Однако, мысль эта, имѣвшая въ виду предоставить регулированіе денежнаго обращенія въ государствѣ частному учрежденію, казалась тогда многимъ даже антимонархической; въ подобнаго рода учрежденіи видѣли ограниченіе Верховной власти Монарха. Такое совершенно ложное убѣжденіе, отвергая всякую возможность устройства акціонернаго общественнаго банка, въ то же время воспрепятствовало созданію хотя бы и правительственнаго банка, но на вполнѣ независимыхъ отъ финансоваго управленія началахъ. Вся исторія Государственнаго банка показываетъ съ очевидностью, что тамъ, гдѣ карманъ государственнаго казначейства не былъ

отдѣленъ отъ кармановъ частныхъ кліентовъ банка, тамъ всегда нужды государственнаго казначейства имѣли преимущество надъ нуждами торговли и промышленности. Правда, въ уставѣ банка намѣчено было нѣкоторое отдѣленіе его операцій отъ чисто казеннаго финансоваго управленія. Такъ, согласно уставу, казначейство не можетъ дѣлать позаимствованій изъ банка на свои расходы. Признаніе этого положенія въ Россіи представляло значительный шагъ впередъ, но тѣмъ не менѣе фактическое оставленіе банка въ рукахъ министерства финансовъ доказало несбыточность самыхъ благихъ намѣреній. Результаты дѣятельности Государственнаго банка за все время его существованія были—можно сказать—благопріятные. Ни въ одномъ изъ старѣйшихъ государствъ не было такого сильнаго развитія кредита, какое мы встрѣчаемъ въ Россіи съ 1860 года. При самомъ устройствѣ банка, какъ бы въ знакъ отдѣленія его отъ государственнаго казначейства, назначено было обращать всѣ прибыли банка не въ рессурсы государственнаго казначейства, а на погашеніе долга послѣдняго банку; правительство, такъ сказать, имѣло въ виду разсчитаться съ банкомъ по мѣрѣ развитія его операцій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на банкъ, какъ извѣстно, возложена была ликвидація всѣхъ счетовъ бывшихъ кредитныхъ установленій при одновременномъ веденіи собственныхъ операцій для развитія торговли и промышленности. Но что же мы видимъ въ дѣйствительности? Не прошло и тридцати лѣтъ, какъ мало по малу, всѣ особенности учрежденія Государственнаго банка начали стушевываться силою вещей. Прибыли Государственнаго банка стали поступать въ рессурсы государственнаго казначейства и сдѣлались однимъ изъ прямыхъ источниковъ ежегодныхъ государственныхъ доходовъ, такъ что функціи банка исполняетъ въ сущности не независимое кредитное учрежденіе, хотя бы и правительственное, а государственное казначейство. Затѣмъ, ликвидація бывшихъ кредитныхъ установленій, которая могла бы въ близкомъ будущемъ давать въ распоряженіе банка крупныя свободныя средства для усиленія коммерческихъ его операцій, передана была, до своего окончанія, государственному казначейству.

Во всякомъ случаѣ, серьезнымъ мѣропріятіемъ по введенію у насъ металлическаго денежнаго обращенія должно предшествовать коренное переустройство нашего Государственнаго банка. Нынѣшнее его положеніе не даетъ твердой увѣренности, что курсъ нашихъ денегъ останется на неизмѣнной высотѣ, а при отсутствіи такой увѣренности трудно, конечно, разсчитывать на

прочное водвореніе металла въ денежномъ обращеніи: никто не будетъ расплачиваться полуимперіаломъ, зная, что завтра за него можно получить 7 р. 30 к.; всякій предпочтетъ держать его у себя въ карманѣ.

Обращаюсь, въ заключеніе, къ общимъ выводамъ относительно настоящаго состоянія нашего денежнаго обращенія и мѣропріятій къ его упорядоченію, я, прежде всего, долженъ самымъ рѣшительнымъ образомъ подчеркнуть, что всѣ колебанія курса нашего рубля, постоянное измѣненіе въ цѣнѣ, непрочность той единицы, которая считается общимъ платежнымъ измѣрителемъ, влекутъ за собою постепенно увеличивающееся и препятствующее всякому правильному развитію торговли и промышленности зло. При измѣняющихся курсахъ не можетъ быть правильной торговли, не можетъ быть правильнаго разсчета, нельзя заранѣе учесть съ необходимою точностью, что стоитъ такой-то товаръ, за что можно его продать, а подобная неопредѣленность придаетъ всякой торговой сдѣлкѣ спекулятивный характеръ. Правда, указанное мною зло отъ курсовыхъ колебаній не бросается рѣзко въ глаза, а потому многіе, хотя и сознаютъ его существованіе, но успокаиваютъ себя тѣмъ, что для внутренняго обращенія курсъ не имѣетъ значенія, что во внутреннихъ оборотахъ мы, по-прежнему, платимъ кредитными билетами, а биржѣ, какъ спекулятору, до курса нѣтъ дѣла. Между тѣмъ, при внимательномъ разсмотрѣніи бюджета, мы увидимъ, сколько приплачиваетъ государство на курсѣ. А какой ущербъ несутъ, кромѣ того, частныя лица въ разсчетахъ по покупкѣ-продажѣ иностранныхъ товаровъ, по заграничнымъ поѣздкамъ и т. п.? Всѣ эти потери безспорно превосходятъ возможныя пожертвованія на какіе-либо займы, нужные для возстановленія курсовъ. Но, независимо отъ сказаннаго, продолжающійся столь долгое время непорядокъ въ денежномъ обращеніи производитъ еще другого рода зло,—а именно невозможность возстановленія нарицательной стоимости кредитной единицы. Единственная мѣра, которая можетъ казаться желательной у насъ при настоящихъ условіяхъ, заключается въ упроченіи какого бы то ни было курса, но достиженіе этой цѣли невозможно безъ девальваціи и поддержки результатовъ послѣдней на будущее время. Въ 1843 году мы прошли уже девальвацію $3^1/_2$ руб. асс. за металл. рубль, и что же, представляющій этотъ рубль кредитный билетъ равняется вновь 67 коп. при самомъ лучшемъ состояніи настоящаго времени.

Безспорно, упроченіе курса рубля съ производствомъ деваль-

вацiи, т.-е. уменьшенія цѣнности его до 67 коп. требуетъ тоже весьма серьезныхъ мѣръ; недостаточно обмѣнивать существующіе кредитные билеты по 67 коп. за рубль, надо вселить довѣріе, что всѣ новые рубли будутъ стоить постоянно 67 коп. А это невозможно безъ устройства банка вполнѣ независимаго, совершенно отдѣленнаго отъ казеннаго управленія.

Но, сверхъ того, возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія потребуетъ значительнаго усиленія средствъ размѣннаго фонда. Какъ мы видѣли, прежній долгъ казначейства по кредитнымъ билетамъ, не говоря уже о временныхъ билетахъ, которые могли бы быть погашены путемъ продажи переданныхъ банку цѣнностей, требовалъ для полнаго своего обезпеченія свыше 560 милл. руб. золотомъ. Хотя при девальваціи сумма эта и должна нѣсколько понизиться, но все же необходимый для производства размѣна заемъ достигнетъ нѣсколькихъ сотъ милліоновъ рублей и безспорно превыситъ средства какъ государственнаго кредита, такъ и международнаго рынка. Не слѣдуетъ забывать, что заключеніе большинства нашихъ займовъ сопровождалось условіемъ держать предоставленныя намъ деньги за границею. Поэтому, если бы иностранные денежные рынки согласились снабдить насъ золотомъ на соотвѣтствующую сумму,— что при нынѣшнемъ процвѣтаніи государственнаго кредита является, можетъ быть, и сбыточнымъ,—то, во всякомъ случаѣ, такой заемъ былъ бы совершенно неисполнимымъ при условіи привоза этой суммы въ предѣлы Россіи. Правда, всѣ огромные займы послѣднихъ лѣтъ или такъ называемыя конверсіи, пожалуй, превышали потребныя нынѣ для возстановленія размѣна средства; однако, займы эти сводились, главнымъ образомъ, къ обмѣну однѣхъ бумагъ на другія, а не къ передачѣ столь значительнаго металлическаго фонда въ распоряженіе русскаго правительства. Я полагаю, что заемъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей золотомъ былъ бы неосуществимъ, ни разомъ, ни постепенно; не дадутъ даже 100 милл. руб. золотомъ. Въ подтвержденіе правильности этого мнѣнія можно припомнить затрудненія, которыя встрѣтило итальянское правительство при заключеніи послѣдняго займа, въ размѣрѣ 634 милл. фр. или 174 милл. руб. Даже эту сумму оказалось возможнымъ доставить только въ теченіе двухъ лѣтъ и то не цѣликомъ въ золотѣ, а частью серебромъ, частью золотомъ. При нынѣшнемъ положеніи запасовъ золота за границею, нельзя вообще разсчитывать на перемѣщеніе крупнаго золотого капитала. Но если даже допустить возможность привоза нами въ Россію пріобрѣтенной цу-

темъ займа суммы отчасти въ золотой монетѣ, отчасти въ серебряной, то, при той разницѣ, которая существуетъ между цѣнностью обоихъ металловъ, безспорно, и этотъ заемъ не достигъ бы предлагаемой цѣли. Въ виду этого у насъ высказывается иногда предположеніе, что, такъ какъ въ Россіи единицею считается серебряный рубль, то возстановленіе размѣна возможно было бы достигнуть путемъ пріобрѣтенія значительной массы серебра, которое достать легче съ европейскихъ денежныхъ рынковъ, чѣмъ золото. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время кредитные билеты можно было бы сдѣлать размѣнными на серебряную монету, но построенное на такихъ основаніяхъ денежное обращеніе было бы не болѣе какъ своего рода девальвація кредитнаго рубля на серебряныя деньги или на такой товаръ, который все же не можетъ служить международной торговою единицею. Серебро точно также обращалось бы у насъ по 67 коп. зол. за рубль, какъ и кредитные билеты, такъ что вся реформа заключалась бы только въ замѣнѣ бумажекъ неудобною для обращенія монетою. Затѣмъ, если бы пришлось сдѣлать подобнаго рода девальвацію, представляющую преимущества предъ девальваціею на новые бумажные знаки, то необходимо было бы во всякомъ случаѣ озаботиться соотвѣтствующимъ денежнымъ устройствомъ. А такъ какъ всякое денежное устройство предполагаетъ выпускъ кредитныхъ билетовъ, то и эта реформа окажется плодотворною лишь при переустройствѣ Государственнаго банка, съ обезпеченіемъ ему независимости отъ финансоваго управленія.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

XV. [1])

Причины возникновенія частныхъ учрежденій краткосрочнаго кредита.—С.-Петербургское Общество взаимнаго кредита.—Исторія его образованія.—Дѣятельность общества въ первые годы его существованія.

Ликвидація прежнихъ кредитныхъ установленій и учрежденіе Государственнаго банка имѣло своимъ послѣдствіемъ образованіе въ Россіи не существовавшаго у насъ ранѣе денежнаго рынка. Выпущенные для консолидаціи части вкладовъ упомянутыхъ установленій 5%-ные банковые билеты были по своей формѣ первою бумагою, свободно обращавшеюся на денежномъ рынкѣ по вольной цѣнѣ между покупателями и продавцами. Благодаря этому, ко времени крестьянской реформы, потребовавшей для своего осуществленія выпуска значительнаго количества процентныхъ бумагъ, въ Россіи была уже подготовлена почва для размѣщенія цѣнностей, которыя публика могла бы сознательно пріобрѣтать и которыя могли бы имѣть обращеніе въ большихъ городахъ, гдѣ существовали биржи. Не прошло и десяти лѣтъ со времени преобразованія кредитныхъ учрежденій, какъ финансовую и денежную Россію нельзя было узнать. Весь народъ, даже и неграмотные усвоили себѣ понятіе о процентныхъ бумагахъ, свободно обращающихся на биржахъ, о разныхъ акціяхъ, облигаціяхъ и т. д. Словомъ, постепенно создались условія, при наличности которыхъ правительство, въ случаяхъ нужды въ займахъ, могло находить готовый для себя

[1]) См. „Русская Старина“, сентябрь 1915 г.

источникъ въ самой Россіи, не прибѣгая, какъ прежде, исключительно къ услугамъ иностранныхъ капиталистовъ. Первый опытъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ въ 1864 году при выпускѣ займа въ 100 милл. руб., извѣстнаго подъ названіемъ перваго внутренняго съ выигрышами займа, который имѣлъ своею цѣлью произвести расплату Государственнаго казначейства по долгамъ его Государственному банку, и былъ покрытъ съ небольшимъ превышеніемъ по 98 руб. 13 коп. за билетъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1866 году, заключенъ былъ на ту же сумму второй выигрышный заемъ, цѣликомъ переданный Государственному банку въ уплату сдѣланныхъ Государственнымъ казначействомъ изъ банка позаимствованій для выдачи авансовъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ въ счетъ будущей реализаціи облигацій. Второй заемъ былъ уже размѣщенъ не заразъ по подпискѣ, а продавался по цѣнамъ, которыя устанавливалъ Государственный банкъ. При самомъ выпускѣ, банкъ началъ продажу по 104 руб. за билетъ, затѣмъ биржевая расцѣнка вскорѣ довела эти билеты до 107 руб., а вслѣдъ за распродажею всѣхъ билетовъ второго займа, цѣна на выигрышные билеты стала быстро подниматься и черезъ годъ уже доходила до 140—150 руб. Однако, помимо долгосрочныхъ займовъ, наблюдавшаяся у насъ въ 60-хъ годахъ повышенная торговая и промышленная дѣятельность, постройка желѣзныхъ дорогъ и развитіе биржевого оборота нуждались и въ значительныхъ краткосрочныхъ кредитахъ. Хотя уставъ Государственнаго банка преслѣдовалъ, между прочимъ, цѣли оживленія торговли и промышленности, тѣмъ не менѣе Государственный банкъ выдавалъ ссуды по общимъ правиламъ подъ залогъ лишь правительственныхъ или гарантированныхъ правительствомъ процентныхъ бумагъ и на особыхъ основаніяхъ подъ залогъ оплаченныхъ акцій нѣкоторыхъ предпріятій. Между тѣмъ, послѣ образованія въ январѣ 1857 года главнаго общества желѣзныхъ дорогъ для постройки линій: отъ Западной границы на Варшаву до Петербурга, отъ Москвы до Нижняго-Новгорода и отъ Москвы до Ѳеодосіи, начали устраиваться и другія желѣзнодорожныя компаніи. Насколько остра была потребность этихъ предпріятій въ денежныхъ средствахъ свидѣтельствуютъ обстоятельства, сопровождавшія учрежденіе главнаго общества желѣзныхъ дорогъ. Благодаря происшедшему, въ серединѣ 1857 года, пониженію процентовъ на вклады въ кредитныхъ установленіяхъ, акціи главнаго общества были разобраны въ значительной своей части, но большинство ихъ все же осталось на рукахъ у учредителей общества, и по-

этому въ первый же годъ существованія послѣдняго явилась значительная потребность въ ссудахъ подъ залогъ его акцій. Государственный банкъ, при своемъ образованіи, получилъ большое количество этихъ бумагъ отъ бывшаго коммерческаго банка. Такъ какъ цѣны на акціи главнаго общества затѣмъ поколебались на биржѣ, то Государственный банкъ обязанъ былъ принять ихъ на свой счетъ, внеся третій по нимъ взносъ. Акціи эти долгое время оставались послѣ того за Государственнымъ банкомъ. Вслѣдъ за учрежденіемъ главнаго общества образовалось общество Риго-Динабургской желѣзной дороги, которое, несмотря на дарованную ему гарантію акціонернаго капитала, встрѣчало также затрудненія въ полученіи взносовъ по своимъ акціямъ.

Итакъ концессіи на устройство желѣзныхъ дорогъ требовали значительныхъ капиталовъ въ видѣ краткосрочныхъ ссудъ. Выдача этихъ ссудъ, не отвѣчая вообще задачамъ Государственнаго банка, являлась вполнѣ правильною, законною и необходимою операціею въ частныхъ банкахъ, которые могли бы поддержать ее своими капиталами, своимъ кредитомъ. Такимъ образомъ, независимо отъ интереса, представлявшагося банковыми операціями самими по себѣ, сильный толчекъ возникновенію частныхъ банковъ данъ былъ крупными потребностями въ новыхъ ссудахъ, быстро возникавшими съ учрежденіемъ новыхъ компаній.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, поступательное движеніе нашей промышленности и выпускъ перваго выигрышнаго займа не могли не повліять на развитіе въ обществѣ биржевой игры. Поднимавшіяся на акціи и выигрышные билеты цѣны содѣйствовали проявленію у насъ духа спекуляціи, котораго Россія прежде не знала. Спекулятивныя стремленія въ публикѣ еще болѣе усилились съ выпускомъ второго выигрышнаго займа. Не говоря уже о соблазнѣ выигрышей, затаенное желаніе получить которые волновало всѣхъ, самая разница въ цѣнахъ на выигрышные билеты еще болѣе усиливала игру на биржахъ. Съ своей стороны, Государственный банкъ, какъ учрежденіе казенное, будучи ограниченъ въ правѣ выдачи ссудъ подъ процентныя бумаги, съ первыхъ же лѣтъ сталъ нѣсколько сокращать свои операціи въ этомъ направленіи. Я помню, были приняты мѣры къ тому, чтобы не выдавать болѣе извѣстной суммы въ однѣ руки. Слѣдовательно, и въ этой области открывалось широкое поле для дѣятельности частныхъ банковъ.

Наконецъ, даже чисто коммерческая операція, какъ, напри-

мѣръ, учетная, могла получить прочное развитіе лишь при частномъ банковомъ устройствѣ.

Стеченіе всѣхъ приведенныхъ обстоятельствъ и способствовало, главнымъ образомъ, какъ учрежденію частныхъ банковъ, такъ и ихъ большимъ на первыхъ порахъ успѣхамъ.

Первымъ частнымъ кредитнымъ учрежденіемъ явилось С.-Петербургское общество взаимнаго кредита.

Ближайшимъ поводомъ къ возникновенію этого общества послужили событія, происшедшія въ 1862 году.

Еще съ весны этого года въ Петербургѣ стали ходить слухи о предстоящихъ поджогахъ. Начавшіе затѣмъ возникать въ разныхъ частяхъ города пожары, съ предвареніями о нихъ, наводили страхъ и ужасъ на все населеніе столицы. Въ маѣ появилось много анонимныхъ писемъ, повторявшихъ тѣ же слухи, а на стѣнахъ и колоннахъ банка были расклеены кѣмъ-то ночью объявленія о томъ, что банкъ будетъ подожженъ. Предупрежденіе объ этомъ было, кромѣ того, получено въ присланномъ управляющему банкомъ безъимянномъ письмѣ. За отсутствіемъ барона Штиглица, бывшаго тогда заграницею, я свезъ это письмо петербургскому генералъ-губернатору князю Суворову съ просьбою принять мѣры къ огражденію банка отъ угрожавшей ему опасности. Суворовъ, возвративъ мнѣ письмо, сказалъ: „Что я могу сдѣлать; принимайте сами свои мѣры“. Понятно, въ теченіе этого времени настроеніе въ Банкѣ было такое, что всѣ, если и не ожидали навѣрное поджога, то, во всякомъ случаѣ, готовились къ нему.

Передъ Троицинымъ днемъ я собрался ѣхать на дачу къ своимъ старикамъ на станцію Суйда, по Варшавской желѣзной дорогѣ, и имѣлъ намѣреніе провести тамъ два дня праздниковъ. Сдѣлавъ предварительно распоряженіе, чтобы около банка постоянно ходили дежурные сторожа, я уѣхалъ относительно спокойно. Съ субботы на воскресенье я переночевалъ на дачѣ, пробылъ тамъ весь слѣдующій день, но началъ къ вечеру испытывать какое-то неопредѣленное безпокойство и, несмотря на уговоры моихъ стариковъ, въ понедѣльникъ днемъ ихъ покинулъ. Меня влекло какое-то предчувствіе. И дѣйствительно, пріѣхавъ къ 4-мъ часамъ въ Петербургъ, я уже на станціи Варшавской желѣзной дороги увидалъ необыкновенное движеніе: народъ бѣжалъ куда-то. Доѣхавъ до Садовой, мой извозчикъ не могъ пробраться дальше. На вопросъ „что такое случилось“, онъ отвѣтилъ: „горитъ рынокъ и банкъ“. Легко себѣ представить мое состояніе. Я велѣлъ извозчику скакать какъ можно скорѣе; путь по Са-

довой былъ закрытъ, и мы подъѣхали къ банку со стороны канавы. Здѣсь взорамъ моимъ предстала страшная картина. Апраксинъ и Щукинъ были объяты пламенемъ. Цѣлый океанъ огня виденъ былъ у Чернышева переулка. Пожаръ бушевалъ въ зданіи театральной дирекціи и въ домахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ; а на другой сторонѣ Фонтанки горѣлъ какой-то дровяной складъ. Говорили, что пожаръ начался съ театральной площади, перешелъ затѣмъ на дома Министерства и, наконецъ, охватилъ собою рынокъ. Этотъ послѣдній былъ весь объятъ пламенемъ; но банкъ, по счастью, не былъ тронутъ огнемъ, хотя въ угловыхъ зданіяхъ его рамы загорались отъ жара.

Войдя въ банкъ, я распорядился, чтобы всѣ кассы были въ порядкѣ и окружены людьми; дворники были посланы мною на крыши съ водою. Между тѣмъ, изъ лавокъ Апраксина рынка выносили товары и кидали ихъ на дворъ Государственнаго банка. Вѣтра въ нашу сторону не было, тѣмъ не менѣе въ центральномъ зданіи Банка, отдѣленномъ дворомъ и цѣлой улицей отъ рынка, окна накаливались до такой степени, что, во избѣжаніе возгоранія, надо было поливать ихъ водою. Постепенно начиналъ тлѣть и весь фасадъ банка.

Въ это время прибылъ Государь въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ. До Чернышева переулка Онъ доѣхалъ верхомъ, но тутъ жаръ былъ такъ силенъ, что Государь долженъ былъ сойти съ коня и пѣшкомъ, подъ прикрытіемъ вынесенныхъ изъ лавокъ кожъ, которыя образовали собою какъ бы щитъ, поливаемый для охлажденія водою, вступилъ въ большой дворъ Банка. Сложенные здѣсь товары изъ лавокъ рынка заставляли опасаться, что, въ случаѣ ихъ возгоранія, огонь можетъ быстро перейти и на кладовыя Банка. Государь поэтому спросилъ меня, есть ли опасность для кассъ. Я отвѣтилъ, что опасности нѣтъ, что всѣ мѣры приняты и что за кладовыя и кассы Банка я нисколько не боюсь. Суворовъ предложилъ мнѣ, пока есть время, перенести всѣ цѣнности изъ кладовыхъ и кассъ въ другое учрежденіе подъ конвоемъ батальона солдатъ. На это я, однако, не согласился, боясь, что такая перевозка будетъ сопряжена еще съ большими опасностями. Я просилъ только Суворова усилить караулъ. Книги и прочіе документы были въ полной сохранности, и все было приготовлено къ отправкѣ въ случаѣ распространенія огня. Но дѣйствительной опасности для Банка быть не могло, такъ какъ пожаръ простирался въ другую сторону. Къ тому же Апраксинъ рынокъ отдѣлялся отъ Банка улицею и большимъ дворомъ, а инымъ путемъ огонь не могъ

перейти на зданіе Банка. Весь день прошелъ въ волненіи. При этомъ не было, конечно, недостатка и въ любопытныхъ эпизодахъ. Такъ, во время пожара прибѣгаетъ ко мнѣ впопыхахъ одна чиновница и говоритъ:

— Ваше Превосходительство, извольте помѣстить меня куда-нибудь. Мнѣ надо спать.

— Куда же я васъ помѣщу,—отвѣчалъ я. Ищите сами себѣ мѣсто.

— Да, какъ же это, помилуйте. Я жила здѣсь столько времени на казенной квартирѣ.

— Что-жъ вы хотите: раздѣлить со мною кровать.

Всю эту ночь я провелъ на ногахъ, нѣсколько разъ доходилъ до Чернышева переулка и видѣлъ, какъ истомленные пожарные поливались водою, не воспользовавшись даже сдѣланнымъ мною предложеніемъ попить чего-либо или закусить.

Пожаръ продолжался день или два. Когда онъ былъ подавленъ, часть обгорѣвшаго банковскаго павильона надо было разобрать и сломать. Наполнявшіе большой дворъ Банка товары Апраксина и Щукина рынковъ, которые удалось спасти, были перенесены во внутренній дворъ Банка, и затѣмъ изъ погорѣвшихъ торговцевъ образована была особая комиссія для разбора, кому какіе товары принадлежали. Въ теченіе слѣдующихъ полутора дней были провѣрены претензіи и состоялась выдача товаровъ ихъ владѣльцамъ.

Пожаръ этотъ произвелъ страшное бѣдствіе въ мелкой и средней торговлѣ: тысячи народа были лишены крова и пропитанія. Государственный банкъ пришелъ на помощь обездоленнымъ. Въ первомъ же, послѣ пожара, засѣданіи Учетнаго Комитета постановлено было выдать погорѣльцамъ 300.000 р., подлежавшихъ погашенію изъ спеціально назначеннаго на указанную надобность прибавочнаго процента съ учетной операціи. Безспорно, помощь эта была оказана не купечествомъ, а исключительно Государственнымъ банкомъ, который, по моей иниціативѣ, повысилъ учетную норму на $^1/_2\%$ для покрытія сдѣланнаго пожертвованія. Но, разумѣется, приведенная мѣра не могла вознаградить и одной сотой или даже тысячной доли понесенныхъ торговцами отъ пожара потерь. Не только мелкіе торговцы остались безъ дѣла, но вмѣстѣ съ ними и изъ-за нихъ пострадали и большіе торговые дома. Не надо забывать, что въ то время вся мелкая торговля была въ рукахъ посредниковъ, которые снабжали лавочниковъ рынка товарами и затѣмъ по субботамъ ходили по лавкамъ получать платежи. Такимъ образомъ, мелкая торговля находилась въ зависимости

отъ комиссіонеровъ, крупныхъ купцовъ и разныхъ таможенныхъ экспедиторовъ. Во всякомъ случаѣ, для воспособленія потрясенной пожаромъ торговлѣ нельзя было ограничиться выдачею сравнительно незначительной изъ средствъ банка суммы, а надо было подумать о чемъ-нибудь болѣе обширномъ и существенномъ. Тогда я остановился на мысли придти на помощь торговому сословію устройствомъ кредита, спеціально приспособленнаго для мелкаго люда. Припоминая примѣры коммерческихъ потрясеній, которыя были пережиты въ Бельгіи и Франціи, я пришелъ къ заключенію, что достиженію намѣченной цѣли могъ бы содѣйствовать взаимный кредитъ. Мысль свою я сообщилъ Министру Финансовъ—Рейтерну. Онъ отнесся къ моему предположенію очень сочувственно, просилъ меня не упускать задуманной мѣры изъ виду и непремѣнно привести ее къ осуществленію. Одно изъ главныхъ въ этомъ дѣлѣ препятствій заключалось въ трудности найти лицъ, которыя пожелали бы составить изъ себя общество взаимнаго кредита. Въ этомъ отношеніи я долженъ сказать, что, распространняя мою мысль, я встрѣтилъ особенное сочувствіе со стороны просвѣщенныхъ иностранныхъ купцовъ, Мейера и Моргана, а также нѣкоторыхъ лицъ изъ русскаго купечества, какъ, напримѣръ, Елисѣева. Крупные русскіе банкиры или, какъ я ихъ называлъ, мѣнялы, и среди нихъ одинъ замѣчательный человѣкъ И. И. Смирновъ, также отнеслись сочувственно къ моей мысли. Ободренный этимъ успѣхомъ, я сталъ распространять среди болѣе широкихъ слоевъ купечества, написанную мною, маленькую брошюру о взаимномъ кредитѣ и читалъ лекціи по этому вопросу въ залахъ Городской Думы для того, чтобы ближе ознакомить купцовъ съ принципами устройства общества взаимнаго кредита. Такимъ образомъ, въ 1863 году проектъ устава Петербургскаго общества взаимнаго кредита, построенный, по примѣру однородныхъ обществъ въ Бельгіи, былъ представленъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Въ томъ же 1863 году проектъ этотъ былъ утвержденъ съ нѣкоторыми измѣненіями, введенными въ него Государственнымъ Совѣтомъ чисто по незнанію дѣла, а 17 марта 1864 года общество уже открыло свои дѣйствія. Первоначальный составъ общества опредѣлился въ триста человѣкъ, которые были главными основателями. Членами правленія были избраны лица, имѣвшія наиболѣе вліянія на среднюю торговлю. Въ члены пріемнаго комитета вступили капиталисты и, между прочимъ, многія лица изъ иностраннаго купечества, сочувствовавшія благой цѣли общества. Первона-

чальный капиталъ общества образовался, можно сказать, изъ мѣдныхъ денегъ; для составленія этого капитала всего было внесено 14.000 руб. Такъ какъ общество имѣло своей цѣлью пользу купечества и нисколько не преслѣдовало раздачи огромныхъ дивидендовъ, то участіе каждаго изъ членовъ общества ограничивалось взносомъ отъ 30 р. до 5.000 р.

Государственный Банкъ, операціи котораго были въ ту пору еще довольно малы, располагая свободнымъ помѣщеніемъ, предоставилъ его на первое время обществу. Безспорно, это облегчало надзоръ и за первоначальнымъ управленіемъ, и за правильнымъ веденіемъ дѣла въ обществѣ.

Устройство общества взаимнаго кредита, можно сказать, сразу измѣнило значеніе русской торговли. Не только мелкіе торговцы Апраксина и Щукина дворовъ, но и самый Гостиный Дворъ, въ которомъ торгуютъ купцы средней руки, почувствовали на себѣ вліяніе самостоятельности и независимости отъ иностранныхъ банковъ и экспедиторовъ. На первыхъ же порахъ своихъ дѣйствій общество взаимнаго кредита произвело огромный переломъ въ ходѣ торговли. Прежде, всѣ мелкіе торговцы получали товаръ отъ крупныхъ фирмъ, подъ книжки, по которымъ разсчетъ производился каждую недѣлю и никакихъ при этомъ векселей не выдавали. Все это мелкое купечество было, такимъ образомъ, мало знакомо съ правомъ пользоваться въ банкахъ вексельнымъ кредитомъ. Главная же операція общества взаимнаго кредита состояла въ учетѣ векселей подъ обезпеченіе всего общества. Подобные векселя въ мелкихъ суммахъ, имѣющіе двѣ подписи лицъ, обязывающихся по векселю и гарантированные всѣмъ обществомъ въ совокупности, пріобрѣтали огромное значеніе, какъ обязательства, вполнѣ обезпеченныя въ уплатѣ. Государственный банкъ могъ оказывать такимъ векселямъ полное довѣріе и неограниченный пріемъ. Съ учрежденіемъ общества взаимнаго кредита мелкіе торговцы, принимая товары, стали выдавать векселя на мѣсяцъ, на два, на три, смотря по кредиту; такіе векселя могли немедленно представляться къ учету въ обществѣ взаимнаго кредита. Словомъ, мелкіе торговцы пріобрѣтали себѣ нѣкоторую независимость отъ иностранныхъ посредническихъ конторъ. Даже мелкіе трактиры начали забирать чай, сахаръ и другія принадлежности своей торговли, выдавая векселя въ 30, 40, 50 р. срокомъ на мѣсяцъ, два, три и т. д. Въ результатѣ, для торговли явилось новое орудіе—кредитъ, и русскіе купцы почувствовали себя независимыми, спокойные отъ страха внезапныхъ претензій многочисленныхъ нѣмецкихъ посредниковъ.

При самомъ утвержденіи устава, общество получило отъ правительства право передавать векселя своихъ членовъ за подписью правленія къ учету въ Государственный банкъ, который взималъ съ общества на $^1/_2$ процента дешевле существовавшей для банковскихъ кліентовъ учетной нормы. Убытки по этой операціи покрывались за счетъ остального купечества, пользовавшагося вексельнымъ кредитомъ въ банкѣ. Находя, однако, не совсѣмъ приличнымъ оказывать льготы вновь народившемуся обществу за счетъ другихъ кліентовъ, банкъ, по моей иниціативѣ, сталъ впослѣдствіи покрывать соотвѣтствующія суммы изъ своихъ прибылей.

Первый операціонный годъ сопровождался для общества прибылью въ размѣрѣ 7% годовыхъ съ оборотнаго капитала. Члены правленія, не получавшіе опредѣленнаго содержанія, пользовались на основаніи устава, 15%-нымъ отчисленіемъ изъ общей прибыли общества. Отчисленіе это, при мелкомъ, въ первое время, размѣрѣ оборотовъ составляло всего около 400 р. на каждаго члена, т.-е. менѣе, чѣмъ получалъ артельщикъ общества. Успѣхъ перваго года и распространившееся въ купечествѣ сознаніе выгодности этой ассоціаціи содѣйствовали значительному увеличенію числа членовъ и размѣра оборотовъ общества въ послѣдующее время. Особенно значительное развитіе въ обществѣ взаимнаго кредита получила операція текущихъ счетовъ. Лица, не нуждавшіяся въ кредитѣ, вносили крупныя суммы на текущій счетъ, по которому общество могло платить по 3—4%. Благодаря этой операціи, черезъ нѣкоторое время касса общества взаимнаго кредита сдѣлалась центральною кассою всѣхъ нашихъ торговыхъ домовъ, многихъ частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій. Но, кромѣ того, общество это оказало большую помощь возникновенію новыхъ предпріятій. Вскорѣ оно сдѣлалось настолько популярнымъ, что всѣ зарождавшіеся тогда банки, компаніи желѣзныхъ дорогъ и т. п. производили подписки на свои акціи и облигаціи чрезъ общество, такъ какъ Государственный банкъ не принималъ комиссій отъ частныхъ лицъ. Словомъ, успѣхъ новаго кредитнаго учрежденія имѣлъ огромное вліяніе на развитіе частной финансовой дѣятельности въ Россіи и въ особенности въ Петербургѣ. Положительно можно сказать, что постройки нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ не могли бы состояться безъ посредства общества взаимнаго кредита.

Въ то же время общество это являлось обильнымъ рессурсомъ для Государственнаго банка, который весьма часто страдалъ недостаткомъ въ средствахъ; подкрѣпленіе же кассъ банка

путемъ выпуска пресловутыхъ 4%-ныхъ металлическихъ билетовъ встрѣчало значительныя затрудненія въ томъ, что билеты эти, при повсемѣстной нуждѣ въ наличныхъ деньгахъ, притекали обратно къ банковымъ кассамъ для обмѣна на кредитные билеты. Располагая крупною наличностью, достигавшею иногда 40 милл. руб., общество взаимнаго кредита удѣляло банку часть своихъ свободныхъ средствъ, а банкъ передавалъ ему 4%-ные билеты съ тѣмъ, чтобы общество ихъ отъ себя никому уже не выдавало. Этимъ способомъ было сбережено для казны до 8 мил. руб. Слѣдовательно, не Государственный банкъ снабжалъ общество взаимнаго кредита деньгами, а наоборотъ. На этомъ обстоятельствѣ я останавливаюсь въ виду часто возводившихся на меня обвиненій въ томъ, что я будто снабжалъ общество взаимнаго кредита деньгами изъ суммъ Государственнаго банка. Это совершенная неправда: общество было всегда кредиторомъ Государственнаго банка.

Слѣдуетъ замѣтить, что общество съ самаго основанія стремилось какъ можно менѣе обращаться къ Государственному банку, ведя все дѣло своими собственными средствами и, въ частности, вкладами своихъ членовъ, которымъ оно придало удобное обращеніе въ формѣ текущихъ счетовъ и платежей по чекамъ. Словомъ, система чековъ, благодаря примѣру общества взаимнаго кредита и Государственнаго банка, вошла немедленно въ нравы торговаго сословія и сдѣлалась любимой операціей, дотолѣ неизвѣстной въ Россіи.

Успѣхъ общества взаимнаго кредита былъ полный. Члены общества впервые почувствовали, что они работаютъ у себя дома, что они сами хозяева своего дѣла и могутъ не обращаться съ просьбами о кредитѣ къ учрежденію казенному, гдѣ надо стараться пріобрѣсти благорасположеніе какого-то начальства. Каждый шелъ въ общество взаимнаго кредита какъ къ себѣ, переговаривалъ о своихъ нуждахъ и несъ свои наличныя деньги съ сознаніемъ пользы ихъ употребленія для своихъ товарищей.

Благопріятные результаты дѣятельности общества все болѣе и болѣе усиливали приливъ къ нему новыхъ членовъ. Кромѣ лицъ купеческаго сословія, чиновники, разночинцы и другіе сознавали выгоду въ помѣщеніи своихъ капиталовъ въ формѣ текущихъ счетовъ и въ видѣ вкладовъ или взносовъ, такъ какъ обороты каждаго года давали все большій и большій процентъ на внесенный капиталъ. Третій годъ уже далъ въ результатѣ 15% на внесенный капиталъ, составлявшій только 10% того кредита, которымъ располагалъ каждый членъ общества подъ взаимнымъ ручательствомъ всѣхъ другихъ членовъ. Понятно,

что при такихъ условіяхъ кредитъ общества былъ незыблемъ и что вкладчики не могли имѣть никакого сомнѣнія относительно судьбы своихъ капиталовъ. Такимъ образомъ, общество шло съ каждымъ годомъ къ большему и большему развитію и, наконецъ, прибыль его составляла уже 20, 25 и 30%. Сообразно съ этимъ члены правленія получали уже довольно значительное вознагражденіе. Такъ въ четвертый годъ имъ причиталось по 7 тыс. р. въ слѣдующій годъ—по 12 тыс. р., а затѣмъ и болѣе до 27 тыс. р. Въ это время по иниціативѣ самихъ же членовъ правленія, размѣръ вознагражденія былъ уменьшенъ съ 15% до 10% чистой прибыли.

Между тѣмъ, на Петербургскомъ биржевомъ рынкѣ произошло новое явленіе: нѣкоторая удача частныхъ предпріятій, самаго общества взаимнаго кредита и другихъ банковъ, которые начали возникать въ это время, содѣйствовала тому, что всѣ капиталы устремились въ промышленныя предпріятія и акціонерныя компаніи. Словомъ, Петербургъ подпалъ подъ то же вліяніе, которое обнаружилось во всей Европѣ. Въ члены общества взаимнаго кредита начали поступать уже не только лица изъ купеческаго сословія, но и биржевики, и разнаго рода спекулянты, которыхъ размножилось въ нашей столицѣ огромное количество. Сумма взносовъ на текущій счетъ въ обществѣ начала уже превышать торговыя потребности членовъ и должна была искать себѣ новыя помѣщенія. Въ эту пору разные предприниматели и въ особенности строители желѣзныхъ дорогъ, комиссіонеры стали обращаться къ обществу съ требованіями значительныхъ суммъ, которыя общество въ состояніи было ссужать имъ уже не въ видѣ учета, но исключительно подъ залогъ представляемыхъ ими бумагъ.

Положеніе, занятое тогда обществомъ взаимнаго кредита, сдѣлалось первостепеннымъ. Всѣ новые банки, учредившіеся въ то время, не могли бы осуществиться безъ помощи и поддержки со стороны общества взаимнаго кредита. Число членовъ общества дошло тогда до девяти тысячъ, сумма взносовъ на текущій счетъ превышала 40 и болѣе милліоновъ. Нельзя поэтому ставить въ вину обществу, что оно отразило на себѣ общее движеніе торговли и промышленности и что собственно коммерческая часть его членовъ сдѣлалась уже меньшинствомъ.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

XVI [1]).

Оставленіе Е. И. Ламанскимъ должности предсѣдателя правленія взаимнаго кредита.—Обнаружившіеся въ дѣлахъ общества, при новомъ составѣ правленія, непорядки и мѣры, принятыя къ ихъ устраненію.—Учрежденіе акціонерныхъ банковъ краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита.

Съ каждымъ годомъ усиливавшееся развитіе операцій общества взаимнаго кредита и соотвѣтствующее увеличеніе вознагражденія членовъ его правленія начало обращать на себя вниманіе чиновничьихъ круговъ. Въ 69 или 70-мъ году мнѣ было уже оффиціально заявлено о невозможности для меня, какъ управляющаго Государственнымъ банкомъ, оставаться болѣе во главѣ общества взаимнаго кредита. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы успокоить общественное мнѣніе, не всегда доброжелательно относившееся къ игравшему первостепенную роль кредитному учрежденію, я удалилъ общество взаимнаго кредита изъ зданія Государственнаго банка въ особое помѣщеніе въ домѣ Лѣсникова, которое общество занимаетъ и понынѣ. Съ этого времени я оставилъ всякое участіе въ дѣлахъ общества, и мѣсто мое занялъ одинъ изъ членовъ правленія, извѣстный торговецъ книгами Я. А. Исаковъ.

Въ 1871 году на одномъ изъ общихъ собраній общества всѣ члены его, которые уже неоднократно приносили мнѣ благодарность за созданіе общества и доведеніе до процвѣтанія его дѣлъ, обратились ко мнѣ съ просьбою не отдѣлять себя отъ общества и принять участіе почетнаго члена его совѣта. Я

[1]) См. „Русская Старина“ октябрь 1915 г.

имѣлъ неосторожность принять это званіе, не обязывавшее меня въ сущности ни къ чему, кромѣ платоническаго направленія дѣлъ и посѣщенія нѣсколько разъ въ годъ засѣданій совѣта.

Съ моимъ уходомъ и по занятіи должности предсѣдателя правленія Исаковымъ, общество утратило отчасти свой прежній характеръ. Нѣкоторые изъ бывшихъ служащихъ, какъ, напримѣръ, кассиръ Касаткинъ, вошли въ составъ новаго правленія. Въ связи съ этимъ мало по малу во внутреннемъ управленіи дѣлами общества произошли значительныя измѣненія. Говорили, что какъ въ правленіи, такъ и, въ особенности, въ сношеніяхъ съ публикою, съ маклерами и другими дѣльцами биржи началъ играть роль Касаткинъ, который посадилъ вмѣсто себя на должность кассира пріятеля своего и близкаго друга Британева. Слухи ходили, что Касаткинъ принималъ въ это время значительное участіе въ разныхъ биржевыхъ спекуляціяхъ. И, дѣйствительно, я долженъ сказать, что первые его шаги на этомъ поприщѣ ознаменовались блистательнымъ успѣхомъ. Онъ вошелъ въ сношеніе съ самыми богатыми и сильными домами и имѣя вмѣстѣ съ ними участіе въ предпріятіяхъ, которыя приносили значительныя прибыли, успѣлъ нажить себѣ порядочный капиталъ. Между тѣмъ, въ описываемое время биржевая игра или спекуляція, сопровождавшаяся на первыхъ порахъ большими выгодами и барышами, начала вступать уже въ періодъ перелома или кризиса.

Рядомъ съ этимъ, Исаковъ началъ вводить въ составъ общества разныхъ личностей, большею частью по книжной торговлѣ и по издательскимъ предпріятіямъ, открывая имъ кредитъ, котораго они не заслуживали. Въ частности, онъ принималъ векселя лицъ, оказавшихся впослѣдствіи несостоятельными и, затѣмъ, чтобы не терять уплаченныхъ денегъ, учитывалъ эти векселя въ обществѣ. Однимъ словомъ, мало по малу, главными кліентами общества сдѣлались маклеры и спекулянты, которые закладывали разныя бумаги, начавшія потомъ падать въ цѣнѣ. Во время рѣдкихъ своихъ посѣщеній члены совѣта обращали вниманіе членовъ правленія и указывали имъ на уклоненіе дѣятельности общества отъ предначертанной ему при самомъ учрежденіи цѣли. Въ частности, члены совѣта и, преимущественно, я вмѣняли членамъ правленія въ обязанность не кредитоваться въ обществѣ ни на какія суммы и строго наблюдать за невыдачею ссудъ подъ залогъ бумагъ, не имѣющихъ постоянной и прочной цѣнности на Петербургской биржѣ.

Несмотря на это, мало по малу, Бритневъ какъ своимъ именемъ, такъ и именами разныхъ другихъ лицъ, тоже членовъ общества, успѣлъ получить значительныя ссуды подъ бумаги, биржевая цѣна которыхъ частью оказалась ниже выданныхъ подъ нихъ ссудъ.

Благодаря вліянію Касаткина, кассиръ Бритневъ получилъ огромное значеніе въ обществѣ. По порученіямъ Исакова, онъ былъ въ сношеніяхъ со всѣми вліятельнымя лицами, записанными въ члены общества, устраивалъ ихъ дѣла, совѣтывалъ пріобрѣтать тѣ или другія бумаги и даже, какъ сдѣлалось впослѣдствіи извѣстнымъ, имѣлъ весьма близкія отношенія къ контролеру Министерства Императорскаго Двора—барону Кистеру, производя для него крупныя операціи по покупкѣ и продажѣ бумагъ. Многіе изъ членовъ общества, какъ напримѣръ Опочининъ, оставляли ему цѣлыя книжки заранѣе подписанныхъ чековъ. Пользуясь довѣріемъ членовъ правленія, Бритневъ сдѣлался почти единственнымъ хозяиномъ кассы, удалилъ отъ нея всѣхъ артельщиковъ, входилъ въ нее одинъ, что было противно правиламъ совѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подчинилъ служащихъ своему вліянію и завѣдываніе дѣлами общества, благодаря непонятливости Исакова, перешло мало по малу въ руки Бритнева, который самъ повѣрялъ всѣ свои дѣйствія. Безспорно лично я не могу не винить въ такомъ направленіи дѣлъ и бухгалтера Даніельсона, поставленнаго для контроля за правильнымъ веденіемъ счетовъ и за операціями общества.

Но какъ бы то ни было паденіе цѣнъ многихъ бумагъ и разразившійся на биржѣ въ 1872—1873 годахъ крахъ безспорно привели многихъ спекулянтовъ къ значительнымъ потерямъ. Въ чистѣ потерявшихъ оказался, разумѣется, Касаткинъ, и, вѣроятно, Бритневъ, производившій уже въ то время значительныя операціи за свой счетъ на имена разныхъ кліентовъ банка, давшихъ ему полномочія дѣлать займы и другіе обороты подъ своимъ именемъ. Вмѣсто того, чтобы рѣшиться принять на себя эти потери, и Касаткинъ и Бритневъ предпочли перенести ихъ путемъ подлоговъ на общество. Касаткинъ вскорѣ послѣ этого захворалъ, уѣхалъ за границу и умеръ въ Каирѣ. По смерти Касаткина оказалось, что онъ долженъ былъ обществу подъ залогъ разныхъ болѣе или менѣе прочныхъ бумагъ до 600.000 руб. На первое время бумаги эти не представляли значительныхъ опасеній для общества; послѣднее могло потерять на нихъ сто, двѣсти тысячъ рублей, и это не причинило

бы ему, конечно, значительнаго убытка, а отразилось бы только на уменьшеніи дивиденда одного года. Къ тому же расцѣнка многихъ изъ обезпечивавшихъ означенный долгъ бумагъ могла съ теченіемъ времени улучшиться. Совѣтъ общества тогда же принялъ мѣры къ постепенной реализаціи всѣхъ этихъ бумагъ, чтобы уменьшить возможность дальнѣйшей на нихъ потери. Но у совѣта, который вмѣстѣ съ тѣмъ приступилъ и къ повѣркѣ всѣхъ дѣлъ въ кассѣ, а также всѣхъ журналовъ, не было никакого сомнѣнія въ томъ, что, кромѣ указанныхъ потерь, въ обществѣ могли существовать подлоги и недостатки въ обезпеченіяхъ, какъ это и открылось впослѣдствіи. Правда, было извѣстно, что Касаткинъ былъ женатъ на дочери Синебрюхова, очень богатаго человѣка. Поэтому, предоставлялось возможнымъ на первыхъ порахъ разсчитывать, что хотя дѣла, въ которыхъ участвовалъ Касаткинъ, и могли придти въ разстройство вслѣдствіе его болѣзни, а потомъ и смерти, и что дѣйствительнаго ущерба они обществу еще не нанесутъ. Между тѣмъ, учрежденіе опеки надъ Касаткинымъ и отклоненіе отъ себя отвѣтственности по дѣламъ своего зятя со стороны Синебрюхова повлекли за собою необходимость продажи принадлежавшихъ Касаткину бумагъ и списанія обнаружившихся при этомъ убытковъ съ прибылей общества. Понятно, въ виду значительности прибылей общества, списаніе это не могло имѣть серьезнаго вліянія на его дѣла. Для характеристики же Синебрюхова достаточно сказать, что онъ вышелъ изъ членовъ правленія и вмѣсто того, чтобы принять участіе въ устройствѣ дѣлъ Касаткина, поставилъ себя въ совершенно постороннее къ нимъ отношеніе и даже пріобрѣлъ за свой счетъ заложенный домъ Касаткина. На ряду съ реализаціею дѣлъ Касаткина открылись потери и на бумагахъ, принадлежавшихъ разнымъ другимъ членамъ, которые были болѣе или менѣе связаны въ своей дѣятельности съ предпріятіями Касаткина.

Такимъ образомъ дѣло шло до 1877 года, когда въ свою очередь Бритневъ сдѣлался настолько боленъ, что долженъ былъ оставить занятія и передать дѣла своему помощнику. Послѣдній заявилъ, однако, правленію, что онъ принять кассы не можетъ, потому что въ кладовой общества недостатокъ на большую сумму залоговъ, принятыхъ Бритневымъ. Немедленно была сдѣлана провѣрка кладовой, дѣйствительно обнаружившая весьма значительный недостатокъ въ обезпеченіяхъ, который скрывался подъ ложными записями въ книгахъ банка, такъ что никакія повѣрки членами совѣта не могли, при существу-

ющемъ порядкѣ отчетности, обнаружить подлоговъ Бритнева. Такъ какъ онъ одинъ завѣдывалъ кладовою и отвѣчалъ за принятые залоги, то при каждой провѣркѣ со стороны членовъ совѣта, когда требовались залоги и ихъ на-лицо не было, Бритневъ представлялъ книгу общества, заключавшую списокъ бумагъ, переданныхъ въ Государственный банкъ; въ этой книгѣ, между строкъ, были вписываемы несуществующіе залоги. Въ концѣ же извѣстныхъ страницъ той книги, при которой вносились залоги въ Государственный банкъ, выводилась общая сумма залоговъ, въ полученіи которой была всегда росписка кассира банка.

Плодомъ невниманія, непониманія своихъ обязанностей и неряшливаго отношенія къ дѣлу со стороны членовъ правленія было то, что Бритневъ свободно скрывалъ свои подлоги въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и, сверхъ того, при подчиненіи себѣ всего контроля по текущимъ счетамъ, могъ дѣлать всевозможныя неправильныя выдачи не только однимъ своимъ вліяніемъ, но и благодаря сознательному соучастію въ его плутняхъ всѣхъ служащихъ, которые вели завѣдомо неправильные счета, потому что имъ такъ было приказано.

Когда обнаружились потери общества отъ подлоговъ и покражъ, учиненныхъ служащими, то совѣтъ съ цѣлью поддержать общество, рѣшился покрыть эти потери и объявить о томъ всѣмъ членамъ, чтобы предупредить напрасный страхъ и опасенія каждаго изъ нихъ за свои деньги. Рядомъ съ этимъ совѣтъ поручилъ правленію начать уголовное преслѣдованіе противъ служащихъ, какъ Бритнева, такъ и его сподвижниковъ, нисколько не имѣя основанія подозрѣвать въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ кого-нибудь изъ членовъ правленія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для устройства дѣлъ общества надо было принять болѣе строгія мѣры. Руководствуясь этимъ побужденіемъ, совѣтъ рѣшилъ, что ни входящіе въ его составъ члены, ни члены правленія не могутъ принимать болѣе участія въ управленіи дѣлами общества. Было созвано особое собраніе, гдѣ всѣ члены совѣта и члены правленія сложили съ себя свои званія. Предъ этимъ общимъ собраніемъ у меня состоялись частныя собранія, на которыя были приглашены наиболѣе вліятельные члены общества, по общему согласію рѣшившіе не давать погибнуть обществу и поддерживать его всѣми возможными мѣрами. Тутъ были намѣчены другія лица въ члены правленія и въ члены совѣта, за исключеніемъ меня и Н. И. Погребова, которыхъ попросили оставаться по-прежнему въ совѣтѣ.

Однимъ словомъ общество было поддержано благодаря моей личной энергіи, выразившейся, между прочимъ, и въ томъ, что я испросилъ обществу на первое время поддержку изъ Государственнаго банка. Вслѣдствіе принятыхъ мѣръ, черезъ полтора года послѣ этого краха общество уже вполнѣ оправилось. Всѣ потери были покрыты изъ членскихъ взносовъ, сокращенъ былъ соотвѣтственно этому кредитъ для лицъ, не желавшихъ пополнить потери новыми взносами, и затѣмъ рѣшено было удовлетворить всѣхъ потерпѣвшихъ отдѣленіемъ извѣстной части изъ прибылей въ продожненіе нѣсколькихъ лѣтъ, начиная это вознагражденіе для лицъ, поступившихъ въ послѣдніе годы и кончая лицами, вступившими въ годъ основанія общества.

Черезъ семь лѣтъ всѣ убытки и потери были возмѣщены, и съ 1885 года общество вошло снова въ нормальное положеніе. Такимъ образомъ, польза, приносимая имъ торговлѣ, была сохранена и всѣ его участники были вполнѣ вознаграждены.

Немаловажную помѣху въ предпринятомъ упорядоченіи дѣлъ общества составляли разныя интриги со стороны лицъ, желавшихъ попасть въ правленіе. Въ частности, Бабстъ вмѣсто устройства дѣлъ общества заботился лично о себѣ, сдѣлался предсѣдателемъ правленія, выговорилъ себѣ 15.000 р. жалованья, объявилъ всѣмъ, что общество несостоятельно и должно, по крайней мѣрѣ 52% потерять, и началъ продавать бумаги, которыя оставались въ залогѣ не выкупленными. Своей излишней торопливостью онъ нанесъ обществу вредъ, продавъ, напримѣръ, бумаги Варгунина и другихъ лицъ по 300 р., тогда какъ черезъ нѣсколько дней онѣ стоили 450 р., и потомъ вдругъ неожиданно для всѣхъ отказался отъ общества.

Вслѣдъ за обществомъ взаимнаго кредита, въ Россіи начинаютъ постепенно устраиваться и частные коммерческіе банки на акціяхъ—банки депозитные. Къ сожалѣнію, при устройствѣ частныхъ банковъ Министерство Финансовъ отступило отъ коренной системы, положенной въ основу дѣятельности Государственнаго банка, которому было запрещено выдавать на вносимые въ банкъ вклады безъимянные билеты, передаваемые изъ рукъ въ руки и размѣнные въ срокъ по предъявленіи, такъ какъ подобнаго рода билеты могли составлять нежелательную конкурренцію съ денежными знаками. Указаннаго ограниченія не было, однако, первое время включаемо въ уставы частныхъ

коммерческихъ банковъ, и это вскорѣ повело къ возникновенію разныхъ злоупотребленій: явились фиктивныя ссуды подъ обезпеченіе якобы билетовъ, внесенныхъ на вклады, какъ это извѣстно изъ исторіи Кронштадтскаго Коммерческаго и нѣкоторыхъ другихъ банковъ.

Первымъ акціонернымъ банкомъ былъ образованный по почину Е. Е. Брандта, въ 1864 году, С.-Петербургскій Частный Коммерческій банкъ. До какой степени было трудно въ то время устройство банка, видно изъ того, что учредители обратились къ правительству съ ходатайствомъ принять участіе въ составленіи основного капитала банка, и Министерство Финансовъ, для поощренія частной предпріимчивости, разрѣшило Государственному банку купить на милліонъ рублей акцій Частнаго банка. Это было сдѣлано по ходатайству учредителя Банка Е. Е. Брандта предъ министромъ финансовъ Рейтерномъ, который понималъ необходимость содѣйствія учрежденію частныхъ банковъ.

Вторымъ по времени учрежденія частнымъ акціонернымъ банкомъ является Московскій Купеческій банкъ (1866 г.). Затѣмъ, по старшинству, идутъ: С.-Петербургскій Международный Коммерческій банкъ (1869 г.), С.-Петербургскій Учетный и Ссудный банкъ (1869 г.), Волжско-Камскій Коммерческій банкъ (1870 г.) и другіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по примѣру Петербургскаго общества взаимнаго кредита, стали возникать такія же общества и въ другихъ городахъ.

Лично я не принималъ участія ни въ одномъ изъ вновь учреждавшихся банковъ, хотя всѣ ихъ уставы были составляемы по совѣщанію со мною, исключая устава Частнаго коммерческаго банка. Проектъ устава Учетно-ссуднаго банка выработанъ былъ Рафаловичемъ и Варгунинымъ, которые пріѣзжали ко мнѣ на дачу для пересмотра составленнаго ими проекта. Я уговорилъ Рафаловича пригласить въ составъ этого банка представителей отъ русскаго купечества, благодаря чему Полежаевъ и Елисѣевъ сдѣлались участниками въ учетно-ссудномъ банкѣ.

Одна изъ главныхъ операцій частныхъ акціонерныхъ банковъ въ первое время ихъ существованія заключалась, какъ было уже сказано, въ кредитованіи вновь возникавшихъ желѣзнодорожныхъ обществъ и ихъ учредителей. Эти послѣдніе выдавали свои векселя, не имѣвшіе торговаго значенія, и получали подъ нихъ отъ частныхъ банковъ ссуды, потребныя для внесенія залоговъ и созданія первоначальныхъ капиталовъ же-

лѣзнодорожныхъ предпріятій. Дѣятельность частныхъ банковъ въ этомъ направленіи приняла тѣмъ большіе размѣры, что съ 1864 года, когда публика уже нѣсколько попривыкла къ процентнымъ бумагамъ, правительство въ своемъ стремленіи поддержать устройство у насъ желѣзныхъ дорогъ, приняло само облегчительную систему разрѣшенія сооруженія новыхъ дорогъ частнымъ предпринимателямъ. Концессіи, хотя выдавались по оцѣночнымъ вѣдомостямъ, но съ такъ называемыми оптовыми контрактами, т. е. правительство опредѣляло общую сумму капитала, необходимаго на устройство извѣстной желѣзной дороги, требовало отъ учредителей компаніи выпуска акцій для покрытія одной четвертой части всѣхъ исчисленныхъ расходовъ съ отнесеніемъ остальныхъ трехъ четвертей этихъ расходовъ на облигаціонный капиталъ. При этомъ компаніямъ разрѣшалось сдавать постройку линій оптовымъ подрядчикамъ. Система эта, заимствованная изъ Франціи, привела къ слѣдующему результату. Какъ только капиталъ дороги былъ утвержденъ правительствомъ и внесенъ былъ залогъ, который, обычно, пріобрѣтался при помощи кредита въ банкахъ, то учредители, прежде всего, стремились найти такого оптоваго подрядчика, который сдѣлалъ бы скидку съ установленной правительствомъ стоимости постройки. Если дорога, положимъ, цѣнилась при выдачѣ концессіи въ 75.000.000 руб., считая всѣ расходы на реализацію капитала, на постройку линій, на пріобрѣтеніе подвижного состава и т. д. и если подрядчикъ дѣлалъ скидку, предполагалъ, напримѣръ, выстроить дорогу за 50 милл. руб., то разница между этою суммою съ добавленіемъ къ ней издержекъ по реализаціи и первоначально опредѣленною стоимостью дороги составляла прибыль концессіонеровъ, которые приступали къ ея дѣлежу еще до начала постройки дороги. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ концессіонеры являлись въ то же время и подрядчиками; тогда чистая прибыль ихъ еще возрастала. Я хорошо помню, когда была утверждена концессія на Орловско-Витебскую желѣзную дорогу. Вскорѣ послѣ образованія частнаго коммерческаго банка, мнѣ пришлось участвовать вмѣстѣ съ концессіонерами въ обѣдѣ, на которомъ Марксъ и Гернгроссъ хвастались, что одинъ изъ нихъ имѣетъ 350.000 руб. барыша, а другой 700.000 руб. Итакъ первая операція возникшихъ въ періодъ времени съ 1864 по 1870 гг. банковъ состояла въ поддержкѣ того или другого предпріятія по желѣзнодорожнымъ концессіямъ.

Что касается средствъ, необходимыхъ для продолженія по-

строекъ, то правительство выдавало на этотъ предметъ авансы въ счетъ будущей реализаціи облигацій. Размѣщеніе же желѣзнодорожныхъ акцій и облигацій среди публики производилось путемъ особой на нихъ подписки. Первыя подобнаго рода публичныя подписки дѣлались чрезъ общество взаимнаго кредита, затѣмъ конкуррентами ему явились и другіе частные банки.

Отмѣченная дѣятельность частныхъ банковъ понятно усиливала операцію ссудъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ, распространяла учетную вексельную операцію и содѣйствовала вообще оживленію биржевыхъ оборотовъ и даже нѣкотораго рода просто спекуляціямъ. Сдѣлкамъ этого послѣдняго характера особенно способствовали два выигрышныхъ займа въ 100.000.000 руб каждый.

Въ 1871 году въ Петербургѣ учрежденъ былъ Русскій для внѣшней торговли банкъ. Банкъ этотъ, имѣвшій своею цѣлью предоставить русскимъ купцамъ болѣе удобный способъ кредитоваться за границею и войти въ болѣе близкія сношенія съ иностранными торговыми домами, образовался по мысли главныхъ банкирскихъ домовъ. Тогда у насъ уже существовали извѣстныя фирмы: Гвинера—очень старинная и почтенная, Гинсбурга, получившая, несмотря на свое недавнее возникновеніе, серьезное вліяніе въ нашихъ дѣловыхъ кругахъ, послѣ Крымской кампавіи, Винекена, Мейера и др. По утвержденіи устава банка возникъ вопросъ о томъ, кто приметъ на себя предсѣдательствованіе въ этомъ банкѣ. Участвовавшіе въ созданіи банка банкирскіе дома, дабы не давать первенства кому-либо изъ своей среды, обратились къ министру финансовъ — М. Х. Рейтерну съ просьбою разрѣшить предсѣдательствованіе въ этомъ банкѣ управляющему Государственнымъ банкомъ. Я принялъ это предложеніе и пробылъ предсѣдателемъ правленія Русскаго для внѣшней торговли банка года 3—4, а затѣмъ оставилъ эту должность, такъ какъ, основавши банкъ, общество распалось, дѣло перешло въ второстепенныя руки и самъ банкъ имѣлъ уже отдѣленіе въ Лондонѣ.

Помимо учрежденій краткосрочнаго кредита въ разсматриваемое время стали возникать и установленія долгосрочнаго кредита. Какъ было уже сказано въ своемъ мѣстѣ, выработавшая въ 1859 году планъ переустройства нашей банковой системы комиссія высказалась въ пользу устройства у насъ земельнаго кредита при помощи мѣстныхъ земскихъ банковъ, по возможности, съ участіемъ самихъ землевладѣльцевъ или частной акціонерной компаніи. Одобривъ эту мысль, комитетъ

финансовъ образовалъ при министерствѣ финансовъ особую комиссію для начертанія проекта объ устройствѣ земскихъ банковъ. Въ дѣйствительности, однако, первыя, послѣ реформы, учрежденія долгосрочнаго кредита вылились въ форму городскихъ кредитныхъ обществъ, выдававшихъ ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ. Одно изъ такихъ обществъ учреждено было въ 1861 году—въ С.-Петербургѣ, другое въ 1862 году—въ Москвѣ. Что же касается долгосрочнаго кредита подъ недвижимыя имѣнія въ сельскихъ мѣстностяхъ, то первымъ установленіемъ этого рода явился учрежденный въ 1864 году въ г. Херсонѣ—Земскій херсонскій банкъ. Такимъ образомъ, помѣщики имѣли нѣкоторыя основанія жаловаться на то, что на первыхъ порахъ, по прекращеніи ссудъ изъ прежнихъ банковъ, они были лишены долгосрочнаго кредита. Жалобамъ этимъ не слѣдуетъ, впрочемъ, придавать преувеличеннаго значенія. Необходимо помнить, что помѣщики, при проведеніи крестьянской реформы, освобождались отъ уплаты тѣхъ долговъ, которые лежали ранѣе на ихъ имѣніяхъ. Слѣдовательно, они были поставлены только въ затрудненіе заложить оставшуюся имъ очищенною отъ всякихъ долговъ землю. Но и въ этомъ отношеніи нельзя не напомнить, что, по освобожденіи крестьянъ, помѣщики получали на руки нѣкоторую долю выкупныхъ свидѣтельствъ; поэтому у нихъ не могло быть настоятельной нужды въ новомъ залогѣ собственности. Но какъ бы то ни было устройство земельныхъ банковъ нѣсколько запоздало. Съ своей стороны государство не имѣло возможности придти на помощь помѣщикамъ денежными капиталами, такъ какъ на немъ лежала огромная обязанность по ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій, которая на первыхъ порахъ оказалась довольно тяжелою. Такимъ образомъ, при продолжающихся затрудненіяхъ финансоваго хозяйства, при постоянныхъ дефицитахъ само государственное казначейство не могло, разумѣется, взять на себя устройство земельнаго кредита, а должно было предоставить это дѣло частной предпріимчивости, энергично принявшейся за насажденіе у насъ земельныхъ банковъ.

Въ 1866 году образовалось общество взаимнаго поземельнаго кредита, а затѣмъ въ періодъ времени съ 1871 по 1873 гг. возникло десять акціонерныхъ земельныхъ банковъ—Харьковскій, Полтавскій, Тульскій, Кіевскій, Нижегородско-Самарскій, Московскій, Ярославско-Костромской, Виленскій, Бессарабско-Таврическій и Донской. Закладные листы общества взаимнаго поземельнаго кредита оплачивались звонкою монетою, въ виду

чего и платежи по ссудамъ этого общества должны были вноситься по разсчету на металлическій рубль. Наконецъ, въ 1873 году учрежденъ былъ въ Петербургѣ—Центральный банкъ русскаго поземельнаго кредита, имѣвшій цѣлью облегчить размѣщеніе облигацій земельныхъ банковъ, писанныхъ на кредитную валюту и не находившихъ себѣ достаточнаго спроса на русскихъ биржахъ. Банкъ этотъ долженъ былъ взамѣнъ облигацій земельныхъ банковъ, писанныхъ на кредитную валюту, выпускать облигаціи металлическія, помѣщаемыя за границею, становясь такимъ образомъ посредникомъ между иностранными рынками и акціонерными земельными банками и городскими кредитными обществами, возникавшими въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ ожиданіи постояннаго повышенія вексельнаго курса чуть ли не до нормальнаго уровня, правительство не встрѣтило препятствія къ допущенію выпуска облигацій на металлическую валюту. Хотя, въ видѣ собственной моей мысли, я долженъ сказать, что правительство, разрѣшая выпускъ металлическихъ закладныхъ листовъ, должно было возлагать всѣ шансы паденія или повышенія курса на себя, а не на частные банки въ ущербъ частныхъ заемщиковъ, такъ какъ послѣдніе не были, конечно, виноваты, что извѣстныя обстоятельства понизили впослѣдствіи нашъ вексельный курсъ. Я полагаю, что справедливое разрѣшеніе затрудненій, возникшихъ при паденіи курса, могло бы произойти на совершенно законномъ основаніи, если бы правительство заставляло каждаго заемщика вносить причитающіеся съ него платежи по тому курсу, по которому онъ получилъ ссуду изъ банка, но не болѣе.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній Евгенія Ивановича Ламанскаго.

(1840—1890 гг.).

(Окончаніе).

XVII [1]).

Экономическое и финансовое положеніе Россіи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.—Краткая характеристика результатовъ дѣятельности Государственнаго банка за этотъ періодъ времени.—Отношенія къ Государственному банку министровъ финансовъ: Рейтерна, Грейга, Абазы и Бунге.

Открытый правительствомъ въ 1862 году размѣнъ кредитныхъ билетовъ долженъ былъ быть, какъ мы видѣли выше, прекращенъ по политическимъ обстоятельствамъ и не привелъ къ намѣченной цѣли. Вмѣстѣ съ тѣмъ смуты въ Польшѣ, пріостановившія операцію размѣна, трѣбовали отъ казны новыхъ расходовъ, новыхъ пожертвованій. Обстоятельства эти въ связи съ опасеніями европейской компликаціи дѣйствовали угнетающимъ образомъ на курсъ, и правительство было поставлено въ необходимость прибѣгать къ разнымъ искусственнымъ мѣрамъ для его поддержанія: къ новымъ займамъ и къ другимъ кредитнымъ операціямъ на короткій срокъ при посредствѣ иностранныхъ банковъ.

Словомъ, реакція, послѣдовавшая послѣ прекращенія размѣна — съ одной стороны, а съ другой стороны—оживленіе желѣзнодорожныхъ предпріятій и увеличеніе затратъ на нихъ, наконецъ, спекуляція, возбужденная выпускомъ бумагъ въ странѣ, еще мало для этого приготовленной—все это безспорно вело къ страшному кризису и потрясенію кредита. Въ 1866 году, вслѣдствіе политическихъ событій въ Европѣ, курсъ нашего кредитнаго рубля сильно поколебался, упавъ сразу до 266 сан-

---

[1]) См. „Русская Старина“ ноябрь 1915 г.

тимовъ за рубль. Положеніе министерства финансовъ дѣйствительно было довольно критическимъ. Наша публика начала уже недоброжелательно обсуждать дѣйствія этого вѣдомства, и одно время былъ очень серьезный разговоръ о томъ, что министръ финансовъ Рейтернъ оставляетъ свой постъ, вслѣдствіе распространявшихся тогда въ обществѣ неудовольствій на его систему веденія финансоваго управленія. Но въ защиту М. Х. Рейтерна должно сказать, что какъ ни были затруднительны обстоятельства, онъ, тѣмъ не менѣе, велъ строго и послѣдовательно дѣло упорядоченія нашего государственнаго хозяйства. Государственный бюджетъ съ 1863 года началъ публиковаться, въ 1866 году появился первый отчетъ Государственнаго Контроля. Ежегодно собирался комитетъ для ограниченія государственныхъ расходовъ, хотя, несмотря на это, какъ сверхсмѣтные кредиты, такъ и чрезвычайные расходы, испрашиваемые въ теченіе года, все еще расшатывали нашу финансовую систему и ставили министерство въ критическое положеніе. Въ 1866 году Рейтернъ представилъ Государю докладъ, въ которомъ указалъ, въ видѣ программы своего министерства, на нѣкоторыя мѣры, которыя слѣдовало провести. Программа эта была одобрена Государемъ, и Рейтернъ рѣшился отдать всѣ свои силы для ея исполненія. Главная цѣль намѣченныхъ мѣропріятій состояла въ томъ, чтобы, сколько возможно, вызвать и оживить промышленныя силы Россіи, не останавливаясь предъ издержками производительнаго характера. Устройству желѣзныхъ дорогъ здѣсь отводилось главное мѣсто. Въ соотвѣтствіи съ этимъ былъ устроенъ комитетъ для составленія сѣти желѣзныхъ дорогъ, была принята система выпуска желѣзнодорожныхъ облигацій непосредственно отъ самаго правительства и были выработаны новыя условія выдачи концессій съ допущеніемъ состязаній, тогда какъ прежде концессіи выдавались просто по усмотрѣнію.

Въ 1866—1867 годахъ кончилась печальная операція поддержки вексельнаго курса, и правительство приступило, съ цѣлью дальнѣйшаго развитія постройки желѣзныхъ дорогъ, къ постоянному выпуску облигацій за границею. Продолжавшіеся изъ году въ годъ займы въ этомъ видѣ, простиравшіеся до ста и болѣе милліоновъ рублей, безспорно, не могли не имѣть вліянія на поддержку курса. Кромѣ того, отстроенныя уже желѣзныя дороги, соединивъ центры производства съ портами, открыли русскимъ произведеніямъ болѣе обширный, нежели прежде, сбытъ. Такъ, напримѣръ, въ это время получилъ серьез-

ное значоніе отпускъ нашего хлѣба съ волжскихъ пристаней черезъ Одессу за границу. Россія постепенно начинала пользоваться плодами своихъ затратъ.

Параллельно съ развитіемъ желѣзнодорожнаго строительства, Государственный банкъ, послѣ 1867 года, сталъ увеличивать число своихъ конторъ и отдѣленій въ разныхъ мѣстностяхъ государства. Эти учрежденія не могли, съ своей стороны, не вліять какъ на оживленіе торговли, такъ и на упорядоченіе самаго финансоваго хозяйства, потому что отдѣленія банка служили посредниками между центральною кассою министерства финансовъ и мѣстными уѣздными казначействами. Рядомъ съ Государственнымъ банкомъ возникли и частные банки; вслѣдъ за Петербургомъ начали открываться общества взаимнаго кредита и въ другихъ городахъ: въ Москвѣ, въ Харьковѣ, въ Одессѣ, въ Кіевѣ и т. д. Наконецъ, реформа, происшедшая въ податномъ дѣлѣ, уничтоженіе откуповъ, введеніе акцизной системы, нѣкоторыя облегченія для сахарозаводчиковъ—все это не могло не содѣйствовать обновленію хозяйственной жизни страны и къ возникновенію въ Россіи тѣхъ же явленій, которыя мы замѣчаемъ и въ другихъ странахъ. Духъ спекуляціи охватилъ, такъ сказать, всю Россію, и мы помнимъ, до чего доходило дѣло на биржѣ въ 1868 и 1869 годахъ. Всѣ акціи желѣзныхъ дорогъ, пароходствъ и другихъ предпріятій, выигрышные билеты и прочія бумаги стали пріобрѣтать такую значительную премію, что публика, даже не имѣвшая никакихъ капиталовъ, бросилась на пріобрѣтеніе ихъ, закладывая свои цѣнности въ банкахъ. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ самъ Государственный банкъ безспорно не принималъ никакого участія и не могъ, конечно, служить спекулятивной игрѣ на биржѣ, такъ какъ размѣръ ссудъ былъ крайне ограниченъ. Когда же въ 1868—1869 годахъ Петербургъ, Москва, Одесса—однимъ словомъ, всѣ главные города увлеклись биржевою игрою до нездоровыхъ размѣровъ, правительство принуждено было даже прибѣгнуть къ нѣкоторымъ стѣснительнымъ мѣрамъ: Государственный банкъ увеличилъ проценты по ссудамъ, ограничилъ ихъ извѣстными предѣлами, не принималъ залоговъ. Хотя эта послѣдняя операція и была предоставлена банку по уставу, но онъ имѣлъ полную возможность ее не производить, такъ какъ совершеніе всѣхъ вообще операцій составляло не обязанность, а только право банка. Тѣмъ не менѣе, мѣры эти вызвали значительное неудовольствіе, имѣли своимъ послѣдствіемъ паденіе бумагъ и потери со стороны спекулянтовъ. Для противодѣйствія

биржевой игрѣ министерство финансовъ рѣшилось на сокращеніе кредитныхъ билетовъ и на выпускъ спеціально для этой цѣли 5%-ныхъ банковыхъ билетовъ на сумму въ 15 милл. руб., дабы такимъ образомъ отвлечь капиталы отъ спекулятивныхъ бумагъ. Интересно отмѣтить, что, несмотря на полный успѣхъ подписки на этотъ заемъ, требованія на деньги до такой степени были значительны, что Государственный банкъ, въ теченіе слишкомъ года послѣ этого займа, не могъ накопить 12.000.000 руб. кредитными билетами, которые слѣдовало сжечь. Этотъ биржевой кризисъ былъ, можно сказать, и послѣднимъ.

Эпоха 1868—1870 г.г. составляетъ какъ бы переломъ: тутъ уже обнаружились плоды всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя послѣдовали съ начала шестидесятыхъ годовъ. Государственный бюджетъ приходилъ постепенно въ большій порядокъ. Съ другой стороны, пріобрѣтеніе золота съ выпускомъ за него кредитныхъ билетовъ держало твердо все это время нашъ курсъ и, несмотря на страшную войну, которая послѣдовала въ 1870 году между Франціей и Германіей, положеніе Россіи въ финансовомъ отношеніи, какъ и въ политическомъ, оставалось мало тронутымъ. Послѣ 1870—71 г.г., сопровождавшихся по всей Европѣ страшнымъ перемѣщеніемъ капиталовъ, чрезмѣрными займами, заключенными Франціею для уплаты контрибуціи Германіи, русскій денежный рынокъ все болѣе и болѣе упрочивался, благодаря развитію производительныхъ силъ Россіи.

Періодъ времени съ 1870 по 1876 годъ принадлежитъ къ самымъ цвѣтущимъ эпохамъ въ исторіи нашего экономическаго развитія. Государственные бюджеты обнаруживали признаки значительнаго улучшенія финансоваго хозяйства, торговля расширялась, промышленность сдѣлала крупные успѣхи, желѣзныя дороги приносили явные плоды и хотя требовали еще приплатъ по гарантіи со стороны правительства, но съ избыткомъ возмѣщали эти приплаты тѣми косвенными выгодами и пособіями, которыя доставляли казнѣ въ дѣлѣ перевозки почты и казенныхъ тяжестей, въ передвиженіи и размѣщеніи войскъ, наконецъ, даже въ облегченіи и усовершенствованіи дѣятельности самой администраціи, такъ какъ съ желѣзными дорогами была связана и телеграфная служба.

Возникшія въ 1876 году волненія на Балканскомъ полуостровѣ и, въ частности, движеніе въ Сербіи вызвали и въ Россіи подъемъ патріотическаго славянскаго чувства и, въ связи съ обнаружившимся у насъ недружелюбнымъ отношеніемъ къ предпринятымъ въ началѣ царствованія либераль-

ныхъ преобразованіямъ, угрожали затратами и потерями всѣхъ сдѣланныхъ до того пріобрѣтеній. Дѣйствительно, въ 1877 году Россія приняла прямое участіе въ войнѣ съ Турціею, которая обошлась намъ болѣе чѣмъ въ полтора милліарда рублей. Понятно, такія жертвы, если и не уничтожили всѣхъ тѣхъ плодовъ, которые доставили благодѣтельныя реформы шестидесятыхъ годовъ, то значительно ослабили ихъ и наложили на страну новое бремя расходовъ и долговъ, и по сію пору тяготѣющихъ на нашемъ финансовомъ положеніи. Но, несмотря на всю непроизводительность военныхъ расходовъ, вызывавшихся къ тому же не потребностями защиты своей чести или земли, а нашимъ вмѣшательствомъ въ судьбы славянскихъ народовъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ экономическими нуждами Россіи, тѣмъ не менѣе и въ это тяжелое для нашего отечества время результаты преобразованія кредитной системы и, въ частности, устройства Государственнаго банка проявились въ полномъ своемъ блескѣ. Хотя Россія вела войну не съ Западною Европою, а только съ Турціею, все же иностранные рынки оказались для насъ въ значительной степени закрытыми. Нечего было и думать о внѣшнихъ займахъ. Сдѣланная въ этомъ направленіи попытка не увѣнчалась успѣхомъ: внѣшній заемъ 1877 года, нынѣ (въ 1889 году) уже погашенный, былъ заключенъ на весьма тяжелыхъ и, можно даже сказать, неприличныхъ условіяхъ. Но государству необходимо было дѣлать дальнѣйшіе займы, и оно нашло почву для ихъ размѣщенія внутри страны. Всѣ восточные займы были осуществлены въ Россіи. Подобнаго рода операція, немыслимая при старыхъ кредитныхъ установленіяхъ, была совершена Государственнымъ банкомъ, который въ это время выпустилъ займовъ на сумму до 700.000.000 руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ, банкъ выпустилъ до 417.000.000 руб. кредитными билетами. Заслуживаетъ при этомъ особаго вниманія, что означенные билеты были записаны по счетамъ банка въ качествѣ долга Государственнаго казначейства, принимавшаго на себя, такъ сказать, обязательство погасить этотъ долгъ. Здѣсь вполнѣ ярко обнаружилась разница между прежними кредитными билетами и настоящими. Выпускавшіеся во время Крымской кампаніи кредитные билеты являлись долгомъ государства самому себѣ и не возлагали на правительство заботы о ихъ погашеніи. Что же касается до произведеннаго въ періодъ послѣдней войны выпуска въ 417 милл. руб., то эти билеты требовали своего погашенія, дабы выпустившій ихъ Государственный банкъ не лишился

характера торговаго, коммерческаго учрежденія. Безспорно, въ первые, послѣ войны, годы правительство не могло принять какихъ-либо мѣръ къ уменьшенію числа кредитныхъ билетовъ, пока не были уплачены всѣ вызванные войною расходы, но уже въ 1881 году, когда значительная часть военныхъ расходовъ была покрыта, правительство обнаружило заботу о сокращеніи числа кредитныхъ билетовъ, путемъ постепенной уплаты произведенныхъ позаимствованій Государственному банку, и 1 января 1881 года состоялось Высочайшее повелѣніе относительно условій погашенія долга государственнаго казначейства Государственному банку. Если же долгъ этотъ и до сего времени полностью еще не погашенъ, несмотря на прошедшія со дня Высочайшаго Указа 1 января 1881 года восемь лѣтъ, то все же правительство уже уплатило банку въ счетъ своего долга 151 милл. руб., а кредитные билеты на остальные 266 милл. руб. до сихъ поръ являются билетами временно выпущенными, которые казначейство, хотя и не считаетъ себя обязаннымъ немедленно уплатить, но тѣмъ не менѣе признаетъ ихъ своимъ долгомъ; рано или поздно они должны быть уплачены, консолидированы или какъ-либо иначе погашены и не могутъ оставаться постоянно въ балансѣ Государственнаго банка.

Вотъ первая услуга, оказанная переустройствомъ кредитныхъ учрежденій, въ чисто финансовомъ значеніи, въ отношеніи государственнаго казначейства. Но, кромѣ того, съ учрежденіемъ Государственнаго банка значительно облегчалось заключеніе государственныхъ займовъ. Однако, до конца 70-хъ годовъ Государственный банкъ участвовалъ въ выпускѣ займовъ только въ кредитной валютѣ, всѣ же другіе займы на звонкую монету или въ металлической валютѣ были заключаемы чрезъ посредство иностранныхъ банкирскихъ домовъ. Послѣдняго рода займы были выпускаемы всегда по низшей цѣнѣ противъ займовъ, совершаемыхъ въ Россіи, и налагали на государственное казначейство расходы по комиссіи, уплачиваемой банкирамъ. Первый опытъ привлеченія Государственнаго банка къ заключенію металлическихъ займовъ былъ сдѣланъ во время войны: Банку была предоставлена нѣкоторая часть займа 1877 года. По окончаніи войны, когда явилась необходимость реализовать облигаціи желѣзныхъ дорогъ во время министерства Грейга, какъ самъ министръ, такъ и я, въ качествѣ управляющаго банкомъ, настаивали на возможности сдѣлать заемъ въ металлической валютѣ безъ прямого посредства иностранныхъ банкирскихъ домовъ. И, дѣйствительно, Государственный банкъ при-

гласилъ нѣкоторые изъ частныхъ банковъ въ Петербургѣ открыть у себя подписку на этотъ заемъ съ предоставленіемъ имъ за ихъ хлопоты и труды по этой операціи только небольшого комиссіоннаго вознагражденія въ размѣрѣ $^1/_2\%$. На такихъ же основаніяхъ были приглашены и иностранные банкирскіе дома, выступившіе не какъ участники, а просто какъ комисіонеры Государственнаго банка. Такимъ образомъ, банкъ покрылъ весь заемъ, не обременяя государственное казначейство расходами на крупное вознагражденіе банкировъ, которое по всѣмъ прежнимъ выпускамъ составляло отъ 2 до 3—4%.

Подобнаго рода операціею Государственный банкъ воочію доказалъ, что русскій кредитъ вовсе не нуждается въ какомъ-то особомъ воспособленіи со стороны иностранныхъ банкирскихъ домовъ и что операція займа, являясь операціею обоюдо выгодною, вовсе не вызываетъ необходимости прибѣгать къ помощи иностранныхъ торговыхъ домовъ и унижаться предъ ними. Пріемы эти давно оставлены тѣми государствами, которыя пользуются кредитомъ. Франція не дѣлаетъ иначе займовъ, какъ при помощи французскаго банка. Англійскіе билеты котируются между банкирскими домами: кто даетъ большую сумму, тотъ и пріобрѣтаетъ ихъ. Словомъ, и Франція и Англія обходятся безъ посредниковъ изъ среды частныхъ банкировъ. Только тамъ, гдѣ, по выраженію одного нѣмецкаго экономиста, финансы больны, являются доктора—банкиры, которые даютъ публикѣ биржу, сбываютъ облигаціи государственныхъ займовъ за бо́льшую цѣну противъ той, по которой они покупаютъ ихъ отъ правительства, и пользуются огромными процентами за комиссію. Къ сожалѣнію, эта система, только-что начатая Государственнымъ банкомъ, была вскорѣ оставлена. Преемникъ Грейга, министръ финансовъ Бунге даже маленькій заемъ въ 50 милл. руб. золотой 6%-ной ренты по курсу 98% не хотѣлъ предоставить Россіи и уступилъ его банкиру Мендельсону съ значительною выгодою. Въ данномъ случаѣ была примѣнена теорія заключать займы съ высшимъ процентомъ, но возможно ближе къ pari, такъ какъ заемъ, заключенный ниже pari, требуетъ, при конверсіи, прибавки къ капитальной суммѣ. По этому шаблону Бунге выпустилъ заемъ въ 6%, хотя могъ выпустить его и въ 5%. Но какъ бы то ни было и всѣ послѣдующіе затѣмъ займы на металлическую валюту продолжали дѣлать прежнимъ обычнымъ порядкомъ черезъ посредство иностранныхъ банкировъ и не вслѣдствіе отсутствія увѣренности

въ силѣ русскаго кредита, а потому, что иностранные банкиры слишкомъ заинтересованы, чтобы не потерять отъ Россіи такую выгодную комиссію, не говоря уже о другихъ почестяхъ, которыми покрываютъ господъ, дѣлающихъ операціи за счетъ русской казны и не рискующихъ потерею собственнаго капитала.

Въ третьихъ, можно сказать, что переустройство банковъ оказало значительное вліяніе на сокращеніе бывшихъ долговъ казначейства кредитнымъ установленіямъ. Сокращеніе это явилось результатомъ преобразованія и результатомъ, обусловленнымъ, такъ сказать, самою формою преобразованія. При упраздненіи прежнихъ кредитныхъ установленій въ рукахъ казначейства оказался остатокъ отъ капиталовъ Заемнаго и Коммерческаго банковъ, за отчисленіемъ 15 милл. руб. въ основной капиталъ Государственнаго банка. Остатокъ этотъ, а также нѣкоторые казенные вклады были обращены прямо на погашеніе части государственнаго долга кредитнымъ установленіямъ. Затѣмъ, на сокращеніе этого долга не могли не вліять увеличивающіяся съ каждымъ годомъ прибыли отъ коммерческихъ операцій банка и отъ ликвидаціи прежнихъ кредитныхъ установленій. Прибыль по ликвидаціонному балансу Государственнаго банка превышала въ 1880 году 100 милл. руб. и обѣщала въ концѣ концовъ достигнуть 300 милл. руб. Однако, ликвидаціонная операція не была доведена Государственнымъ банкомъ до конца, такъ какъ въ 1886 или 1887 году Бунге изъялъ ее изъ вѣдѣнія банка и перенесъ на счета государственнаго казначейства, возложивъ на послѣднее и уплату по 5%-нымъ банковымъ билетамъ. Подобнаго рода пріемъ, хотя онъ и объяснялся упрощеніемъ счетоводства, былъ совершенно неправиленъ. Вскорѣ затѣмъ и 5%-ные банковые билеты, погашеніе которыхъ было строго сообразовано съ постепенными платежами заемщиковъ банка, были разсрочены на новыя 37 лѣтъ для уменьшенія ежегодныхъ платежей погашенія. Словомъ, операція ликвидаціи билетовъ прежнихъ банковыхъ установленій не доведена была до конца, при чемъ подверглась извращенію положенная въ основу этой операціи первоначальная идея, выработанная наукою на западѣ.

Въ четвертыхъ преобразованіе банковъ облегчило совершеніе выкупной операціи и, въ частности, производство разсчетовъ по выдачѣ выкупныхъ ссудъ.

Наконецъ, въ пятыхъ, нельзя не упомянуть о тѣхъ заслугахъ, которыя банкъ оказалъ въ дѣлѣ облегченія перемѣщенія

суммъ изъ мѣстныхъ казначействъ въ главное казначейство въ Петербургѣ. Государственный банкъ исполняетъ всѣ требованія министерства финансовъ на мѣстахъ и въ Петербургѣ, безъ передвиженія, безъ пересылокъ денегъ для каждой отдѣльной выдачи.

Такимъ образомъ изъ этого краткаго обзора мы видимъ, что Государственный банкъ исполнилъ всѣ поставленныя ему задачи. Каждая изъ этихъ задачъ можетъ быть предметомъ болѣе подробнаго изслѣдованія; мною сдѣлана лишь главная характеристика того, что выполнилъ Государственный банкъ за время своего существованія. Цифровыя данныя о тѣхъ выгодахъ, которыя доставила государственному казначейству реформа банковой системы, можно найти въ таблицахъ прибылей банка.

Ограничиваясь главными выводами о дѣятельности Государственнаго банка и о принесенной имъ финансовому управленію пользѣ, я долженъ въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ отношеніи къ Государственному банку отдѣльныхъ министровъ финансовъ.

Самая реформа государственныхъ кредитныхъ установленій и учрежденіе Государственнаго банка состоялись во время управленія министерствомъ финансовъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. М. Княжевича. Хотя уставъ Государственнаго банка и былъ выработанъ въ особой комиссіи, но тѣмъ не менѣе проведеніе его лежало на А. М. Княжевичѣ—какъ на министрѣ финансовъ. Вскорѣ Княжевича замѣнилъ М. Х. Рейтернъ, который во все время своего продолжительнаго управленія министерствомъ вполнѣ точно поддерживалъ затѣянную реформу государственныхъ кредитныхъ установленій и не уклонялся отъ принятой системы. Хотя временныя финансовыя нужды казначейства и заставляли его иногда отступать отъ прямыхъ указаній устава Государственнаго банка и дѣлать нѣкоторыя нарушенія, но эти нарушенія носили лишь временный характеръ. Онъ не отступалъ отъ основныхъ началъ реформы и при благопріятныхъ условіяхъ приводилъ свои отношенія къ банку въ совершенный порядокъ. Всѣ позаимствованія, которыя государственное казначейство должно было сдѣлать изъ Государственнаго банка, къ 1870 году свелись къ нулю. Точно такъ же и въ отношеніи ссудъ изъ банка министръ финансовъ былъ крайне остороженъ, и только замѣшательство, вызванное военными дѣйствіями и опасеніями за потрясеніе русской торговли и русской промышленности, заставило его, да и не его

одного, а всѣ высшіе финансовые органы правительства, разрѣшить банку, съ особаго Высочайшаго соизволенія, нѣкоторыя отступленія отъ буквы устава. Такимъ образомъ, во время послѣдней войны, банкомъ выданы были нѣкоторыя особенныя исключительныя ссуды для поддержки или значительныхъ учрежденій или такой промышленности, которая имѣла въ глазахъ правительства особую государственную важность. Благодаря такому здравому взгляду на развитіе и поддержку промышленныхъ силъ, можно указать съ гордостью на то, что во время войны Россія не испытала никакихъ значительныхъ кризисовъ, ни потерь, ни банкротствъ, которыя были бы неминуемы безъ этихъ исключительныхъ пособій.

Вслѣдъ за окончаніемъ войны, когда Рейтернъ сошелъ со сцены, министерство финансовъ принялъ генералъ-адъютантъ Грейгъ, который слѣдовалъ вполнѣ политикѣ своего предшественника и даже, какъ мы указали выше, рѣшился проложить дорогу для новой системы металлическихъ займовъ безъ помощи и посредничества иностранныхъ банкировъ. Засимъ генералъ-адъютантъ Грейгъ ни въ чемъ не отступалъ отъ положенія, указаннаго Государственному банку его уставомъ, и являлся въ этомъ отношеніи продолжателемъ системы М. Х. Рейтерна.

Въ короткій періодъ управленія министерствомъ А. А. Абазы былъ изданъ замѣчательный указъ о расплатѣ Государственнаго казначейства съ Государственнымъ Банкомъ за выпущенные во время войны кредитные билеты съ подтвержденіемъ о прекращеніи на будущее время всякихъ позаимствованій Государственнаго казначейства изъ суммъ Государственнаго банка. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи Абаза всецѣло поддерживалъ тѣ положенія, которыя легли на основаніе Государственнаго банка при самой его реформѣ и отличали эту реформу отъ другихъ.

Со вступленіемъ въ управленіе министерствомъ финансовъ извѣстнаго въ педагогическомъ мірѣ профессора Бунге, бывшаго тоже однимъ изъ участниковъ комиссіи 59 года по реформѣ банковъ, начинается рядъ преобразованій, измѣнившихъ совершенно данный Государственному банку характеръ. Одна изъ главныхъ заботъ управленія банка, за все время его существованія, заключалась въ сколько возможно большемъ накопленіи золота, какъ въ размѣнномъ фондѣ, такъ и въ оборотной кассѣ банка. Въ періодъ войны министръ финансовъ имѣлъ нѣкоторое оправданіе продать часть золота для поддержанія вексельнаго курса. Но вслѣдъ за прекращеніемъ войны въ Государственномъ банкѣ

опять начали накопляться значительныя суммы въ звонкой монетѣ. Прискорбное событіе 1 марта 1881 года не могло, конечно, не отразиться на первыхъ же дняхъ быстрымъ понижеміемъ вексельнаго курса. Въ это время Государственный банкъ, располагая извѣстнымъ запасомъ звонкой монеты и стремясь противодѣйствовать паденію курса, приступилъ къ продажѣ извѣстной части золота. Потребность въ такой продажѣ не могла быть значительна, въ особенности, если имѣть въ виду послѣдовавшее вскорѣ за трагическою смертью Императора Александра II успокоеніе умовъ. Но какъ бы то ни было, Государственный банкъ не встрѣтилъ, при производствѣ этой операціи, никакого содѣйствія со стороны частныхъ кредитныхъ учрежденій. Основанные въ Петербургѣ частные банки съ теченіемъ времени приняли характеръ иностранныхъ банковъ и конторъ на акціяхъ, за исключеніемъ лишь Волжско-Камскаго банка, который являлся исключительно русскимъ кредитнымъ учрежденіемъ. Банки эти были въ ближайшихъ отношеніяхъ къ банкирскимъ домамъ иностраннымъ и даже производили много операцій за половинный счетъ, въ ущербъ русскому кредиту. Такъ было и въ разсматриваемомъ случаѣ. Вмѣсто того, чтобы ограничить требованіе на звонкую монету крайнимъ предѣломъ надобности, они усмотрѣли въ этой продажѣ золота новую выгодную для себя операцію. Продажа золота была разрѣшена въ извѣстной суммѣ и на извѣстный срокъ времени— кажется, на десять дней. Всѣ Петербургскіе банки въ первые дни были крайне осторожны въ пользованіи этимъ исключительнымъ предоставляемымъ имъ способомъ, отчасти, быть можетъ, и потому, что не были подготовлены въ своихъ средствахъ къ покупкѣ золота въ Государственномъ банкѣ. Но въ послѣдній день установленнаго для продажи золота срока, всѣ они захватили такія суммы, которыя явно превышали ихъ потребности, а, затѣмъ, съ прекращеніемъ выдачи золота, они стали продавать его за дорогую цѣну. Закъ взялъ больше всѣхъ; кажется, до 5.000.000 руб. Доказавъ этою операціею свое патріотическое настроеніе, Петербургскіе банки продолжали при новомъ министрѣ такого же рода эксплоатацію. Неизвѣстно по какой причинѣ министръ настаивалъ, чтобы Государственный банкъ продавалъ накопившуюся въ его распоряженіи звонкую монету, и когда управляющій банкомъ ограничивалъ продажи золота самыми небольшими суммами, чтобъ не ронять курса кредитнаго рубля, то министръ финансовъ прямо выразилъ свое неудовольствіе, находя, что банку не даютъ настоящей цѣны и

управляющій банкомъ не умѣетъ продавать золота. Неудовольствіе свое онъ вскорѣ осуществилъ на самомъ дѣлѣ, изъявъ изъ веденія управляющаго банкомъ весь запасъ золотой монеты и передавъ ее исключительно управляющему учетно-ссуднымъ банкомъ, который продавалъ золото уже по цѣнамъ неизвѣстнымъ Государственному банку и ставилъ выручаемыя суммы на счетъ государственнаго казначейства. Не говоря уже о томъ, что всякое вздорожаніе золота равнозначуще было паденію курса кредитнаго рубля, трудно объяснить себѣ пользу, которую подобнаго рода операція въ мирное время могла представить для насъ. Сколько мнѣ извѣстно, операція эта сослужила большую службу правительству Италіи, которое въ то время прибѣгло къ займу въ звонкой монетѣ и получило изъ одной Россіи до 60 милл. ф. полуимперіальной монеты.

Что касается отношеній Государственнаго банка къ Государственному казначейству, то главное стараніе новаго министра финансовъ заключалось въ приведеніи Государственнаго банка, сколько возможно ближе, къ типу казеннаго департамента финансоваго управленія. При немъ началось задержаніе распредѣленія прибылей согласно съ уставомъ; при немъ въ первый разъ мы встрѣчаемъ, что прибыли банка показываются за 4 — 5 лѣтъ въ балансѣ и, наконецъ, онъ же сталъ зачислять эти прибыли въ рессурсы Государственнаго казначейства. Всѣ эти мѣропріятія клонились видимо къ установленію большей и большей связи операцій Государственнаго банка съ операціями Государственнаго казначейства, словомъ сказать, къ уничтоженію того самостоятельнаго значенія, которое было положено въ основаніе Государственнаго банка при его учрежденіи. При томъ же министрѣ послѣдовало и совершенное устраненіе банка отъ возложенныхъ на него ликвидаціонныхъ операцій и сліяніе послѣднихъ со счетами Государственнаго казначейства.

Безспорно, эти преобразованія имѣли свое значеніе въ смыслѣ облегченія Государственнаго казначейства, но тѣмъ не менѣе они отнимали отъ Государственнаго банка характеръ будущаго сильнаго кредитнаго учрежденія, которое поддерживаетъ въ странѣ какъ самостоятельное развитіе торговли и промышленности, такъ и прочный государственный кредитъ, основанный на собственныхъ силахъ народа, а не на банковыхъ учрежденіяхъ, располагающихъ капиталами по довѣрію частныхъ лицъ. Однимъ словомъ, при введенныхъ министромъ финансовъ Бунге преобразованіяхъ Государственный банкъ принялъ

характеръ исключительно казеннаго учрежденія. Самое зачисленіе прибылей Государственнаго банка въ составъ статей государственнаго ежегоднаго дохода нельзя разсматривать иначе, какъ непосредственное вторженіе государства въ область частныхъ коммерческихъ интересовъ. Дѣйствительно, въ результатѣ приведенныхъ мѣропріятій государство является предпринимателемъ Государственнаго банка, приглашаетъ вкладчиковъ вносить свои деньги и само пускаетъ ихъ въ оборотъ, въ торговыя операціи, наживая, подобно всякому частному банку, на ихъ деньги прибыли и указывая ихъ какъ одну изъ статей государственныхъ доходовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго положенія, когда государство, не считая возможнымъ допускать устройство банка на акціяхъ, приняло на себя, такъ сказать, надзоръ за установленіемъ, которое было отрѣшено отъ непосредственныхъ обязанностей удовлетворять государственные расходы, въ настоящее время обнаружилось другое явленіе: банкъ сдѣлался оброчною статьею въ государственномъ бюджетѣ, что ставитъ государство въ положеніе, несвойственное его государственной задачѣ. Однимъ словомъ, Государственный банкъ изъ спеціальнаго учрежденія, какимъ онъ былъ въ ряду казенныхъ спеціальныхъ учрежденій, сдѣлался общимъ государственнымъ достояніемъ съ возложеніемъ на него какъ отвѣтственности за потери и убытки, такъ и отвѣтственности за правильное и полезное для торговли и промышленности направленіе дѣла. Между тѣмъ, потребности государства или общегосударственныя надобности могутъ становиться и въ дѣйствительной жизни нерѣдко становятся въ противорѣчіе съ интересами торговли и промышленности. Для поддержанія послѣднихъ можетъ наступить нужда въ дешевомъ кредитѣ, въ уменьшеніи прибылей банка; но съ другой стороны заботы объ удовлетвореніи государственныхъ расходовъ будутъ ставить правительство въ необходимость повышать проценты по ссудамъ и по учету для увеличенія государственнаго дохода.

Такимъ образомъ, реформа, задуманная въ 1859 году, реформа, спасшая государство отъ тяжелаго кризиса, послужившая упорядоченію торговыхъ дѣлъ, развившая нашъ кредитъ, утратила задачу, которая была положена въ основаніе ея, и привела Государственный банкъ къ положенію дореформенныхъ банковъ.

Указъ 1881 года объ изъятіи выпущенныхъ во время войны кредитныхъ билетовъ въ теченіе восьми лѣтъ или объ уплатѣ этого долга Государственному банку взносомъ либо наличныхъ денегъ, либо билетовъ, которые банкъ могъ бы продать или

обмѣнять на наличныя деньги — указъ этотъ Бунге оставилъ вскорѣ безъ исполненія, сокративъ лишь нѣкоторую часть находившихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ. Въ уплату же остальной части долга Государственному банку выдавались ничего не стоющія обязательства съ обязанностью держать ихъ въ своемъ портфелѣ, не выпуская въ публику. Другими словами, этотъ долгъ, подлежащій погашенію Государственнымъ казначействомъ, переродился въ обязательства, означаемыя только по счетамъ банка, но неимѣющія никакой реальной цѣнности, и оставшіеся до сихъ поръ непогашенными кредитные билеты временнаго выпуска на общую сумму въ 266 милл. руб. ничѣмъ не отличаются въ настоящее время отъ тѣхъ билетовъ, которые принадлежатъ, такъ сказать, къ коренному выпуску.

1890 годъ.

Сообщ. дочь Е. И. Ламанскаго, **А. фонъ-Таль.**